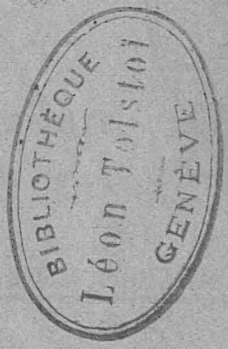
397



1ère ed.

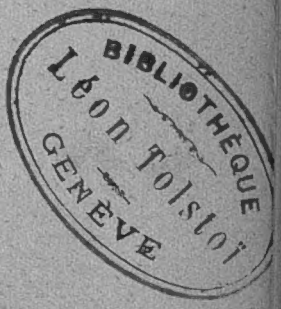
№1093
~~397~~ ~~1592~~

Современникъ:

НИКОЛАЙ II

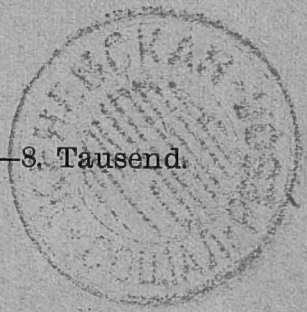
Разоблаченія.

9.47/Н.63
ЦД2/Н826₂
1592
BIBLIOTHÈQUE Léon Tolstoï GENÈVE



Изданіе четвертое.

СЪ ТАЙНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ И РѢЧАМИ ЦАРЯ.

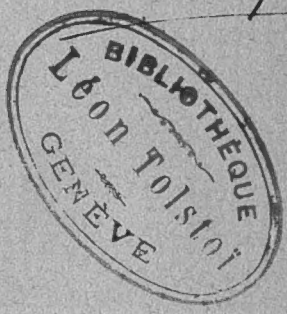


7—8. Tausend.

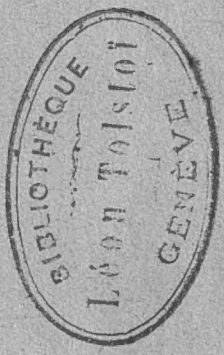
1914
Heinrich Caspari, Berlin
Verlagsbuchhandlung.

1й оф.

1592



Вмѣсто предисловія.

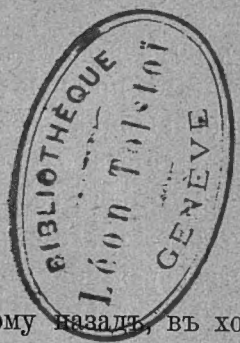


Ц Д 2
Н 826 2

Библиотека ИМЭЛ

413869

2012



Около тридцати лѣтъ тому назадъ, въ холодный октябрьскій день 1894 года, умиралъ въ Ливадіи „плѣнникъ русской революціи“, „культурный дикарь“, царь Александръ III. И въ послѣднія минуты своей жизни онъ оставался вѣренъ себѣ, съ упрямствомъ маньяка не желая ни съ кѣмъ дѣлиться властью, на зло необходимости, не смотря на полную физическую немощь и серьезный застой въ дѣлахъ. Онъ засыпалъ надъ бумагами, но самое слово „регентство“ приводило его въ бѣшенство. Его самолюбіе страдало уже отъ того, что ему приходилось подчиняться врачебнымъ распоряженіямъ профессора Захарьина, лѣчившаго его тяжелый недугъ; ему царю — подчиняться требованіямъ своего раба и подданнаго, хотя-бы онъ былъ даже лейбъ-медикомъ! И вотъ наконецъ Александръ III неожиданно отказывается принимать Захарьина, а вмѣсто него приглашаетъ Іоанна Кронштадтскаго и другихъ поповъ-чудодѣевъ, дабы они своими молитвами спасли ему жизнь. Возмущенный профессоръ хочетъ послѣ этого немедленно покинуть Ли-

вадію, но Черевинъ „приказываетъ“ ему остаться, угрожая въ противномъ случаѣ задержать его при помощи полиціи. И вскорѣ послѣ этого изъ Петербурга вызываются хирурги Вильчковскій и Выводцовъ, чтобы бальзамировать бренные остатки Александра Ш. Нефритъ, болѣзнь сердца, гранулезное пораженіе въ области почекъ и крайнее растройство нервовъ не поддававшіяся лѣченію Захарьина и нѣмецкаго профессора Лейдена, разумѣется не были устранены и молитвами „патентованныхъ молельщиковъ“. Царь Александръ Ш сталъ трупомъ [1]).

Взоры всей Россіи обратились теперь на Николая II. Хотя и въ Россіи судьба страны не зависитъ и не можетъ зависѣть всецѣло отъ воли монарха, но все же, благодаря самодержавному образу правленія, вліяніе царя на ходъ событій настолько велико, что естественно то любопытство, которое вызывала личность новаго царя.

„Что представляетъ собой Николай II?“ Безъ конца обсуждался этотъ вопросъ и высказывались самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ; многое, что казалось тогда неяснымъ въ личности и характерѣ Николая, стало понятнымъ. Бурные, тяжелые, многострадальные годы пронеслись съ тѣхъ поръ надъ Россіей и

---

[1]) см. ук. лит. А. 2.

помогли разсѣять миѳическій туманъ, окружавшій Самодержца Всероссійскаго. И всетаки, еслибы теперь поставить тотъ же самый вопросъ „что представляетъ собой Николай II?“, то врядъ ли изъ сотни отвѣтовъ нашлись бы хотя лишь два, вполнѣ тождественные.

„Я спросилъ“, разсказываетъ французскій журналистъ, „у одного сановника, который часто бывалъ у царя, какого онъ о немъ мнѣнія. Сановникъ, немного подумавъ, отвѣтилъ: „Полковникъ? (такъ въ шутку называютъ царя.) Гм! Онъ быстро воспринимаетъ, быстро схватываетъ сущность дѣла, лишь только собесѣдникъ успѣлъ произнести нѣсколько словъ. Какъ разъ противоположность своему отцу. Александръ III былъ неповоротливымъ и въ умственномъ отношеніи; долго и подробно приходилось ему объяснять каждую мысль, каждый проэктъ, чтобы услышать въ концѣ концовъ слова: „Я этого не понимаю. Вы въ слѣдующій разъ мнѣ объясните лучше.“ Николаю-же докладывать — прямо удовольствіе[1]).“

Такъ-же, какъ французскій журналистъ, отзывались и многіе изъ его нѣмецкихъ коллегъ. „Царь интелигентенъ, уменъ, образомъ, онъ хочетъ добра своему народу, весь поглощенъ помыслами о прогрессивныхъ реформахъ, и если всѣ

---

[1]) см. ук. лит. Б. 19.

эти идеалистическія стремленія сводятся на нѣтъ, то виновата въ этомъ лишь бюрократія. Она скрываетъ правду отъ царя и при помощи исполнительныхъ органовъ извращаетъ смыслъ законовъ изданныхъ царемъ въ интересахъ своего народа.“

Но вотъ что разсказываетъ о Николаѣ II сенаторъ стоявшій очень близко ко двору: „Царь — тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ; не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже, въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно предается патріархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Ѳедоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какой нибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лакеи, чтобы подслужиться, просятъ обождать или придти въ другой разъ, такъ какъ „Его Величество заняты и принять не могутъ“. Доклады онъ подписываетъ, не читая; онъ даже (sic!) „Новаго Времени“ въ руки не беретъ! Правда, Александръ III былъ тоже не уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслитъ... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ,

кричитъ на него — Никокай очень трусливъ и его легко запугать[1]) . . .“

„Ахъ, да развѣ онъ что нибудь понимаетъ?“ съ досадой говоритъ о царѣ наслѣдникъ — нынѣ „бывшій“ наслѣдникъ — Михаилъ. — „Бѣдный запуганный молодой человѣкъ“ — говоритъ про него Левъ Толстой. — „Путешествіе въ нашу страну — истинная пытка для этого робкаго, боязливаго и меланхолическаго существа“ писалъ во время франко-русскихъ торжествъ enfant terrible реакціи Дрюмонъ. — Но не иное впечатлѣніе производитъ онъ и на простонародье. „А царь-то нашъ скучный-прескучный“ — говоритъ одесская баба[2]).

„Ну, что?“ спрашиваетъ во время царскихъ дней въ курскѣ слѣпой старикъ своего свата. — „Да что, сватъ, ничего яснаго отъ царя нѣтъ[3])!“

Итакъ всѣ эти отзывы, какъ разъ противорѣчатъ мнѣнію французскаго журналиста о способностяхъ и талантливости царя. Но онъ это объясняетъ тѣмъ, что толпа не можетъ отдѣлаться по своей глупости отъ символовъ. Всѣ предшественники Николая при вступленіи на тронъ немедленно же облачались въ генеральскій мундиръ. Николай II же остался по доброй волѣ, изъ благо-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

[2]) Ibidem.

[3]) см. ук. лит. Б. 14.

говѣнія къ усопшему отцу, въ чинѣ полковника, дарованнаго ему Александромъ III. И вотъ въ придворныхъ кругахъ царю даютъ кличку „полковника“. „Даже министры его такъ называютъ въ его отсутствіи“, разсказываетъ дальше французскій журналистъ. „Полковникъ — эта кличка въ ихъ глазахъ обозначаетъ добродушное существо, полное наилучшихъ намѣреній, но безъ всякаго авторитета[1])“. Итакъ иностранный біографъ Николая II долженъ всетаки сознаться въ концѣ концовъ, что окружающіе царя не высокаго мнѣнія о его умственныхъ способностяхъ. Мы приводили достаточно отзывовъ раздѣляющихъ это мнѣніе, начиная съ царскаго брата Михаила и кончая курскимъ „сватомъ“, отправившимся поглазѣть на торжества. Казалось-бы что въ Россіи всѣ, какъразъ наперекоръ мнѣнію иностранныхъ журналистовъ, согласны съ тѣмъ, что „много есть болвановъ, первый — царь Романовъ“, какъ гласятъ слова пѣсенки петербургскихъ рабочихъ. Но вотъ послушайте, что говоритъ другая пѣсенка, также весьма популярная среди рабочихъ и крестьянъ. Въ ней Николай II выглядывающій изъ-за прозрачнаго псевдонима Берендея, представляется уже вовсе не такимъ простачкомъ или Иванушкой-дурачкомъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 19.

Какъ во городѣ столичномъ,
Во дворѣ живетъ отличномъ,
Царь страны той Берендей
(Подъ нимъ двадцать пять царей).
Съ нимъ живутъ и двѣ царицы,
Двѣ заморскія дѣвицы:
Берендея мать — одна,
А другая-то жена.
Еще есть у нихъ приплодъ,
Сынъ — наслѣдничекъ растетъ.
Всѣ живутъ который годъ
Безъ печали, безъ заботъ,
Сладки вина попиваютъ,
Виноградомъ заѣдаютъ.
На готовомъ царь живетъ,
А идетъ ему доходъ:
Получаетъ онъ заразъ
Сорокъ тысячъ рублей въ часъ.
Не беретъ совсѣмъ бумажекъ —
Ни рублевокъ, ни сотняжекъ —
А беретъ онъ только злато
(Знать страна его богата),
Корабли имъ нагружаетъ,
Въ банкъ за море отправляетъ[1]).

Николай-Берендей этой пѣсни, начальникъ надъ двадцатью-пятью царями-губернаторами, показываетъ намъ царя въ совершенно новомъ видѣ. Здѣсь онъ хитеръ, прозорливъ, когда отправляетъ награбленныя деньги въ Лондонскій Банкъ, чуя неминуемую побѣду Русской Революціи. Правда нравственный обликъ его въ этой пѣснѣ не осо-

---

[1]) см. ук. лит. А. 4.

бенно привлекателенъ. Но и въ оцѣнкѣ нравственной стороны личности царя мнѣнія не менѣе расходятся, чѣмъ въ оцѣнкѣ его умственныхъ способностей. Вотъ одинъ изъ отзывовъ наиболѣе благопріятныхъ для царя: „По чувству человѣчности Николая II можно пожалѣть. Онъ, говорятъ, добръ, страстно хочетъ облагодѣтельствовать Россію и не менѣе страстно жаждетъ „понимать дѣла“. „Мы искренно жалѣемъ государя какъ человѣка“, говоритъ либеральный фрондеръ въ газетѣ „Освобожденіе“, и ошибки царя объясняетъ не злой волей, а „неустойчивостью молодого человѣка“[1]).

Не безъ сочувствія и сожалѣнія относится къ царю англійскій романистъ и поэтъ Мередитъ. Но при всемъ сочувствіи, онъ не можетъ его оставить на томъ пьедесталѣ, который воздвигнула нѣмецкая и французская печать. Онъ долженъ признаться, что царь, хотя бы и не по своей винѣ, падаетъ нравственно все ниже и ниже. „Онъ жалкое, слабое существо и всѣ мы должны пожалѣть его въ его паденіи. У него нѣтъ собственной воли . . . .“[2]).

Невольно вспоминаются безчисленные анекдоты разсказываемые о безволіи царя. Приведемъ одинъ изъ самыхъ остроумныхъ:

Во время первыхъ крупныхъ студенческихъ без-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

[2]) см. ук. лит. А. 18.

порядковъ является къ царю Ванновскій и заявляетъ, что теперь надо дать студентамъ свободу и удовлетворить ихъ требованія; иначе нѣтъ возможности подержать порядокъ. Царь, выслушавъ его, отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ!“ За Ванновскимъ влетаетъ Плеве и кричитъ: „Засѣчь ихъ надо! По тюрьмамъ ихъ! Въ Сибирь сослать! Иначе нельзя!“ Царъ кротко отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ.“ Но тутъ его „любезная супруга“, смущенная этимъ отвѣтомъ, замѣчаетъ, что онъ только-что хотѣлъ дать студентамъ свободу. Онъ обращаетъ на нее свой смущенный взоръ и отвѣчаетъ: „Совершенно согласенъ съ тобой, Сашенька[1])!“

Не хуже слѣдующая басня: Разъ царю приснился страшный сонъ. На берегу Невы стояли три коровы: одна жирная, другая тощая и третья слѣпая. Жирная корова вдругъ приблизилась къ тощей, начала кусать ее, и въ концѣ концовъ съѣла. А слѣпая корова стояла при этомъ и издавала лишь удивленно свое „мэ-мэ“. Попы-ворожеи призванные царемъ объяснили сонъ такимъ образомъ: „Жирная корова — это бюрократія. Тощая это изголодавшійся народъ. Бюрократія съѣдаетъ его, а при этомъ стоишь ты царь, слѣпая корова, и издаешь свое безсмысленное „мэ-мэ[2])!“

[1]) см. ук. лит. А. 13.
[2]) Ibidem.

Эту же „слѣпоту“ царя, это невѣдѣніе народнаго горя рисуетъ въ мрачныхъ трагическихъ тонахъ нѣмецкій сатирическій журналъ въ картинѣ озаглавленной „Der blinde Zar“ (слѣпой царь). Постараемся описать эту картину: Земля залита кровью. Всюду валяются трупы. На горизонтѣ багряное зарево. Освѣщенный этимъ заревомъ медленно идетъ Николай II. Ноги его спотыкаются о трупы. Кровяное море почти касается колѣнъ. Но онъ ничего не видитъ и медленно идетъ дальше, — онъ слѣпъ. И какой-то злой рокъ толкаетъ его все дальше и дальше на его пути, пока онъ самъ не захлебнется въ морѣ крови, пролитой имъ самимъ[1]). „Злой рокъ“, это въ глазахъ благожелателей царя, то бюрократія, то великіе князья, а то просто дворцовая челядь, знакомая Россіи подъ именемъ „звѣздной палаты“. Не царь толкаетъ другихъ на кровавые подвиги, а другіе его. „Онъ какъ чувствительная пластинка воспринимаетъ внѣшнія вліянія и рабски слѣдуетъ имъ“, говоритъ тотъ же авторъ, который восторгался добротой царя и его желаніемъ „облагодѣтельствовать Россію[2])“ И Мередитъ, симпатизирующій царю, объясняетъ его поступки вліяніемъ великихъ князей. „Что же касается великихъ князей“, говоритъ онъ, „то это враги рода чело-

[1]) см. ук. лит. Б. 23.
[2]) см. ук. лит. Б. 14.

вѣческаго. Во всемъ мірѣ не найдется человѣка, который бы пожалѣлъ объ ихъ исчезновеніи[1])." Иного мнѣнія авторъ статей въ Qarterly Review. Не отрицая слабохарактерности Николая, признавая вліяніе постороннихъ, онъ все же и его самого не можетъ освободить отъ всякой отвѣтственности.

„Неустойчивый, нерѣшительный, самодовольный, измѣнчивый, онъ тасуетъ своихъ любимцевъ сообразно перемѣнѣ настроенія, позволяя кликѣ случайныхъ, темныхъ и опасныхъ людей присваивать себѣ функціи его отвѣтственныхъ министровъ, тогда какъ предложенія послѣднихъ оставляются безъ вниманія, ихъ предостереженія пропускаются мимо ушей, а мѣры принимаемыя ими для защиты государства не только вмѣняются ни во что, но принимаются враждебно, какъ проявленіе непослушанія...." Объясняетъ онъ поведеніе царя слѣдующимъ образомъ: „... Николай Александровичъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на средоточіе всего міра, миротворца человѣческаго рода, какъ на носителя цивилизаціи среди „желтыхъ" и иныхъ „варварскихъ" расъ, и какъ на правителя, дающаго своему народу чуть не всевозможныя блага. Глядя на эту свою фантастическую миссію вполнѣ серьезно, онъ постоянно и непосредственно вмѣшивался въ каждое государственное дѣло, будь

---

[1]) см. ук. лит. А. 18.

оно внутреннее, или международное, подрывая естественное теченіе правосудія, разрушая, разоряя своихъ подданныхъ, хвастаясь своей страстной любовью къ миру, и въ то же время вовлекая свой народъ, отягоченный налогами, во всѣ ужасы кровопролитной и ненужной войны....[1])."

Тутъ вспоминается намъ другая заграничная каррикатура. „Рождество. Всюду елки, на которыхъ навѣшаны игрушки для дѣтей. Но у „Ники" нѣтъ елки. Ему лейбъ-казакъ, вмѣсто елки, приноситъ висѣлицу нагруженную человѣческими трупами. А „Ника" радостно улыбается[2])."

Здѣсь звучитъ еще новая нотка: Николай не только вѣшатель, но кромѣ того и наивный дикарь, не умѣющій скрывать своего упоенья кровью. Другая каррикатура рисуетъ его уже менѣе наивнымъ, но зато болѣе лицемѣрнымъ и фарисействующимъ. Между грудъ убитыхъ гражданъ стоятъ висѣлицы, на которыхъ висятъ казненный студентъ и рабочій. Царь приводитъ къ повѣшеннымъ свою дочку и съ улыбающимся лицомъ говоритъ, что теперь, наконецъ, онъ будетъ жить въ дружбѣ со своимъ народомъ[3]).

Еще ядовитѣе каррикатура подъ заглавіемъ: „Какъ царь участвуетъ въ войнѣ". Лицо Николая II

---

[1]) см. ук. лит. Б. 30.
[2]) см. ук. лит. Б. 31.
[3]) см. ук. лит. А. 13.

изображено довольно удачно; изъ одного глаза катится большая крокодилова слеза. Плачущій самодержецъ сидитъ за столомъ и на швейной машинѣ Зингера шьетъ что-то бѣлое, должно быть подштанники для раненыхъ на полѣ сраженія солдатъ [1]). Какъ бы въ подтвержденіе этихъ карикатуръ лицо близко стоящее къ Николаю, подчеркиваетъ въ качествѣ „основного недостатка личности Николая II — полнѣйшее отсутствіе прямоты, искренности, смѣлости“ т. е. иными словами признаетъ царя лжецомъ, фарисеемъ и трусомъ [2]).

О личности царя благодаря цензурнымъ условіямъ свободно писать возможно только за границей. Поэтому матеріалы для его біографіи скудны и разбросаны. Но всетаки мы могли бы еще долго продолжать перечень разнорѣчивыхъ мнѣній о личности царя, если бы не боялись утомить читателя. Да кромѣ того всѣ эти мнѣнія, столь противоположныя и разнорѣчивыя, являются какимъ то таинственнымъ шифромъ, къ которому невольно подыскиваешь ключъ, чтобы устранить мнимыя противорѣчія и разгадать личность царя. Но неужели эта личность такъ таинственна и загадочна, такъ тяжело поддается психологическому анализу, что требуется столько усилій, чтобы понять ее? И не далъ ли талантливый публицистъ Амфитеатровъ

[1]) см. ук. лит. А. 13.
[2]) см. ук. лит. Б. 14.

ИМЭЛ 413869

ключъ для этой загадки, написавъ свою сатиру о „Господахъ Обмановыхъ“? По его мнѣнію „Ника-Милуша“ незрѣлый, зеленый, неустановившійся молодой человѣкъ, измѣнчивый во взглядахъ и настроеніяхъ. И поэтому люди мало знающіе его, склонны ошибаться, если принимаютъ каждое его слово въ серьезъ, судя по двумя-тремъ словамъ о характерѣ царя. Но дадимъ лучше слово самому біографу „Ники-Милуши“.

„Весь домъ читалъ „Гражданинъ“, читалъ и „Ника-Милучша“, хотя злые языки говорили, и говорили правду, будто подговоренный мужичекъ съ ближайшей желѣзнодорожной станціи носитъ ему потихоньку и „Русскія Вѣдомости“. И будто сидитъ, бывало, Ника-Милуша, якобы „Гражданинъ“ изучая, — анъ, подъ „Гражданиномъ“ то у него „Русскія Вѣдомости“. Нѣтъ папаши въ комнатѣ, онъ въ „Русскія Вѣдомости“ вопьется. Вошелъ папаша въ комнату, — онъ сейчасъ страничку перевернулъ и пошелъ наставляться отъ кн. Мещерскаго, какъ надлежитъ драть кухаркина сына въ три темпа, и получилось изъ такой Никиной двойной читанной бухгалтеріи два невольныхъ самообмана.

— Твердый дворянинъ изъ Ники будетъ! думалъ отецъ.

На станціи же о немъ говорили:

— А сынокъ-то не въ папашу вышелъ. Сво-

бодомыслящій! Это ничего, что онъ тихоня. Но смотрите! Вотъ достанутся ему Большіе-Головотяпы, онъ себя покажетъ! Отъ всѣхъ этихъ дворянскихъ папашиныхъ затѣй-рацей только щепочки полетятъ.

И отецъ, и станція равно глубоко ошибались. Изъ всего, что было Никѣ темно и загадочно въ жизни, всего темнѣе и загадочнѣе оставался вопросъ:

— „Что собственно я, Никандръ Обмановъ, за человѣкъ, каковы суть мои намѣренія и убѣжденія?

Отъ привычки урывками читать „Гражданинъ“ не иначе, какъ въ перемежку съ потаенными „Русскими Вѣдомостями“, въ головѣ его образовалась совершенно фантастическая сумятица. Онъ совершенно потерялъ границу между дворянскимъ охранительствомъ и доктринерскимъ либерализмомъ и съ полною наивностью повторялъ иногда свирѣпыя передовицы кн. Мещерскаго, воображая, будто цитируетъ защиту земскихъ учрежденій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, либо, наоборотъ, пробѣжавъ изъ подъ листа „Гражданина“ передовицу московской газеты, говорилъ какому-нибудь сосѣду:

— А здорово пишетъ въ защиту всеобщаго обученія грамоты князь Мещерскій[1])!“

Итакъ, по Амфитеатрову ларчикъ просто от-

[1]) см. ук. лит. А. 1.

крывался. Путаница въ головѣ царя; благодаря этой путаницѣ противорѣчащія другъ другу мнѣнія высказываемыя царемъ, а отсюда истекаютъ уже разнорѣчивыя оцѣнки личности царя.

Не слишкомъ ли просто это объясненіе?

И снова передъ нами выступаютъ неразрѣшенные вопросы. Уменъ царь или не уменъ? Вѣдаетъ что творитъ — или не вѣдаетъ? Орудіе ли онъ въ рукахъ другихъ или сознательный руководитель правительства? „Слѣпая корова издающая полное недоумѣнія мэ-мэ“, или „страстный идеалистъ, умный и благородный, но безсильный передъ лицомъ коварной бюрократіи“? Или же наконецъ ни то, ни другое; не особенно умный, но и не совсѣмъ дуракъ; просто „хитрый и расчетливый Берендей,“ любящій власть, и энергично отстаивающій ее, несмотря на прочую безвольность и нерѣшительность, покидающихъ его лишь въ этомъ вопросѣ?

На всѣ эти вопросы мы попытаемся дать отвѣтъ въ предлагаемыхъ читателю очеркахъ. Сопоставляя и анализируя поступки царя, его частную жизнь и политическія выступленія, пользуясь матеріаломъ тщетно хотя и тщательно охраняемымъ правительствомъ отъ свѣта гласности, мы надѣемся дать отвѣтъ, единственно возможный отвѣтъ на вопросъ:

Что же такое наконецъ представляетъ собой Николай II?

Дѣтство,
отрочество,
юность.

Когда Николай II вступилъ на престолъ ему было всего 26 лѣтъ. Какъ онъ прожилъ до тѣхъ поръ, какъ выросъ, какъ провелъ свою юность, объ этомъ знали мало. Въ то время какъ его двоюродные братья Кириллъ и Борисъ Владиміровичи росли на виду у всѣхъ, какъ ихъ видѣли мальчиками, дерущимися и ругающимися самыми отборными словами во время прогулокъ по аллеямъ Царскосельскаго парка, Николай II проводилъ свое дѣтство скрытый отъ любопытныхъ взоровъ. Но и объ отрокѣ мало слышно, и лишь сдѣлавшись офицеромъ, его худенькая фигурка, облаченная въ гвардейскій мундиръ, изрѣдка мелькаетъ на улицахъ столицы. Его физическая немощь, блѣдное лицо со впалыми глазами, все это внушало обывателю жалость и предположеніе, что наслѣдникъ славный, симпатичный, но несчастный юноша. Говорили о „тяжелой рукѣ“ Александра III. давящей своего сына, жалѣли наслѣдника какъ жертву властолюбія своего отца. Даже зоркій Амфитеатровъ не разглядѣлъ фальши этихъ обы-

вательскихъ фантазій, и нарисовалъ намъ „Нику-Милушу,“ забитаго деспотическимъ отцомъ.

„Сынъ Алексѣя Алексѣевича, новый и единственный владѣлецъ и вотчинникъ Большихъ Головятиновъ, Никандръ Алексѣевичъ Обмановъ, въ просторѣчіи Ника-Милуша былъ маленькій, миловидный, застѣнчивый молодой человѣкъ, съ робкими, красивыми движеніями, съ глазами, то ясно-довѣрчивыми, то грустно обиженными, какъ у серны въ звѣринцѣ.

Предъ отцомъ онъ благоговѣлъ и во всю жизнь свою ни разу не сказалъ ему: нѣтъ. Попросился онъ, кончая военную гимназію, въ университетъ — родитель посмотрѣлъ на него холодными, тяжелыми глазами на выкатѣ:

— Зачѣмъ? Крамолъ набираться?

Никандръ Алексѣевичъ сказалъ:

— Какъ вамъ угодно будетъ папенька.

И такъ какъ папенькѣ было угодно пустить его по военной службѣ, то не только безропотно, но даже какъ бы съ удовольствіемъ проходилъ нѣсколько лѣтъ въ офицерскихъ погонахъ. Въ полку имъ нахвалиться не могли, въ обществѣ прозвали Никою-Милушею и прославили образцомъ порядочности; все сулило ему блестящую карьеру. Но какъ скоро Алексѣй Алексѣевичъ сталъ старѣть, онъ приказалъ сыну выйти въ отставку и ѣхать въ деревню. Сынъ отвѣчалъ:

— Какъ вамъ угодно будетъ, папенька.

И — только Марина Филиповна осмѣлилась, было, заикнуться предъ своимъ непреклоннымъ повелителемъ:

— Но вѣдь онъ можетъ быть въ тридцать пять лѣтъ генераломъ.

На что и получила суровый отвѣтъ:

— Прежде всего, матушка, онъ дворянинъ и долженъ быть дворяниномъ. А дворянское первое дѣло — на землѣ сидѣть-съ! Да-съ! Хозяиномъ быть-съ! И когда я помру, желаю, чтобы сію священную традицію могъ онъ принять отъ меня со знаніемъ и честью.

И сидѣлъ Ника-Милуша въ Большихъ-Головятинахъ, Обмановкѣ тожъ, безвыходно, безвыѣздно,— къ хозяйству не пріучился, ибо теоріи то дворянско-земельныя старикъ хорошо развивалъ, а на практикѣ ревнивъ былъ и ни къ чему сына не допускалъ:

— Гдѣ тебѣ! Молодъ еще! — Приглядывайся: коли есть голова на плечахъ, когда нибудь и хозяинъ будешь.

— Слушаю, папенька. Какъ вамъ угодно, папенька[1]).“

Картина эта, рисующая молодость Николая, лишь отчасти правильна. Правильно въ ней дрябло — благоговѣйное отношеніе сына къ отцу. Правиль-

---

1) см. ук. лит. А. 1.

но можетъ быть и то, что у сильнаго волей Александра III было презрительно-высокомѣрное отношеніе къ безхарактерному сыну; возможно, что возникали и въ царской семьѣ недоразумѣнія, при чемъ слабая воля покорялась болѣе сильной: Николай II подчинялся Александру. Но безусловно невѣрно, что эти недоразумѣнія происходили на идейной почвѣ, на почвѣ столкновенія принциповъ. Ни въ какіе университеты Ника-Милуша не собирался, никакихъ крамолъ нигдѣ и никогда не набирался. Манежъ или плацъ, вино, карты, дорого стоющія женщины и дешевыя побѣды надъ ними — все это вполѣ удовлетворяло молодого цесаревича[1]). Говорили, что онъ держался въ тѣни, чтобы до поры до времени скрывать свои настоящія мысли и взгляды передъ отцомъ. Но какія взгляды и мысли нужно было ему скрывать? О чемъ думалъ, о чемъ мыслилъ этотъ молодой человѣкъ? Въ какой притонъ поѣхалъ, гдѣ лучшее вино, и какъ бы веселѣе кутнуть съ дядюшкой Сергѣемъ Александровичемъ!

Нѣтъ, не въ домѣ Романовыхъ мѣсто идейному антагонизму и семейнымъ драмамъ между „отцами и дѣтьми“!

Не назвать же въ самомъ дѣлѣ „драмой“ событія предшествовавшія кругосвѣтному путешествію цесаревича. Обыкновенно разсказываютъ,

---

1) см. ук. лит. Б. 14.

что Александръ III, строго преслѣдовавшій распутство приближенныхъ, не обращалъ вниманія на похожденія старшаго сына, пока одна изъ связей цесаревича не приняла болѣе серьезнаго характера. Тогда якобы боясь „mésalliance'a“ (вѣдь не мало страдало его самолюбіе при воспоминаніи о морганатическомъ бракѣ собственнаго отца), Александръ III приказалъ сыну разорвать связь и обручиться съ Алисой Гессенской. Но сынъ, привязавшись серьезно къ какой-то дѣвушкѣ (ея имя называютъ разно), наотрѣзъ отказался съ ней порвать. И вотъ, чтобы дать ему возможность „остыть и одуматься“, его отправили прогуляться вокругъ свѣта[1]).

Все это мало вѣроятно. Образъ жизни цесаревича врядъ ли подготовилъ его для глубокаго и серьезнаго чувства. Не кутежи съ Сергѣемъ Александровичемъ могли въ немъ воспитать уваженіе къ женщинѣ. Вѣдь извѣстно же, что та же самая балетная танцовщица, которая дарила ему свою благосклонность, лежала и въ объятіяхъ его „Августѣйшихъ Родственниковъ“ — великихъ князей: эта „преемственность“ нисколько не смущала цесаревича. Врядъ ли какая нибудь глубокая привязанность послужила яблокомъ раздора между отцомъ и сыномъ. Александръ хотѣлъ же-

1) см. ук. лит. A. 20.

нить сына — это вѣрно. Николай противился — это возможно. Но причина была, вѣроятно, другая. Александръ III предъявлялъ строгія требованія членамъ своей семьи. Нужно ему отдать справедливость: этотъ тупоумный самодуръ былъ безупречнымъ семьяниномъ. На поведеніе сына онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, пока тотъ былъ молодъ и холостъ. Женатому онъ его бы не простилъ. Цесаревичъ это зналъ и уклонялся отъ женитьбы. Вотъ какіе расчеты руководили имъ при отказѣ жениться, и вотъ изъ какихъ побужденій обывательская молва съумѣла состряпать сплетню, въ которой роль Николая куда болѣе симпатична, чѣмъ въ дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, въ скоромъ времени послѣ указанныхъ инцидентовъ появились сообщенія о томъ, что цесаревичъ отправляется въ кругосвѣтное путешествіе, чтобы ознакомиться съ дальними странами, ихъ обычаями и народами. А черезъ нѣкоторое время послѣ этого стали появляться и оффиціальныя реляціи объ этомъ путешествіи.

„Чѣмъ болѣе длилось путешествіе, тѣмъ длиннѣе становились реляціи, а чѣмъ болѣе удлинялись реляціи, тѣмъ болѣе чувствовалось, что въ нихъ чего-то, и при томъ самаго интереснаго, не достаетъ. Ни въ скупости на слово, ни въ пренебреженіи къ подробностямъ ихъ обвинить нельзя было. Напротивъ — гладко и

картинно, въ классическомъ стилѣ оффиціальнаго живописанія они повѣствовали намъ о природѣ странъ, посѣщенныхъ цесаревичемъ; рисовали пейзажи Индіи, виды ея городовъ и храмовъ; передавали всѣ подробности обстановки пировъ устроенныхъ въ честь цесаревича; разсказывали какъ его чествовали, какія ему дѣлали встрѣчи, говорили привѣтствія, какія зданія и мѣста онъ посѣщалъ, и только о томъ, что дѣлалъ и говорилъ самъ цесаревичъ, не было ни одного слова[1]).“

Объяснялось это весьма просто, Первый разъ цесаревичъ появился среди людей, принадлежащихъ не только къ „своему кругу“. И не привыкшіе къ страннымъ вкусамъ и интересамъ салоновъ Зимняго Дворца, всѣ были поражены нравственнымъ и духовнымъ убожествомъ будущаго самодержца. Теперь сталкивались съ нимъ ежедневно моряки, иностранцы, журналисты и всѣ они были поражены пошлостью и безцвѣтностью его ума. Цесаревичъ мало говорилъ. Но не изъ политическихъ соображеній. Мы уже говорили, что ему нечего было скрывать отъ отца. Расходился онъ съ нимъ лишь во взглядѣ на необходимость ранней женитьбы. Причиной его молчанія также не была глубина натуры, не отвращеніе размѣнивать сильныя ощущенія на мелкую монету разговоровъ

---

1) см. ук. лит. А. 20.

съ чужими людьми. Нѣтъ! Цесаревичу было просто не о чемъ говорить. Ничто не возбуждало его интереса, ничто не производило на него впечатлѣнія. Или же впечатлѣнія были такъ неглубоки, что поражали даже его окружающихъ. Видно было — Николай скучалъ. И оживалъ онъ лишь „дома“, т. е. на кораблѣ въ „своемъ кругу“. Здѣсь ему уже не приходилось корчить изъ себя „высокаго гостя“, здѣсь не требовалось встрѣчаться съ людьми, стоящими ниже его по соціальному положенію и презираемыми имъ за это. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на палубѣ и смотрѣлъ, какъ его братъ Георгій и греческій наслѣдный принцъ занимались боксомъ или карабкались по мачтамъ.

Къ нему былъ прикомандированъ кн. Ухтомскій, человѣкъ знающій и образованный. Онъ долженъ былъ читать Николаю лекціи о народахъ и странахъ, которыя они посѣщали. Но не желая портить своихъ отношеній къ будущему царю, и видя у него отсутствіе всякихъ серьезныхъ интересовъ, князь Ухтомскій врядъ ли докучалъ Николаю научными бесѣдами и занятіями.

Николай предпочиталъ этимъ занятіямъ наслаждаться предвкушеніемъ будущей власти. Сдержанный въ гостяхъ, когда это было необходимо, онъ немедленно терялъ всякое чувство мѣры, какъ только могъ предполагать, что не найдетъ доста-

точно сильнаго отпора. Англійскія газеты того времени разсказываютъ, что во время путешествія цесаревича на кораблѣ „Память Азова“, „произошло серьезное столкновеніе между капитаномъ этого парохода и сопровождающимъ цесаревича княземъ Барятинскимъ. Этотъ послѣдній, соображаясь съ желаніемъ цесаревича“, говорятъ газеты, „позволилъ себѣ отдавать разныя приказанія пароходной командѣ, а управляющій пароходомъ, капитанъ Ломанъ, запретилъ ей исполнять ихъ, давъ понять своимъ пасссажирамъ, что никто, кромѣ него, не имѣетъ права распоряжаться на кораблѣ. Говорятъ, что вслѣдствіе этого столкновенія, въ командѣ начали даже обнаруживаться попытки къ возмущенію, но они тотчасъ же были прекращены энергичнымъ капитаномъ, который увидѣлъ себя вынужденнымъ отослать нѣкоторыхъ непокорныхъ назадъ въ отечество и перевести на ихъ мѣсто матросовъ изъ экипажа корабля, сопровождавшаго „Память Азова[1])“.

Не иронія ли судьбы, что все это происходило на томъ же кораблѣ „Память Азова“, который 15 лѣтъ спустя замѣнивъ Андреевскій флагъ краснымъ знаменемъ присоединился къ Русской Революціи и угрожалъ самодержавному царю!

Вспомнилъ ли тогда Николай о бурѣ въ ста-

---

1) см. ук. лит. А. 20.

канѣ воды, произведенной имъ въ качествѣ цесаревича на этомъ же кораблѣ?

Все разсказанное нами о путешествіи Николая — мелочи; но эти мелочи не лишены были значенія. Онѣ показываютъ, какое впечатлѣніе произвелъ и не могъ не произвести Николай, какъ только онъ впервые показался среди людей, не принадлежащихъ къ кругу, который Романовы называютъ „своимъ“.

11 мая 1891 года на Николая, находившагося тогда въ Токіо, было произведено покушеніе. Причины этого покушенія до сихъ поръ въ точности не выяснены: кто указывалъ на романическую подкладку, кто говорилъ, что Николай оскорбилъ японскую святыню, кто наконецъ увѣрялъ, что Николай сдѣлался жертвой фанатика-японца, ненавидѣвшаго всѣхъ иностранцевъ. Не имѣя возможности провѣрить вѣрность каждаго изъ этихъ слуховъ, мы не станемъ дальше на нихъ останавливаться. Скажемъ лишь, что при характерѣ Николая насъ не удивило бы, если одно изъ двухъ первыхъ предположеній оказалось правильнымъ. Какъ бы то ни было — Николай получилъ ударъ по головѣ, при чемъ и это не выяснено, саблей ли или тупымъ орудіемъ. О по-

слѣдствіяхъ этого удара намъ еще придется говорить въ слѣдующихъ очеркахъ[1]). Непосредственно же послѣ покушенія Николай покинулъ Японію и направился въ Сибирь, гдѣ участвовалъ при заложеніи новаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. При вступленіи на сибирскую территорію была издана частичная амнистія, изъ которой были исключены всѣ политическіе. Скажутъ, что виноватъ въ этомъ былъ Александръ III. Но пусть обратитъ читатель вниманіе на то, что намъ неизвѣстно ни одно слово сказанное Николаемъ въ пользу политическихъ, ни одинъ шагъ предпринятый имъ, чтобы распространить и на нихъ амнистію.

Но онъ не могъ сказать этого слова, онъ не могъ сдѣлать этого шага — ибо онъ былъ согласенъ съ отцомъ. Готовясь къ тому, чтобы взять со временемъ власть въ свои руки, онъ долженъ былъ ненавидѣть тѣхъ, кто пытался ее ограничить, и не могъ противодѣйствовать отцу въ борьбѣ съ этими людьми.

Послѣ путешествія отношенія съ отцомъ стали снова ровныя и нормальныя. Николай II далъ согласіе обручиться съ гессенской принцессой и вскорѣ его исполнилъ. Отношенія между отцомъ и сыномъ были настолько хороши, что Александръ,

---

[1]) См. очеркъ „Заговоры противъ царя“.

въ общемъ недовѣрчиво отстранявшій сына отъ дѣлъ, разрѣшилъ Николаю предсѣдательствовать въ Комитетѣ Помощи Голодающимъ. Во время этихъ засѣданій Николай снова показалъ, что можетъ себя сдерживать, когда считаетъ это необходимымъ; что хотя и не обладаетъ умомъ и знаніями, то не лишенъ извѣстной расчетливости, когда рѣчь идетъ о его интересахъ. На всѣхъ засѣданіяхъ Николай — молчалъ. Онъ молча согласился даже съ тѣмъ, когда вынесли резолюцію, что въ борьбѣ съ голодомъ частная иниціатива „отнюдь не должна быть стѣсняема“. Будучи царемъ Николай показалъ, что прекрасно понималъ опасность грозящую самодержавію при всякаго рода народной самодѣятельности. И тогда онъ врядъ ли находился въ невѣдѣніи относительно этой опасности, и несомнѣнно отстоялъ бы свой взглядъ — если бы не боязнь потерять популярность. Несмотря на отсутствіе ума, своего рода инстинктъ соблюденія своей выгоды подсказывалъ ему, что пока онъ наслѣдникъ — приходится беречь популярность. Будучи царемъ и опираясь на силу пулеметовъ онъ уже не боялся поставить ту же самую популярность на карту.

Намъ ничего не извѣстно о томъ, чтобы Александръ III не былъ доволенъ развитіемъ своего сына. Наоборотъ, высказываютъ, что онъ вполнѣ убѣдился, что сынъ раздѣляетъ его взгляды о

святости и незыблемости самодержавія. И если онъ безпокоился передъ смертью, то лишь потому, что боялся, что у Николая не хватитъ энергіи отстоять свою позицію противъ внутреннихъ враговъ или свое мнѣніе противъ увѣщеваній придворныхъ либераловъ, которые всюду мерещились Александру, но которыхъ въ дѣйствительности не существовало.

И поэтому всѣ разсказы о томъ, что Александръ послѣ долголѣтней размолвки съ сыномъ, призвалъ его къ своему смертному одру для примиренья — неправдоподобны. Александръ позвалъ его, чтобы еще разъ передъ смертью высказать то, что онъ считалъ квинтессенціей государственной мудрости: незыблемость самодержавія. И если передъ смертью онъ составилъ манифестъ, который долженъ былъ опубликовать Николай при вступленіи на престолъ, то это отнюдь не являлось насиліемъ надъ волей сына. Николай принялъ манифестъ изъ рукъ отца съ благодарностью и благоговѣніемъ[1]).

И какъ могъ онъ сомнѣваться въ цѣлесообразности политики „желѣзнаго кулака“? „Либералъ Александръ II“ былъ убитъ бомбой, а „столпъ самодержавія Александръ III“ умиралъ естественной смертью! Не указывало ли это путь? И не думалъ

[1]) см. ук. лит. А. 2.

тогда Николай, что придется ему расплачиваться впослѣдствіи за отцовскіе грѣхи.

Вполнѣ искренне прозвучала, поэтому первая рѣчъ Николая послѣ смерти Александра III. Въ ней не было ни одного слова, которое бы противорѣчило взглядамъ царя, восшедшаго на престолъ, или его прежнимъ поступкамъ. Пусть текстъ составилъ Побѣдоносцевъ или кто-нибудь другой, по смыслу рѣчь — Николаевская. Она — заключительный аккордъ тѣхъ самодержавныхъ мелодій, которыя звучали во время всей молодости Николая II.

Вотъ слова произнесенныя царемъ на Высочайшемъ выходѣ въ Москвѣ 31 октября 1894 г.:

„Тяжко и больно быть теперь въ Москвѣ, которую такъ искренне любилъ Мой незабвенный Батюшка; но Императрица и Я находимъ сердечное утѣшеніе въ молитвахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся Россія проливаетъ въ эти дни испытанія. Да поможетъ Мнѣ Господь служить Нашей горячо любимой родинѣ такъ же, какъ служилъ ей Мой покойный Отецъ, и вести ее по указанному имъ свѣтлому и лучезарному пути“ [1]).

[1]) см. ук. лит. Б. 15.

Если въ горе, несомнѣнно искреннее, по поводу смерти отца, всетаки вкрадывалась радость, то причиной тому было не то, что Николай освободился отъ отцовскаго гнета, а то, что онъ забралъ въ свои руки свободу 130 милліоновъ людей.

Медовый мѣсяцъ.

Не ожидали-ли вы, читатель, что мы васъ пригласимъ въ царскую спальню, чтобы здѣсь подсматривать альковныя тайны Зимняго Дворца? Или вы ожидали разслѣдованій о томъ, остался ли Николай послѣ свадьбы съ Алисой вѣренъ своей старой привязанности? Или разрѣшеніе другихъ похожихъ проблемъ?

Вы ошиблись, читатель. Не о медовомъ мѣсяцѣ Николая Александровича и Александры Ѳедоровны собираемся мы говорить, а о томъ какъ раскрылись для молодого царя полныя страстной истомой нѣги и ожиданія, пламенныя объятія — русскаго либеральнаго общества!

Послѣ всего, что мы разсказали о Николаѣ это покажется страннымъ! Какой поступокъ Николая, какое слово дало поводъ ихъ упованіямъ?

Увы, они вѣрили, надѣялись, потому что иначе они должны были признать свои мечты неосуществимыми. Народа они боялись, своимъ собственнымъ силамъ не довѣряли, оставалась одна надежда — молодой царь!

Какіе ничтожные случаи давали иногда по-

водъ оптимистическому настроенію либераловъ, примѣромъ тому пусть послужитъ слѣдующій разсказъ, сохранившійся въ заграничной газетѣ того времени.

„Глухою осенью 1894 г., днемъ по Невскому проспекту шелъ молодой офицеръ, съ задумчивыми печальными глазами. Офицеръ шелъ, не привлекая ничьего вниманія, и благополучно миновалъ уже Милютины ряды, какъ вдругъ передъ нимъ выросла фигура градоначальника фонъ Валя. Онъ бѣшено мчался въ своемъ экипажѣ по направленію отъ Зимняго Дворца, зорко осматривая прохожихъ по Невскому. Увидѣвъ офицера, онъ выскочилъ изъ экипажа и, въ упоръ глядя своими красными воспаленными глазами (было болѣе 3 часа дня и фонъ Валь съ этого момента бывалъ совершенно пьянъ) на смущеннаго офицера тихо сказалъ ему:

— Это невозможно, Ваше Величество!

— Но, генералъ . . .

— Это невозможно, Ваше Величество, и я Васъ умоляю вернуться во дворецъ . . .

Моментально вокругъ государя — офицеръ съ печальными глазами былъ дѣйствительно, ни кто иной, какъ Николай II, самодержецъ всероссійскій — и фонъ Валь собралась толпа. Царь продолжалъ идти по тротуару; фонъ Валь шелъ по проѣзду, почтительно изогнувшись.

— Но, генералъ, я вышелъ погулять ...

— Это невозможно, Ваше Величество ...

На этотъ разъ послѣдняя фраза была услышана толпой, слова „царь! царь!“ переходили изъ устъ въ уста; раздалось громкое „ура“, полетѣли вверхъ шапки: тогда Николай II былъ еще очень популяренъ, на него возлагали большія надежды, и появленіе царя безъ свиты и охраны еще болѣе наэлектризовало толпу ... А въ это время изъ Зимняго же Дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цѣпью царя и повели его въ Аничковъ дворецъ къ вдовствующей императрицѣ (или какъ ее здѣсь называютъ, къ „покойной“ императрицѣ). „Мальчикъ“ получилъ большой выговоръ, и съ тѣхъ поръ его заперли окончательно подъ замокъ“ [1]).

Казалось бы на что ничтожный инцидентъ! Царю надоѣла вѣчная охрана и онъ прошелся безъ лейбъ-шпиковъ по Невскому. Царемъ онъ былъ всего нѣсколько дней, зла сдѣлать никому еще не успѣлъ и потому покушеній бояться было нечего. Это понималъ даже трусливый и не особенно умный Николай. И нечѣмъ тутъ было восторгаться, не въ чемъ видѣть причины для упованій.

А вышло наоборотъ. Перечисляя всѣ факты дающіе поводъ возлагать надежды на Николая непремѣнно упоминался и этотъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 25 и Б. 17.

Приведемъ еще примѣръ. 2-го ноября царь принялъ въ Аничковомъ дворцѣ членовъ Государственнаго Совѣта. Англійская газета такимъ образомъ описываетъ эту сцену:

„Многимъ до сихъ поръ памятно первое появленіе императора въ одномъ изъ историческихъ учрежденій имперіи. Стоялъ сырой, холодный ноябрьскій день 1894 г. Члены Государственнаго Совѣта, изъ которыхъ многіе были ветеранами, служившими еще прадѣду царя, были созваны, чтобы отдать честь новому монарху. Они собрались задолго до назначеннаго времени, отѣдые въ пышные наряды, прикрывъ свое внутреннее „я“ придворной маской благоговѣнія и восторга. А онъ пришелъ и ушелъ, какъ дуновѣніе вѣтра въ песчаной пустынѣ, оставивъ ихъ протирающими глаза отъ изумленія. Они ожидали царскаго величія, но вмѣсто того увидѣли ребяческую неловкость, шаркающую походку, бросаемые изподтишка взгляды и спазматическіе жесты. Маленькій, тщедушный юноша, прошелъ бочкомъ въ комнату, гдѣ эти посѣдѣвшіе сановники ожидали его. Опустивъ глаза, онъ быстро произнесъ пронзительнымъ фальцетомъ одну, единственную фразу: „Господа, отъ имени моего покойнаго отца благодарю васъ за вашу службу.“ Затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, повернулся и вышелъ. Присутствующіе переглянулись между собой — одни въ изумленіи, другіе съ го-

речью, многіе — вознося внутренно молитвы къ небу о судьбахъ націи; послѣ неловкаго молчанія они наконецъ разошлись по домамъ [1]).“

Но такъ какъ въ концѣ концовъ нельзя было опубликовать этой короткой фразы произнесенной молодымъ царемъ, не оскандаливъ его, то на слѣдующій день въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось сообщеніе слѣдующаго рода:

„2-го ноября въ Аничковомъ дворцѣ Государю Императору благоугодно было обратиться къ предсѣдателю и членамъ Государственнаго Совѣта со слѣдующими словами:

„Волею Всевышняго тяжкое горе обрушилось „на всѣхъ Насъ; безвременно скончался дорогой „Родитель Мой, Императоръ Александръ III.“

„Покойный Государь не успѣлъ передъ смертью передать Мнѣ Свою волю о выраженіи благодарности членамъ Государственнаго Совѣта за ихъ вѣрную Ему службу. Но, зная, какъ незабвенный Мой Отецъ былъ всегда доволенъ трудами Государственнаго Совѣта, Я смѣло могу взять на Себя право благодарить васъ отъ Имени Почившаго. Да поможетъ мнѣ Богъ нести тяжесть государственнаго служенія, преждевременно на Меня возложеннаго. Надѣюсь, господа, на ваше полное содѣйствіе [2]).“

---

[1]) см. ук. лит. Б. 28.

[2]) ст. ук. лит. Б. 15.

Казалось бы въ оцѣнкѣ этого происшествія не могло бы быть двухъ мнѣній. Самолюбивый молодой царь, несмотря на все самолюбіе, неувѣренъ въ себѣ и благодаря этому не показываетъ своего настоящаго лица. „Общество“ же ухитрилось увидѣть въ поступкѣ Николая скромность, и хвалило, что онъ робѣлъ передъ „сѣдыми совѣтниками усопшаго отца“!

Вотъ какъ описываетъ всѣ эти „надежды и упованія“ историкъ-публицистъ Конни Цилліакусъ:

„Многіе мелкіе факты указывали на то, что новый царь не склоненъ проявлять особенной снисходительности по отношенію къ чрезмѣрно своевольной бюрократіи. Такъ напр., въ первые дни царствованія онъ сдѣлалъ весьма строгій выговоръ петербургскому градоначальнику фонъ Валю за то, что тотъ приказалъ сорвать траурные флаги съ дома Строгановой, которые она велѣла вывѣсить, получивъ, какъ родственница императорской фамиліи, частное извѣстіе о кончинѣ царя, не дождавшись офиціальнаго увѣдомленія. Объ этомъ было доложено императору, который, получивъ еще нѣсколько жалобъ отъ иностранныхъ газетныхъ корреспондентовъ на притѣсненія градоначальника, посадилъ его на три дня подъ арестъ. Затѣмъ Николай II тотчасъ же уничтожилъ систему охраны, которая существовала при его отцѣ и доведена была до чрезвычайной крайности. Во время бракосоче-

танія новаго государя всякому внимательному наблюдателью бросалось въ глаза, какъ все въ этомъ отношеніи измѣнилось. То, что Николай II придавалъ меньше значенія придворному этикету, чѣмъ его предшественники, встрѣчено было съ удовольствіемъ. Онъ далъ рескриптъ на имя московскаго генералъ-губернатора вел. кн. Сергѣя Александровича и подписался: „любящій васъ племянникъ!“ Подобные факты считались многообѣщающими признаками и усердно комментировались, хотя всѣ понимали, что они касались только личнаго характера царя, а не его политическихъ взглядовъ.“

„Но и по отношенію къ послѣднимъ отмѣчались тоже благопріятные признаки. Польскій епископъ Попель получилъ приказаніе принимать присягу новому царю на русскомъ языкѣ, и передалъ этотъ приказъ подчиненному ему духовенству. Многія духовныя лица, съ епископами Сандомірскимъ и Люблинскимъ во главѣ, прочитали однако, присягу въ польскомъ переводѣ, на что генералъ-губернаторъ Гурко отвѣтилъ репрессіями, арестами и штрафами. Но одинъ изъ членовъ высшей польской аристократіи обратился къ невѣстѣ царя принцессѣ Алисѣ Гессенъ-Дармштадтской съ просьбой о заступничествѣ, результатомъ чего была личная телеграмма Николая II къ Гурко, съ приказаніемъ разрѣшить полякамъ приносить присягу на ихъ родномъ языкѣ . . .“

„Но больше всего поражало его отношеніе къ Финляндіи. Финляндцы воздержались отъ принесенія присяги и поздравленій до тѣхъ поръ, пока царь, какъ вел. князь финляндскій, конституціонный монархъ страны, не обнародовалъ своего манифеста къ ней. То, что царь, не взирая на это, не отказался отъ такого манифеста — шагъ, который ему весьма совѣтовали — разсматривалось въ Россіи, какъ доказательство либеральныхъ его взглядовъ, и у всѣхъ, напряженно слѣдившихъ за ходомъ событій, надежды вспыхнули еще ярче.“

„Даже иностранная пресса, повидимому, раздѣляла эти надежды. Во всѣхъ странахъ Европы газеты говорили о предстоящихъ въ Россіи реформахъ, какъ о совершившемся фактѣ. А въ самой Россіи и въ Польшѣ газеты переполнены были хвалебными гимнами царю и его намѣреніямъ, увѣреніями въ вѣрноподданическихъ чувствахъ, изъявленіями народной любви и многими другими того же характера. Подобнымъ отношеніемъ, вѣроятно, разсчитывали возбудить въ молодомъ монархѣ такое стремленіе къ популярности, которое побудило бы его поступать такимъ образомъ, чтобы еще болѣе насладиться ею[1]).“

Послѣднія слова Цилліакуса объясняютъ все. Не общество вѣрило въ либерализмъ царя, а —

---

[1]) см. ук. лит. А. 21.

хотѣло его самого въ немъ увѣрить! Старыя пѣсни, старыя погудки! Не могли же въ самомъ дѣлѣ серьезно усмотрѣть либерализмъ въ перечисленныхъ фактахъ. „Наказаніе“ фонъ Валя объяснялось попросту тѣмъ, что у Николая была личная непріязнь противъ него. Еще будучи наслѣдникомъ, Николай имѣлъ крупное столкновеніе съ нимъ, когда во время одного кутежа въ какомъ-то петербургскомъ ресторанѣ наткнулся на градоначальника, который требовалъ закрытія кабака въ предписанный часъ, несмотря на присутствіе въ немъ „высокаго гостя“. Къ тому кара постигла фонъ Валя не за произволъ по отношенію къ простому обывателю, а за то, что онъ осмѣлился наложить штрафъ на родственницу царя. Такого же рода мотивы чисто личнаго или семейнаго характера руководили царемъ, когда онъ нарушилъ этикетъ по отношенію къ Сергѣю Александровичу. Лишь воспоминанія о веселомъ образѣ жизни, вести который научилъ его дядюшка, побудили его на оффиціальномъ рескриптѣ подписаться „любящимъ племянникомъ“.

Никакого либерализма нельзя также усмотрѣть въ поведеніи царя по отношенію къ Польшѣ и Финляндіи. Просто царь рѣшилъ направить первые удары въ другую сторону: — противъ либеральствующихъ земцевъ, а Польшу и Финляндію пока оставить въ покоѣ. Къ тому нужно же было щегольнуть передъ Западной Европой своимъ либерализ-

момъ. Но то что онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ мѣропріятіями Гурко, которыя онъ нашелъ нужнымъ до поры до времени отмѣнить, показываетъ тотъ фактъ, что недолго спустя Гурко получилъ лично отъ царя крупную награду.

Ярко и выпукло высказался Николаевскій „либерализмъ“ лишь нѣсколько недѣль спустя: 17-го января 1895 г.

Тогда встрѣтились лицомъ къ лицу, либеральное общество въ страстномъ любовномъ призывѣ раскрывавшее свои объятія, и молодой царь, съ презрѣніемъ и негодованіемъ оттолкнувшій непрошенную любовь. И отвергнутой красавицѣ пришлось охлаждать свой любовный пылъ въ мѣстахъ „не столь отдаленныхъ“, хотя „сѣверныхъ и прохладныхъ“, удивляясь какъ это она не поняла Николая и сочла его бурбонскій окрикъ за нѣжный лепетъ скромнаго влюбленнаго.

Но объ этомъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Семейная сценка.

„17-го января представители дворянствъ, земствъ и городовъ собрались въ Николаевской залѣ. Привѣтствовавъ собравшихся и выйдя на середину залы Его Императорское Величество произнесъ слѣдующія слова:

„Я радъ видѣть представителей всѣхъ со-
„словій, съѣхавшихся для заявленія вѣрно-
„подданническихъ чувствъ, искони прису-
„щихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно,
„что въ послѣднее время слышались въ нѣ-
„которыхъ земскихъ собраніяхъ голоса
„людей, увлекавшихся безсмысленными
„мечтаніями объ участіи представителей
„земства въ дѣлахъ внутренняго управленія.
„Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ
„свои силы благу народному, буду охранять
„начало самодержавія такъ же твердо и не-
„уклонно, какъ охранялъ его Мой незабвен-
„ный, покойный Родитель.“

Такъ описывается въ Правительственномъ Вѣстникѣ историческая сцена 17-го января 1895 г.[1]).

---

1) см. ук. лит. Б. 15.

Но на сухомъ казенномъ языкѣ этого изложенія теряется весь драматизмъ этой сцены, остается непонятнымъ ея глубокій смыслъ, остаются неясными причины, почему лишь эта сцена вырвала либераловъ изъ прекраснодушнаго оптимизма, разорвала иллюзіи политическаго медового мѣсяца, показавъ во всей ея непривлекательности голую, истинную личность молодого царя.

Да, онъ нравственно оголился въ эту минуту. Физіологическая ненависть ко всему прогрессивному, болѣзненное самолюбіе, паническіе ужасъ передъ возможностью, что у него отнимутъ хотя крупицу власти, — все это ярко, болѣзненно ярко сказалось въ эту минуту.

Но предоставимъ слово лучше всего одному изъ участниковъ этой сцены, одному изъ земцевъ-делегатовъ, который описываетъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этой сцены. Вотъ, что онъ пишетъ:

„Передъ своею рѣчью царь выступилъ шага три впередъ и началъ говорить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшись съ невѣрной ноты, подымался все выше и кончился крикомъ. Чувствовалась сразу фальшь и сознаніе фальши и ораторомъ, и аудиторіей. Это была рѣчь, лишенная не только величія, но хотя бы простого достоинства. Это были полуистерическія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя

голову, кидается напроломъ во исполненіе чужого и чуждаго ему предписанія... Это было манекенъ царя, автоматъ, загипнотизированный вліяніемъ высшей бюрократіи. Впечатлѣніе было болѣзненно и сильно именно жалкой истеричностью и автоматизмомъ. Въ серединѣ рѣчи послышался рѣзкій звукъ: одинъ изъ предводителей, стоявшихъ передъ царемъ съ хлѣбомъ-солью, повидимому человѣкъ нервный (единственный допущенный представитель тверского земства, Уткинъ), уронилъ съ подноса солянку. Воронцовъ-Дашковъ кинулся подымать ее. Разсказываютъ, что въ это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, наклонилась къ одной изъ великихъ княгинь и спросила по французски: „Qu'est ce qu'il leur explique?“ (Что онъ имъ объясняетъ?) — „Il leur explique“ — отвѣчала спрошенная — „qu'ils sont des imbéciles“.(„Онъ объясняетъ имъ, что они идіоты[1])“.)

Приводя это описаніе старика-земца, мы все же должны указать на одну неточность, кроющуюся въ немъ. Делегатъ-земецъ называетъ эту царскую рѣчь, „исполненіемъ чужого и чуждаго ему предписанія“. Это не вѣрно. Вся предыдущая жизнь Николая (воспомните инцидентъ на „Памяти Азова“!) указываютъ ясно на то, что царь самъ былъ въ достаточной мѣрѣ власто-

1) см. ук. лит. Б. 17.

любивъ, чтобы и безъ всякихъ „науськиваній“ кого-бы то ни было, „охранять начало самодержавія твердо и неуклонно.“

Но что заставило Николая лишній разъ подчеркнуть это именно 17-го января? Что побудило его именно въ тотъ день къ этимъ „жалкимъ истерическимъ выкрикиваніямъ“?

Въ отвѣтѣ на эти вопросы мы найдемъ объясненіе тому сильному впечатлѣнію, которое произвела рѣчь Николая на земцевъ съѣхавшихся въ Петербургъ, чтобы поздравить его съ восшествіемъ на престолъ. Никакихъ попытокъ къ ограниченію самодержавія не дѣлалось; даже никакихъ пожеланій въ этомъ направленіи произнесено не было. Въ адресахъ, льстивыхъ и подобострастныхъ выражалась лишь надежда, что земствамъ дадутъ право, „выражать свои мнѣнія“, да и то лишь „по вопросамъ ихъ касающимся“. О томъ, чтобы когонибудь обязывали „считаться“ съ этими мнѣніями и помину не было. Вотъ напримѣръ адресъ тверского земства, наиболѣе „рѣзкій“ и „революціонный“ по тону и содержанію, который вызвалъ особенно рѣзкое негодованіе царя.

„Мы питаемъ надежду“, писали тверичи — и это самое „страшное“ мѣсто адреса — „что съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной. Мы уповаемъ, что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при не-

уклонномъ исполненіи закона какъ со стороны народа, такъ и представителей власти, ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣримъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняемы. Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся (sic!), дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго ... Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ начертаній Вашего Императорскаго Величества[1]).“

Этотъ адресъ Николай отказался принять, а на докладѣ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала высочайшая резолюція:

„Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія[2]).“

Гласный Родичевъ, внесшій проектъ этого

---

[1]) см. ук. лит. А. 14.

[2]) см. ук. лит. А. 15.

адреса и закончившій его словами: „Господа, въ настоящую минуту наши надежды, наша вѣра въ будущее, наши стремленія всѣ обращены къ Николаю II. . . . Николаю II наше ура!“ — былъ устраненъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ участія въ депутаціи и лишенъ права впредь участвовать въ выборахъ и общественныхъ собраніяхъ.

Такъ разсѣялись иллюзіи либераловъ. Такъ выяснился для всѣхъ, кто не затыкалъ ушей и не закрывалъ сознательно глазъ, курсъ политики намѣчаемой царемъ. Тѣ, для которыхъ по непонятнымъ причинамъ не были достаточно ясны слова его первой рѣчи, „о свѣтломъ и лучезарномъ пути“ Александра III, должны были прозрѣть, когда услышали, что „безсмысленными мечтаніями“ называется надежда, что „голосъ нужды народной достигнетъ престола“, что „права (дарованныя самимъ же самодержавіемъ!) отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ будутъ незыблемо охраняемы“. Ссылка и лишеніе правъ Родичева, провозгласившаго „ура Николаю“, ясно показало, что Николай не только намѣтилъ „курсъ“, но и желалъ объявить его во всеуслышаніе. Правда либералы и тутъ отъ упованій лишь перешли къ „увѣщаніямъ“, издавъ нелегально „открытое письмо“ къ царю. Но Николай II въ данномъ случаѣ оказался болѣе реальнымъ и трезвымъ политикомъ чѣмъ либералы: онъ отъ „словъ“ перешелъ

къ „дѣлу“ и всѣ его шаги въ этомъ направленіи, всѣ его дѣйствія въ первые годы правленія до того цѣлесообразны, стройны, логичны, послѣдовательны, что приходится прямо удивляться тѣмъ лицамъ, которые и дальше продолжали уповать на то, что „онъ одумается“.

Закончимъ же этотъ очеркъ пѣсенькой весьма распространенной въ 1895 г. и довольно остроумно и удачно отмѣтившей смыслъ и значеніе исторической сцены 17-го января.

Вотъ эта пѣсня:

Принахмуривъ очи строгія —
Чтобы въ корнѣ зло пресѣчь —
Коноводамъ демагогіи
Царь сказалъ такую рѣчь:
„За благія пожеланія
„Васъ я всѣхъ благодарю;
„Но безсмысленны мечтанія
„Власть урѣзать мнѣ, царю.
„Ахъ, калики перехожіе!
„Либералы! дикари!
„Провинціалы толстокожіе!!
„Санкюлоты изъ Твери!!!
„Или вы воображаете
„Въ самомъ дѣлѣ (какъ умно!)
„Что собою представляете
„Вы парламента зерно?
„Далеко зерну до колоса,
„Не пришла еще пора:
„Дамъ пока Вамъ право голоса
„Лишь для возгласовъ: ура[1])!“

[1]) см. ук. лит. А. 18.

Первыя ягодки.

Послѣ яркихъ цвѣточковъ Николаевскаго краснорѣчія вскорѣ появились и первыя ягодки его реакціонной политики.

Николай какъ будто рѣшилъ сразу открыть глаза всѣмъ классамъ населенія, сразу показать, что онъ хочетъ, и чего „не допуститъ“.

78 петербургскихъ литераторовъ самыхъ различныхъ направленій попробовали черезъ коммиссію прошеній „высказать“ царю свои болѣе чѣмъ скромныя желанія. „Благоволите, Государь, принять литературу подъ сѣнь закона!“ вотъ что просили литераторы. Не льготъ, не поощренія, а лишь „чтобы литература не стояла внѣ правосудія“, чтобы кары постигающія ее назначались не въ административномъ порядкѣ, а судомъ, по закону [1]).

Наивные! Не вѣдали они, что и безъ цензуры, при наличности самодержавнаго произвола, можно придушить литературу, даже при соблюденіи комедій суда. Ибо при самодержавіи — настоящаго суда нѣтъ и быть не можетъ. Царскіе слуги

[1]) см. ук. лит. А. 22.

„творящіе судъ“, лишь слѣпые исполнители, разыгрывающіе жалкую комедію.

Но для литературы даже эта комедія „формальности“ показалась Николаю лишней. Онъ не счелъ нужнымъ лицемѣрить. Одному изъ 78-ми литераторовъ, подписавшихъ петицію, академику Бильбасову, черезъ околоточнаго надзирателя былъ доставленъ Высочайшій отвѣтъ: „оставить безъ всякаго послѣдствія“. И рѣзкій тонъ резолюціи, и способъ ея доставленія, все это ясно подчеркивало желаніе Николая въ корнѣ пресѣчь всякія „безсмысленныя мечтанія“ [1]).

И желаніе именно Николая — а не кого-либо другого. Противъ обыкновенія онъ принялъ петицію, прочелъ ее и собственноручно начерталъ свою резолюцію.

Для подтвержденія своего взгляда онъ черезъ правительственные органы сразу началъ осыпать всевозможными карами печать. Въ первый же годъ новаго царствованія было закрыто 6 органовъ и отказано въ разрѣшеніи 86 изданіямъ. Въ списокъ запретныхъ сочиненій было включено не менѣе 250 книгъ, до тѣхъ поръ свободно продававшихся и обращавшихся въ Россіи, — между ними много произведеній Толстого, разсказовъ Короленко, сочиненій Спенсера и т. д. Вслѣдъ

---

[1]) см. ук. лит. А. 15.

затѣмъ были окончательно запрещены 72 сочиненія на малороссійскомъ языкѣ, исключительно поэтическія и беллетристическія[1]).

Эти безчисленныя кары обрушились на печать всего за одинъ годъ. Воистину царь рѣшилъ „оставить безъ послѣдствій“ просьбу „поставить литературу подъ сѣнь закона“.

* * *

Николай поспѣшилъ ознакомить съ своей „программой“ не только „общество“, въ лицѣ земцевъ и литераторовъ. Вѣдь и среди „народа“ могли находиться „безсмысленные мечтатели“, и нужно было въ корнѣ пресѣчь ихъ „увлеченія“.

Въ Ярославлѣ въ мартѣ 1895 г. происходила забастовка заводскихъ рабочихъ. Чтобы разогнать рабочихъ собравшихся на улицѣ призывается войско. Невооруженная толпа рабочихъ бросается въ бѣгство. Но солдаты даютъ по приказу офицеровъ залпъ по толпѣ уже обратившейся въ бѣгство. Въ результатѣ — 13 убитыхъ наповалъ и громадное число тяжело раненыхъ, причемъ большинство жертвъ оказывается пораженными съ тыла.

Никакого суда и слѣдствія надъ виновниками этой бойни не назначается. Наоборотъ. Царь

[1]) см. ук. лит. А. 21.

собственноручно надписываетъ на докладѣ: „весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ“. А командующій войсками округа, Костанда, сообщая о „милостивыхъ“ словахъ царя, передаетъ „царское спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ“ и офицерамъ — „искреннюю благодарность за умѣлое и своевременное употребленіе оружія“...[1]).

Но самые „опасные“ мечтатели находились повидимому среди крестьянъ.

Задыхаясь въ голодѣ и нищетѣ, безправіи и темнотѣ, избиваемые по закону и безъ закона, жертвы всякаго помѣщика, кулака, урядника, земскаго, унижаемые безъ конца, они всетаки еще не потеряли человѣческаго достоинства, не „примирились“ съ своей горькой участью, а надѣялись и уповали. Имъ казалось, что батюшка-царь не знаетъ истины, что „господа“ ее скрываютъ отъ него. Если царь „узнаетъ“, онъ не можетъ не дать имъ земли, онъ не можетъ не сократить „начальство“.

Эти упованія показались Николаю еще болѣе опасными, чѣмъ пожеланія земцевъ. Тѣ говорили платонически о томъ, „чтобы гласъ нужды народной достигъ царя“; эти весьма реально и недвусмысленно хотѣли „земли и воли“.

---

[1]) см. ук. лит. А. 15, А. 19, Б. 17.

А что станетъ тогда съ царемъ, самымъ крупнымъ помѣщикомъ? Вѣдь и у него придется отобрать, хотя бы лишь часть земли. А если урѣзывать „права“ начальства, то какъ же выколачивать непосильныя подати? Какъ добывать 100 милліоновъ для коронаціонныхъ торжествъ и милліарды на содержаніе „молодцовъ-фанагорійцевъ“ и прочихъ устоевъ самодержавія?

И увидѣвъ эти грозные вопросы, Николай рѣшилъ сразу же „осадить“ крестьянъ, заставить ихъ во чтобы то ни стало примириться съ своей судьбой.

Во первыхъ, для этого требовалось понизить умственный уровень народа. Поэтому въ 1895 году предпринимается систематическій походъ противъ Комитета грамотности, результатомъ котораго является полное прекращеніе его просвѣтительной дѣятельности.

Но и нравственное самосознаніе опасно для правительства. Чувство собственнаго достоинства можетъ толкать народъ на неудовольство. И это чувство нужно пресѣчь и придавить въ корнѣ. Въ началѣ 1895 г. любимецъ Николая, московскій губернаторъ Булыгинъ, дѣлаетъ строжайшій выговоръ земскимъ начальникамъ своей губерніи, за то, что они „иногда допускаютъ въ сношеніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія и вообще съ сельскимъ населеніемъ рукопожатіе

при привѣтствіи, разговоръ сидя и прочія отличительныя внѣшности обращенія равнаго съ равнымъ", и грозитъ увольненіемъ, если кто-нибудь изъ его подчиненныхъ станетъ продолжать эти „фамильярности[1])."

Но царь и здѣсь не прячется за спину своихъ ставленниковъ. Съ собственной рѣчью выступаетъ онъ передъ крестьянствомъ въ дни коронаціи въ Москвѣ. Волостнымъ старшинамъ собравшимся во дворъ Петровскаго дворца онъ заявляетъ,

„чтобы они помнили слова сказанныя „Александромъ III на томъ же мѣстѣ во„лостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи его „на царство."

„Между вами (т. е. старшинами) есть „многіе слышавшіе ихъ сами. Я (т. е. Ни„колай) хочу, чтобы эти слова служили „Вамъ твердымъ руководствомъ[2])."

Какія же слова Александра III имѣлъ ввиду его сынъ? Что онъ хотѣлъ сказать крестьянамъ?

Слова, на которыя ссылался молодой царь гласятъ:

„Слѣдуйте совѣтамъ и руководству „вашихъ предводителей дворянства, и „не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слу„хамъ и толкамъ о передѣлахъ земли,

[1]) см. ук. лит. А. 19.
[2]) см. ук. лит. Б. 15.

„даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному.
„Эти слухи распускаются нашими вра-
„гами . . . [1]).“

Крестьянамъ — ни земли, ни воли. Рабочимъ — свинцовыя пули молодцовъ-фанагорійцевъ. Литераторамъ и просвѣтителямъ — тюрьма и штрафы. Грозный окрикъ и ссылка — мечтателямъ-земцамъ.

Но на кого-же хотѣлъ опереться въ своей борьбѣ Николай II? Съ чьей помощью надѣялся онъ побѣдить весь народъ? Вѣдь видѣлъ же онъ всеобщее пробужденіе (иначе были бы лишними всѣ его грозныя мѣры!), вѣдь понималъ же онъ, что предстоитъ ему борьба!

На чью помощь расчитывалъ Николай, показываетъ его рѣчь, произнесенная лишь нѣсколько минутъ спустя послѣ пріема волостныхъ старшинъ 18-го мая 1896 г.

Обратившись къ представителямъ дворянства онъ между прочимъ сказалъ:

„Благодарю васъ сердечно за ваши
„чувства и за вашу вѣрную службу.
„Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство
„всегда будетъ, какъ оно и было, опо-
„рою престола . . .“

Зная, что дворянство не безкорыстно является этой „опорою“, царь счелъ нужнымъ обѣщать кое-какія „награды.“

[1]) см. ук. лит. Б. 15.

„Мнѣ извѣстно трудное время (?) пере-
„живаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будь-
„те спокойны. Я не забуду его нужду, въ
„моихъ заботахъ о преуспѣяніи нашего до-
„рогого отечества. Душевно благодарю васъ
„за ваше теплое участіе въ нашихъ торже-
„ствахъ[1]).“

„Я не забуду вашу нужду,“ говоритъ Николай II дворянамъ. Но при этомъ онъ имѣетъ ввиду не широкія культурныя нужды и запросы, которые дворянство имѣетъ наравнѣ съ другими сословіями россійскаго государства: дворяне-земцы попадаютъ въ опалу, дворяне-литераторы, подписавшіе вмѣстѣ съ другими писателями петицію, оставляются безъ вниманія; дворянинъ князь Вяземскій протестующій противъ избіенія студентовъ на Казанской площади — получаетъ Высочайшій выговоръ.

Нужды лишь тѣхъ дворянъ не забываются, интересы которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами народа. Лишь тѣ дворяне признаются „опорами престола“, которые отстаиваютъ узкосословные интересы.

Имъ царь обѣщаетъ въ своей рѣчи всякія льготы. Ими онъ пополняетъ кадры бюрократіи, имъ онъ какъ чиновникамъ отдаетъ 13% всего государственнаго бюджета[2]). Имъ онъ обѣщаетъ, не-

[1]) см. ук. лит. Б. 15.
[2]) см. ук. лит. А. 21.

прикосновенность ихъ землевладѣнія, хотя бы это покупалось цѣною вымиранія и обнищанія многомилліоннаго крестьянства.

Имъ наконецъ онъ въ коронаціонномъ манифестѣ оказалъ всякія льготы и милости. Въ то время какъ рѣчью отъ 18-го мая укрѣплялась власть дворянъ-помѣщиковъ надъ крестьянами и давалась возможность дальнѣйшей эксплоатаціи, дворянамъ-чиновникамъ прощались всѣ нарушенія закона. Ибо единственными счастливцами получившими амнистію, при изданіи коронаціоннаго манифеста, оказались—чиновники, находившіеся подъ судомъ за злоупотребленье властью[1])!

Всѣ они освобождались отъ непріятныхъ послѣдствій своихъ преступленій, а тѣ, которые изъза нихъ пострадали, должны были утѣшиться и нести свои потери, какъ могли.

---

[1]) см. ук. лит. А. 21.

При звукахъ
чарующихъ
вальса . . . .

Гремитъ бальный оркестръ. Въ вихрѣ вальса кружатся упоенныя танцами пары. Мелькаютъ шитые золотомъ мундиры дипломатовъ, придворныхъ, военныхъ, блестятъ драгоцѣнные камни на грудяхъ пышныхъ женщинъ, оголенныхъ по придворному этикету.

Вина льются рѣкой. Залъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. Блескъ, роскошь.

Въ зеленомъ преображенскомъ мундирѣ, Анненскую ленту черезъ плечо, среди пиршества и веселья, сидитъ — Николай.

Вспоминаетъ ли онъ о томъ, что произошло въ то же утро?

Вспоминаетъ ли онъ о томъ, какъ приглашенныхъ имъ же гостей, выносили въ то же утро раздавленными, окровавленными, безформенными трупами, сотнями, тысячами, десятками тысячъ?

Вспоминаетъ ли онъ все это?

Врядъ-ли. Иначе, какъ могъ бы онъ въ этотъ день народнаго горя, когда по винѣ чиновниковъ-бюрократовъ на Ходынскомъ полѣ легло 10000 людей, въ этотъ же самый день отправиться на балъ къ французскому посланнику!

Но и Николаю и имъ всѣмъ — это ни по чемъ!

Они пьютъ, веселятся, танцуютъ. Да, правъ Николай: безсмысленны мечтанія, что голосъ нужды или горя народнаго достигнетъ царскаго трона.

Уже сами по себѣ коронаціонныя торжества въ маѣ 1896 г. являлись чудовищнымъ цинизмомъ.

Во многихъ деревняхъ крестьяне пухли отъ голода, въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ еще не исчезли послѣдствія свирѣпствовавшей въ предыдущемъ году холеры, а въ это время царь предпринимаетъ важное государственное (?) дѣло: онъ рѣшаетъ торжественно возложить на себя корону, для этого приглашаетъ со всѣхъ концовъ свѣта королей, принцевъ и т. д., а у голодающаго и больного холерой народа отбираетъ — 100 милліоновъ[1])!

100 милліоновъ — т. е. втрое больше того, что правительство тратитъ за цѣлый годъ на народное образованіе!

Вотъ что пишетъ по поводу этихъ торжествъ бывшій въ то время въ Москвѣ извѣстный американскій писатель, нынѣ умершій, Роб. Ингерсоль. Слова его стоитъ привести:

„Читая описанія царской коронаціи, процессій, праздневствъ, парадовъ, варварской роскоши, золотыхъ тканей и сверкающихъ драгоцѣнныхъ камней,

[1]) см. ук. лит. А. 19.

я не могъ не думать о бѣдныхъ мужикахъ, о выбивающихся изъ силъ полуголодныхъ милліонахъ, о темныхъ, невѣжественныхъ массахъ, принадлежащихъ царю тѣломъ и душой."

„Я думалъ о спинахъ истерзанныхъ кнутомъ, о тысячахъ заключенныхъ, томящихся по тюрьмамъ, за то, что осмѣлились лепетать о свободѣ, о толпахъ людей, которыхъ подобно скоту, гонятъ по ужаснымъ дорогамъ, ведущимъ въ сибирскій адъ."

„Московскія пушки грохотали не достаточно громко: ни звонъ колоколовъ, ни трубные звуки не могли заглушить стоновъ заключенныхъ ...[1])".

Р. Ингерсоль писалъ это однако до ходынской катастрофы. Что долженъ былъ онъ сказать, когда эти празднества продолжались и послѣ Ходынской гекатомбы?

Опишемъ же впечатлѣніе этихъ ужасовъ, такъ же со словъ очевидца этихъ событій.

Вотъ что онъ говоритъ:

„Пируетъ русскій царь, пируетъ, окруженный всѣми отживающими силами стараго міра, доморощенными холопами въ ризахъ и мундирахъ, чужестранными послами, представителями буржуазіи и милитаризма. Всюду блескъ, роскошь, азіатское великолѣпіе и внѣшній европейскій лоскъ. Приглашенъ участвовать въ этомъ династическомъ ве-

---

[1]) см. ук. лит. А. 21.

сельи и онъ, темный, изголодавшійся изстрадавшійся народъ: для него царскіе слуги припасли дешевыхъ пряниковъ и орѣховъ, кумачныхъ платковъ и оловянныхъ кружекъ съ двуглавымъ орломъ. И народъ тронулся, какъ трогается всякая стихійная сила.... Но тутъ оказалось, что никому и въ голову не пришло заровнять ямы и овраги, закрыть, какъ слѣдуетъ, колодцы въ полѣ; за то деревянные проходы на дорогѣ къ баракамъ съ лакомствами были придуманы словно для настоящей охоты на народъ, въ видѣ съуживающихся воронокъ, или, какъ народъ назвалъ ихъ послѣ, „западень“. А тутъ еще, говорятъ, власти нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что раздача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ . . . Цѣлый океанъ человѣческихъ головъ пошелъ на приступъ бараковъ, и эти живыя волны чувствующихъ, страдающихъ существъ перекатывались, раздавливая тѣхъ, кто нечаянно попалъ въ яму, кто ослабѣлъ, изнемогъ и падалъ. Трупы, словно остатки отъ кораблекрушенія, взмывались то тамъ, то здѣсь на поверхности этого моря искаженныхъ лицъ, безсильно всплескивающихъ рукъ, сжатыхъ кулаковъ, среди стона, проклятій и криковъ умирающихъ. Инымъ приходилось цѣлыми часами быть прикованными къ мертвецамъ, не имѣя возможности

освободиться отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, которые отъ тѣсноты не могли даже упасть на землю ... А наверху сіяло равнодушное солнце, и туманъ отъ этой дымящейся толпы поднимался къ лазурному небу, словно жертвенный ѳиміамъ молоху самодержавія ...[1]).“

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

И лишь 12 часовъ спустя весь дворъ и Николай II — пировали у французскаго посла!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

То что радовались и пировали чиновники-бюрократы понятно! Вѣдь они со словъ очевидца, „нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что раздача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ ...“

Ихъ планъ прекрасно былъ выполненъ. Десятки тысячъ рублей нажили они на „угощеніи,“ —

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

а что при этомъ погибло 10 000 человѣкъ — имъ какое до этого дѣло!

Не даромъ очевидцы передаютъ такія сцены:

„Начальство торопится убирать трупы; убитыхъ и раненыхъ сваливаютъ на однѣ и тѣ же телѣги Одинъ военный врачъ хочетъ сдѣлать перевязки и оказать помощь нѣкоторымъ раненымъ.

— Ваше высокопревосходительство! — обращается онъ къ стоящему тутъ же военному министру — распорядитесь выдѣлить раненыхъ: ихъ можно еще спасти.

— Не ваше это дѣло — заоралъ министръ — я вамъ дѣлаю выговоръ; спокойствіе Его Величества важнѣе вашихъ раненыхъ[1]).“

Но можетъ быть это клевета на Николая II?

Можетъ быть онъ не зналъ о словахъ военнаго министра?

Можетъ быть онъ самъ былъ убитъ горемъ?

Вѣдь вышелъ же указъ, что каждой семьѣ убитыхъ дано будетъ изъ государственныхъ средствъ по 1 000 р., каждый изъ раненыхъ, находившись въ московскихъ больницахъ, получитъ воистину проклятую коронаціонную книжку отъ царя и бутылку вина отъ его матери.

Но, увы, этотъ указъ вышелъ лишь для успокоенія общественнаго мнѣнія западной Европы! Признаковъ искренняго горя въ немъ было мало!

[1]) см. ук. лит. А. 19.

Эти тысячи рублей, вѣдь выплачивались не изъ царскаго кармана, а изъ — государственныхъ доходовъ.

Т. е. иными словами, сначала пригласили народъ на торжества, затѣмъ вмѣсто угощенія перебили, искалѣчили, лишили жизни и — этотъ самый народъ заставили расплачиваться за это кровавое угощеніе.

Что же касается раздачи по бутылкѣ вина на больного, то тутъ со словъ очевидца оказалось слѣдующее. „Укралъ ли кто или сбился со счету, а можетъ быть и нарочно обсчиталъ — но только число присланныхъ бутылокъ было ниже числа лежавшихъ въ больницѣ пострадавшихъ[1])."

Вотъ какъ выразилъ Николай свое горе!

И нужно ему отдать справедливость — царь опять поступилъ весьма хитро и обдуманно: онъ убилъ двухъ зайцевъ сразу.

Съ одной стороны заграничныя газеты восторгались великодушіемъ царя, его добрымъ сердцемъ; — а съ другой стороны дѣйствія царя, лишили возможности потерпѣвшихъ подать гражданскій искъ на виновниковъ несчастія, чтобы они возмѣстили имъ убытки.

Объ уголовной отвѣтственности виновниковъ и говорить нечего.

---

[1]) см. ук. лит. А. 23.

Наоборотъ. Главный виновникъ, вел. кн. Сергѣй Александровичъ, губернаторъ Московскій, въ карманахъ котораго очутился „выигрышъ“ отъ „Ходынской аферы“, былъ назначенъ приказомъ отъ 26-го мая Командующимъ войсками Московскаго военнаго округа[1]).

Не даромъ прошли кутежи молодого Николая. Онъ вспомнилъ своего „ментора кутежей“ и мало смущаясь тѣмъ, что его руки забрызганы кровью, осыпалъ его царскими милостями.

И какъ же иначе? Вѣдь у него царь научился „веселиться по царски.“

И теперь онъ продолжалъ веселиться.

Въ то же утро, когда уносятся въ могилы тысячи труповъ крестьянъ и рабочихъ, царь заявляетъ (см. рѣчь 18-го мая) представителямъ крестьянъ же, чтобы они бросили надежду выйти изъ положенія вѣчной нищеты.

И въ то же утро, когда великіе князья и чиновники-дворяне, чтобы набить карманъ, убиваютъ на Ходынкѣ десятки тысячъ людей, царь заявляетъ, что дворяне-бюрократы твердѣйшая опора царскаго престола.

А вечеромъ онъ при „звукахъ чарующихъ вальса“ на французскомъ балу.

Но ужасъ и боязнь идутъ по пятамъ. А что если народъ отомститъ?

---

[1]) см. ук. лит. А. 23.

И вдругъ всѣ войска стягиваются къ Кремлю.

Тутъ онъ опять спокоенъ. Кругомъ штыки — пиръ продолжается.

И лишь три дня спустя, 21-го мая, еще не успѣла высохнуть кровь на Ходынскомъ полѣ, какъ окруженный войсками въ Ходынскомъ лагерѣ Николай подымаетъ чарку вина и пьетъ за здоровье войскъ его охраняющихъ[1]).

А затѣмъ идутъ другія празднества.

Другіе тосты, другія рѣчи.

Но суть все же одна.

Царь пируетъ.

Снова горятъ огни, снова разносятся тонкія блюда, снова льется рѣкою вино, и снова вальса чарующіе звуки.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но вдругъ раздается рѣзкій диссонансъ. Среди пиршествъ и веселья раздался голосъ, заставившій царя, несмотря на его нежеланіе, вспомнить о томъ, что вся его роскошь, блескъ его пировъ — могутъ быть въ одну минуту снесены лавою народнаго негодованія.

10 дней послѣ „Ходынки“ раздался полный силы и отваги голосъ протеста.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 15.

То были петербургскіе рабочіе, поднявшіеся на защиту своихъ правъ, на борьбу за человѣческое существованіе. Всѣ прядильныя и ткацкія фабрики и нѣкоторые заводы Петербурга стали съ 29-го мая: 35 000 рабочихъ бросили работу недовольные тѣмъ, что ихъ заставили не работать 3 дня коронаціи и хозяева не хотятъ имъ платить за эти дни. Тутъ же они потребовали: сократить рабочій день до $10^1/_2$ часовъ, повысить заработную плату и улучшить обращеніе съ рабочими[1]).

Первый разъ передъ Николаемъ раздался голосъ протеста!

Земцы и литераторы выражали пожеланія, крестьяне — упованія. Достаточно было грознаго окрика, и создавалась иллюзія, что все остается по старому.

Но рабочіе — требовали!

Тутъ окрикъ не помогъ бы. Тутъ приходилось, или — уступить, или — бороться.

И эта дилемма вставшая впервые передъ Николаемъ 29-го мая 1896 г. не переставала его тревожить въ теченіе всего его царствованія.

---

[1]) см. ук. лит. А. 19.

„Государь
хочетъ знать
всю правду.“

„Государь хочетъ знать всю правду ... Какъ назначенный Высочайшей волей предсѣдатель совѣщанія, я ручаюсь, что никто ни за какое ... заявленіе, какъ бы оно ни было рѣзко по существу, не понесетъ никакой отвѣтственности."

Такъ заявилъ въ 1903 г. передъ началомъ совѣщанія о нуждахъ сельско—хозяйственной промышленности отъ имени царя Сергѣй Юльевичъ Витте [1]). А недолго спустя, когда въ скромномъ и урѣзанномъ видѣ эта „правда" высказывалась въ комитетахъ, то посыпались административныя воздѣйствія и „Высочайшіе" выговоры. Суджанскій предводитель дворянства Евреиновъ и князь Долгоруковъ получили „Высочайшій" выговоръ съ предупрежденіемъ, что ихъ устранятъ отъ должности въ случаѣ повторенія. Орловскому земству и другимъ заявляется, что „Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись.„ За другими уѣздными комитетами, гдѣ были высказаны болѣе или менѣе откровенныя сужденія, начальникамъ губерній предписано имѣть строжайшій надзоръ [2]).

---

[1]) см. ук. лит. Б. 14.
[2]) Ibidem.

Мы считали не лишнимъ напомнить этотъ эпизодъ. Безчисленны легенды о „средостѣніи“ между царемъ и народомъ. Передъ тѣмъ, какъ дать оцѣнку дѣятельности Николая II нужно убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли Николай не знаетъ, что творится въ его странѣ. Мы указывали, что всѣ мѣропріятія царя за первый годъ его царствованія были удивительно выдержаны и послѣдовательны. Передъ тѣмъ, какъ доказать то же самое обо всемъ послѣдующемъ царствованіи Николая II, мы хотѣли бы разсѣять эту миѳическую легенду о „средостѣніи“ и показать, что царь „зналъ правду“, зналъ, поскольку хотѣлъ. Не при помощи Филипповъ, Клоповыхъ и Мещерскихъ, о которыхъ рѣчь впереди. Ихъ онъ приглашалъ для развлеченія. Бесѣды съ ними, выходцами чужихъ ему міровъ, удовлетворяли лишь извѣстной потребности въ эксцентричномъ, лишь причудамъ и прихотямъ. Совѣтниковъ онъ избиралъ изъ людей болѣе серьезныхъ. Среди окружающихъ его было много такихъ, которые могли бы разсказать кое что о томъ, что творится за стѣнами дворца. Но такихъ онъ не хотѣлъ слушать. Напрасно Вяземскій, членъ Государственнаго Совѣта, разсказываетъ царю о бойнѣ, устроенной Клейгельсомъ на Казанской площади. Онъ назначаетъ Клейгельса генералъ-адъютантомъ и, когда министры ему объясняютъ, что это вызоветъ всеобщее негодованіе, онъ отвѣчаетъ: „Мнѣ совершен-

но все равно, кто что говоритъ; я знаю, что дѣлаю.“ Нѣсколько дней спустя Клейгельсъ вызываетъ всѣхъ чиновъ петербургской полиціи и заявляетъ имъ: „я счастливъ передать Вамъ, что Государь Императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію безпорядковъ, начиная съ весны нынѣшняго года[1]).“ Князь Волконскій разсказываетъ царю объ ужасахъ, творимыхъ въ „Крестахъ“ — и не находитъ ни малѣйшаго интереса и сочувствія въ царѣ[2]). Князь Львовъ въ личной аудіенціи указываетъ на беззаконія, совершенныя министромъ фонъ-Плеве, своимъ разсказомъ не достигаетъ никакихъ результатовъ. Ибо царь уже раньше все зналъ и одобрялъ[3]).

Сколько депутацій принялъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ Николай. Земцы, крестьяне, рабочіе, чиновники военные и статскіе, художники и литераторы — всѣ перебывали на аудіенціяхъ у царя. И если бы царь хотѣлъ, онъ могъ бы узнать отъ нихъ ту правду, которой онъ якобы такъ жаждалъ.

„Государь хочетъ знать всю правду.“ — Правильному пониманію этихъ словъ способствовалъ князь Мещерскій. Преданный приверженецъ царя, столпъ россійской реакціи, но enfant terrible благо-

[1]) см. ук. лит. Б. 17.
[2]) см. ук. лит. Б. 14.
[3]) Ibidem.

даря старческой болтливости, онъ раскрылъ въ своей газетѣ тайну полишинеля. По его словамъ совѣщанія 1903 года вполнѣ оправдали ту цѣль, съ какой они были предприняты: всѣ откровенно высказались и, благодаря этому, удалось установить степень благонамѣренности каждаго изъ земскихъ дѣятелей[1]).

Ибо не нужды сельско-хозяйственной промышленности, не нужды вообще какой-нибудь отрасли государственнаго хозяйства интересуютъ монарха. Лишь „благонадежность“ или „неблагонадежность“ его подданныхъ, лишь размѣры „смуты“ и мѣры борьбы съ нею интересуютъ царя. Интересныя разоблаченія по этому поводу сдѣлалъ В. Л. Бурцевъ. Въ его руки попалъ экземпляръ „Царскаго Листка“, единственной газеты, которую регулярно читаетъ Николай II и изъ которой онъ черпаетъ свои свѣдѣнія о россійскихъ событіяхъ. „Газета“ эта носитъ заглавіе „Свода заслуживающихъ вниманія свѣдѣній, полученныхъ Департаментомъ Полиціи.“ Листокъ не печатается, а издается рукописно. Его составители и редактора — члены комитета иностранной цензуры, работающіе по указаніямъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ годъ выходитъ 10—15 тетрадей, — каждый томъ заключаетъ 500—600 стр. На каждой тетради имѣются: 1) по-

[1]) см. ук. лит. А. 13.

мѣтки Николая II, 2) справки о томъ, когда и гдѣ журналъ разсмотрѣнъ царемъ, 3) замѣтки ген.-адъютанта Гессе, самаго близкаго къ царю человѣка, всегда внимательно читавшаго эти доклады Деп. Полиціи, какъ это можно видѣть по его помѣткамъ на поляхъ."

„На первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, борьба съ революціей. Царя очень занимаетъ, что дѣлаютъ эмигранты въ Лондонѣ или Парижѣ, что печатается въ тайныхъ типографіяхъ, кто и какъ предательствуетъ, какія письма перехвачены, что вообще слышно по части искорененія крамолы. Въ видѣ приложеній въ листкѣ имѣется много очень любопытныхъ гектографированныхъ и печатныхъ прокламацій, копій съ перехваченныхъ писемъ и отобранныхъ при обыскахъ рукописей, билетовъ лотерей, устроенныхъ съ революціонными цѣлями и т.д."

„Своды" переполнены перехваченными письмами, которыя съ почты тотчасъ послѣ перлюстраціи попадаютъ къ Николаю II, какъ это видно по датамъ, между прочимъ и перехваченнаго письма Л. Толстого. Что полиція обыкновенно пользуется перехваченными письмами —, это извѣстно и всѣмъ тѣмъ, кто отрицаетъ съ думской кафедры существованіе въ Россіи черныхъ кабинетовъ, но чтобы перехваченныя письма чуть не по телеграфу докладывались царю — это едва ли кому могло прійти въ голову. Герценъ разсказывалъ въ „Колоколѣ",

что однажды Александру II принесли изъ тогдашняго III отдѣленія, списокъ лицъ, посѣщавшихъ лондонскаго эмигранта, — Александръ II бросилъ въ печь этотъ списокъ, не читая его, считая для себя позоромъ читать доносы. А теперь какой прогрессъ!... Царскій Листокъ почти сплошь состоитъ изъ доносовъ, изъ перехваченныхъ писемъ, изъ шпіонскихъ донесеній, изъ показаній предателей ... и подъ всѣмъ этимъ: „Прочелъ съ удовольствіемъ...“

„Повидимому Николай II очень доволенъ тѣмъ какъ составляются доклады Министромъ Внутреннихъ дѣлъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ характеръ Царскаго Листка не измѣняется: его составители, очевидно, попадаютъ въ точку и удовлетворяютъ спросу[1]).“

Цѣною своей жизни идеалистъ-мечтатель Евгеній Шауманъ пытался разбить воображаемое „средостѣніе“ между царемъ и народомъ, „довести до свѣдѣнія государя всю правду“. Ему казалось, что, убивая любимца царя, Бобрикова и лишая самого себя жизни, онъ заставитъ царя призадуматься, внимательнѣе присмотрѣться къ событіямъ, происходящимъ въ Россіи. Какимъ наивнымъ незнаніемъ жизни, какимъ непониманіемъ Николая отзываются строки предсмертнаго письма молодого мечтателя! „До свѣдѣнія Вашего Величества не до-

[1]) см. ук. лит. Б. 2.

водится ни истинное положеніе дѣлъ въ странѣ, ни требованія ея законовъ. Нѣтъ ни малѣйшей надежды, что правдивое изложеніе истиннаго положенія дѣлъ хоть сколько нибудь въ близкомъ будущемъ дошло до Вашего Величества ...“

„Ваше Величество! Одновременно я своей рукой жертвую и своей жизнью, пытаясь симъ еще разъ убѣдить Ваше Величество въ тяжести положенія дѣлъ, господствующаго какъ въ Вел. Кн. Финляндскомъ, такъ и въ Польшѣ, Балтійскомъ краѣ, да и вообще во всей Державѣ Россійской .... Зная доброе сердце и благородныя намѣренія Вашего Величества, я умоляю Ваше Величество лишь о тщательномъ изученіи истиннаго положенія дѣлъ во всей державѣ со включеніемъ Финляндіи, Польши и Балтійскаго края.“ „Съ глубочайшимъ вѣрноподданическимъ уваженіемъ,“ такъ заканчиваетъ молодой мечтатель свое письмо, „Остаюсь Державнѣйшаго, Милостивѣйшаго Императора и Великаго князя, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Евгеній Шауманъ [1]).“

Но мечтаніямъ Шаумана не суждено было осуществиться. На мѣсто убитаго Бобрикова царь назначаетъ генералъ-губернаторомъ Финляндскимъ князя Оболенскаго, прославившагося своимъ избіе-

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

ніемъ харьковскихъ и полтавскихъ крестьянъ и считавшагося въ то время не меньшимъ оплотомъ реакціи, чѣмъ знаменитый Бобриковъ. И „во всей державѣ со включеніемъ Финляндіи, Польши и Балтійскаго края“ не измѣняется курсъ.

„Государь хочетъ знать всю правду“ — какой ироніей звучатъ эти слова!

„Государь хочетъ знать всю правду.“ Но, можетъ быть, зная ее, онъ въ ней не разбирается? Послѣ всего сказаннаго уже нельзя оспаривать, что свѣдѣнія о русскихъ событіяхъ доходятъ до царя, что они могутъ дойти до него, если они его только интересуютъ. Но, можетъ быть, эти свѣдѣнія подавляютъ его своимъ количествомъ и разнообразіемъ? Быть можетъ, не имѣя возможности въ нихъ самостоятельно оріентироваться, онъ прибѣгаетъ къ совѣту своихъ приближенныхъ и подпадаетъ ихъ вліянію? Быть можетъ, зная всю правду, онъ не понимаетъ ея, несмотря на „благороднѣйшія намѣренія“?

Отвѣтъ на эти вопросы мы постараемся дать въ двухъ слѣдующихъ очеркахъ.

Entre les deux
mon coeur balance . . .

Красивая комнатка въ стилѣ рококо. На столахъ и этажеркахъ граціозныя фарфоровыя фигурки. Въ мягкомъ креслѣ, обитомъ свѣтлорозовой матеріей, слегка развалившись сидитъ маркиза.

Сидитъ она и внимательно разсматриваетъ себя въ маленькомъ ручномъ зеркальцѣ. Смотритъ на бѣлую шею, перетянутую черной бархатной лентой, смотритъ на пышные волосы, покрытые пудрой, на маленькую черную „мушку“, только-что посаженную на правую щеку.

Смотритъ — и томно вздыхаетъ.

Затѣмъ подходитъ къ стѣнѣ, гдѣ висятъ два портрета: одинъ-молодого франта, женственнаго и нѣжнаго, въ шелковомъ голубомъ фракѣ; другой — воина съ краснымъ лицомъ въ шрамахъ, сильнымъ и энергичнымъ взглядомъ и неряшливымъ нарядомъ.

И снова вздыхаетъ маркиза. И въ раздумьѣ подходитъ къ старомодному гармоніуму, кладетъ пальцы на клавиши и начинаетъ играть.

И зазвенѣли струны подъ аккомпаниментъ ея грустному голосу.

Грустна и наивна ея пѣсня:

„Entre les deux mon coeur balance
Et je ne sais le quel aimer.
Entre les deux mon coeur balance."

* *
*

Въ такомъ наивно-слащавомъ духѣ, какъ переданная нами только-что сценка, почему то любятъ представлять Николая II.

Какъ прекрасная маркиза временъ рококо, которой равно нравятся и любовникъ-поэтъ и воинъ-любовникъ, рисуется Николай то заигрывающій съ либерализмомъ, то съ реакціей.

„Entre les deux mon coeur balance et je ne sais le quel aimer" — „между обоими колеблется сердце и не знаю кого полюбить" — это якобы камертонъ Николаевской политики.

Вспомните анекдотъ разсказанный нами въ предисловіи о трехъ разговорахъ царя съ Ванновскимъ, Плеве и „Сашенькой". Развѣ онъ не подтверждаетъ этого обычнаго взгляда?

Стараются представить Николая какимъ-то колеблющимся, неувѣреннымъ, нерѣшительнымъ, слабовольнымъ, мячемъ въ рукахъ его же собственныхъ любимцевъ.

Чѣмъ инымъ, казалось, можно было объяснить вѣчныя колебанія его политики какъ не нерѣшительностью царя и вліяніемъ окружающихъ? Се-

годня любимецъ — реакціонеръ: и политика реакціонная. Завтра либералъ въ милости — и раздаются либеральныя фразы Николая.

А самъ царь вѣчно колеблется, вѣчно мѣняетъ симпатіи.

Въ такомъ видѣ представлялись событія не только европейскому, но и россійскому обывателю. Даже „Новое Время“, которое имѣло бы полное основаніе быть довольнымъ политикой царя впадало иногда въ недоумѣніе. Въ номерѣ отъ 13-го апрѣля 1904 года вылилось его раздраженіе въ видѣ сатирическаго стихотворенія. Чтобы избѣжать скандала, правительство сдѣлало видъ, что не поняло, къ кому относится эта сатира; но два дня спустя, придравшись къ какой-то невинной статьѣ, запретили на продолжительный срокъ розничную продажу газеты[1]).

Вотъ портретъ царя нарисованный „Новымъ Временемъ“.

РАЗДВОЕНІЕ.

Что за мученіе адское!
Въ сердцѣ моемъ все раздвоено:
Чую въ себѣ я и воина,
Чую я нѣчто и штатское:
Страсти имѣютъ двоякую
Власть надъ душой моей хрупкою,
Брежу и мира я трубкою,
Жажду немного и драки я.

[1]) см. ук. лит. А. 13.

О, состоянье тревожное!
Долю кляну я проклятую ...
Я и за истину ратую,
Мило порой мнѣ и ложное.
Тропы люблю я привычныя.
Лѣзу и въ чащу я дикую;
Душу имѣю двуликую,
Рѣчи веду двуязычныя.
Кто-жъ я? Родился-ль избранникомъ?
Мамкой ушибленъ по темени?
Или же смутнаго времени
Просто являюсь я данникомъ? . . .

„Въ четвергъ министра хоронили, а бѣдный государь пріѣхалъ только на выносъ, тоже страшно боится, провожать не пошелъ ...“ Такъ рядовой изъ дворцовой стражи писалъ домой послѣ убійства Сипягина. „Жисть хуже нашего, государь все опасается и сидитъ больше въ своемъ Зимнемъ Дворцѣ все одно, что арестованный; только и развлеченія — играетъ со своими собаками; выпуститъ когда штукъ пять, а когда восемь: они на него такъ и прыгаютъ, и бѣгаютъ съ ними по саду, а видать только изъ Морского Адмиралтейства; а то бѣгаетъ по крышамъ или играетъ съ братомъ въ лапту; вотъ какое тяжелое положеніе ихъ [1])!“

Не подобное ли объясненіе дается обывателемъ нерѣшительности и колебаніямъ Николая? Вѣдь

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

нельзя же требовать рѣшительности и послѣдовательности отъ Митрофанушки въ царской коронѣ, гоняющагося по крышамъ! Безконечно количество анекдотовъ, подтверждающихъ этотъ взглядъ.

Въ предисловіи мы приводили со словъ одного сенатора сценку изъ семейной жизни царя. „Онъ даже „Новаго Времени“ въ руки не беретъ“, восклицалъ горестно сановникъ.

„Но онъ и доклады подписываетъ, не читая“, увѣряютъ другіе. „Былъ предложенъ законъ о вознагражденіи помѣщиковъ балтійскихъ губерній за убытки, понесенные ими отъ введенія правительственной монополіи на продажу спирта. Г. Витте былъ того мнѣнія, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имъ должно быть выплачено нѣсколько милліоновъ рублей; большинство Государственнаго Совѣта полагало, что сумма эта должна быть уплачена сразу. Витте сообщилъ царю объ этомъ разногласіи и царь обѣщалъ утвердить мнѣніе меньшинства. Министръ сообщилъ въ письмѣ къ секретарю Государственнаго Совѣта (въ то время г. Плеве), что государь утвердитъ мнѣніе меньшинства, какъ только соотвѣтственные документы будутъ въ его рукахъ. Въ свою очередъ г. Плеве сообщилъ содержаніе письма всѣмъ членамъ совѣта. Тогда многіе изъ сановниковъ, видя, что оппозиція безполезна, измѣнили свое мнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, свой votum. Такъ что меньшинство неожиданно превра-

тилось въ большинство. Въ свое время всѣ документы были предъявлены царю, который изъ всей исторіи помнилъ только, что обѣщалъ г. Витте отвергнуть мнѣніе большинства. Не читая бумагъ и не давая себѣ труда подумать, онъ выполнилъ свое обѣщаніе и такимъ образомъ заранѣе осужденное мнѣніе сдѣлалось закономъ[1]).“

„Въ 1902 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Государственный Совѣтъ единогласно постановилъ „принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія“. Николай приказалъ „пересмотрѣть вопросъ“. Государственный Совѣтъ повторилъ то-же рѣшеніе. На соотвѣтственную „меморію“ царь положилъ краткую резолюцію:

„Когда захочу, тогда отмѣню[2]).“

Когда министръ Ванновскій передъ уходомъ въ отставку сталъ высказывать свои „послѣднія соображенія“, Николай сталъ выказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣлъ то и дѣло на часы. На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда-нибудь „Его Величество“, тотъ отвѣтилъ: „Да, дядя Дмитрій Константиновичъ обѣщалъ мнѣ нынче показать двухъ жеребцовъ ... я и тороплюсь.“

Старикъ, не кончивъ своего „политическаго за-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 30.

[2]) см. ук. лит. Б. 17.

вѣщанія", вылетѣлъ бомбой изъ кабинета и разрыдался какъ ребенокъ . . . .[1])"

Но уже послѣднія двѣ сценки должны заставить призадуматься. Пусть въ угоду тому или другому любимцу царь мало-важные вопросы рѣшалъ въ ту или другую сторону. Пусть въ описанной нами выше сценѣ обѣщаетъ Витте присоединиться къ мнѣнію меньшинства; пусть потомъ подписываетъ резолюцію даже не читая ея. Пусть онъ въ другой разъ, умиленный радушнымъ пріемомъ курскаго дворянства, по просьбѣ губернскаго предводителя, распоряжается немедленно удовлетворить ходатайство о пособіи изъ суммъ казны на постройку института для благородныхъ дѣвицъ[2]).

Все это лишь рѣшенія вопросовъ, которые для Николая не имѣютъ особеннаго значенія. Ибо что значутъ для царя 250 тысячъ рублей, ассигнованныхъ въ Курскѣ, когда эта сумма идетъ не изъ его собственнаго кармана, а изъ казны! Также безразличенъ для него срокъ, въ теченіи котораго должны быть выплачены милліоны остзейскимъ баронамъ, разъ эти милліоны выплачиваются также не изъ его кармана, а изъ казны!

Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о суммахъ, вложенныхъ имъ самимъ и его родственниками въ предпріятія на Ялу. Тутъ не помогаютъ мольбы

[1]) см. ук. лит. Б. 17.
[2]) см. ук. лит. Б. 14.

того же самаго Витте, которому раньше такъ легко давались всевозможныя обѣщанія. Несмотря на всѣ его просьбы, по личному желанію царя провоцируется война.

Когда царь два раза подрядъ отвергаетъ мемо-рію Государственнаго Совѣта объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, то ясно, что здѣсь не колебаніе царя подъ вліяніемъ приближенныхъ: ибо рѣшеніе его совѣтниковъ было вынесено единогласно.

„Когда захочу, тогда отмѣню“, начерталъ онъ на докладѣ. Но не слѣдуетъ ужъ слишкомъ просто, слишкомъ наивно понимать эти слова. Не только мимолетными настроеніями руководится Николай II. Онъ знаетъ, что хочетъ. Не желаніе, какъ можно скорѣй увидѣть жеребцовъ, заставляетъ его оборвать Ванновскаго на послѣдней аудіенціи. Онъ лишь пользуется этимъ поводомъ, чтобы какъ можно болѣе рѣзко и грубо показать, что не желаетъ слушать Ванновскаго. „Когда захочу, тогда отмѣню“ — а Ванновскій осмѣливается настаивать на какихъ-то реформахъ.

Да, неоднократно всплываютъ похожія сценки. Но всѣ эти „жеребцы его Высочества“, всѣ эти мимолетные интересы, которыми якобы руководится царь и искуснымъ использованіемъ которыхъ приближенные его якобы вліяютъ на царя, все это видимость.

За этой видимостью скрывается упорная настой-

чивая воля царя, настойчивое непоколебимое желаніе его всѣми силами сохранить тотъ строй, при которомъ ему такъ хорошо живется и при которомъ высшій законъ его самодурное: „Когда захочу, тогда отмѣню.“

Если были замѣтны колебанія царя, то обуславливались они исключительно силой отпора общественнаго движенія, который онъ встрѣчалъ на этомъ пути. Не симпатіи царя, колеблющіяся между реакціей и либерализмомъ, не нашептыванья приближенныхъ, не оторванность отъ жизни, не мимолетныя фантазіи, а лишь оцѣнка реальной силы противника были рѣшающимъ факторомъ при колебаніяхъ Николая.

Если возможно говорить о какомъ-нибудь вліяніи царскихъ совѣтниковъ, то проявлялось оно исключительно въ воздѣйствіи на эту оцѣнку.

О связи колебаній въ политикѣ царя съ мѣняющейся силой противниковъ и ихъ оцѣнкой Николаемъ — въ слѣдующемъ очеркѣ.

„Жеребцы Его Высочества“
или
„Когда захочу, тогда отмѣню“?

Итакъ — не „жеребцы Его Высочества“, не „игра въ лапту“ и т. д. составляютъ исключительный интересъ Николая II.

У него дѣйствительно политическая цѣль, политическія задачи.

„Когда захочу, тогда отмѣню“ начерталъ царь на докладѣ Государственнаго Совѣта.

И этой полноты власти, этой возможности отмѣнять лишь тогда, когда ему хочется, Николай ни за что не хочетъ лишиться!

Правда, его самодержавіе не неограниченное: оно ограничивается не бумажными законами, писанными параграфами, а реальной силой противника.

Вспомните умиленіе обывателей по поводу соблюденія „конституціонности“ Николаемъ по отношенію къ Финляндіи при вступленіи на престолъ: „Царь рѣшилъ оставить Финляндію до поры до времени въ покоѣ и направить первые удары въ другую сторону,“ писали мы по этому поводу. Четыре года спустя въ 1899 году уже начинается походъ противъ Финляндіи. Никакія взыванія къ „доброму сердцу и благимъ намѣреніямъ Его Величества,“ ни-

какія упоминанія о законности, о царскихъ обѣщаніяхъ не помогаютъ. Но помогаетъ русская революція 1905 года, къ которой присоединяются финляндцы отвоевывая обратно свои старыя права. Проходятъ опять пять лѣтъ, революція временно подавлена и въ 1910 году появляется царскій манифестъ, снова уничтожающій финляндскую конституцію.

Финляндія это классическій примѣръ того, какъ царь подъ натискомъ противника дѣлаетъ уступки, но сейчасъ же беретъ ихъ обратно, какъ только предполагаетъ у врага отсутствіе силъ, чтобы отстоять завоеванное.

У врага!

Ибо враги Николая на только финляндцы и прочіе „инородцы“, но и всѣ подданные, не принадлежащіе къ столпу самодержавія: крупному землевладѣльческому дворянству и высшей бюрократіи; всѣ рабочіе, крестьяне, студенты, интеллигенты и прочіе „внутреніе враги“, на которыхъ посыпались бичи и скорпіоны уже въ первый годъ его царствованія .....

. . . . . .

Читатели помнятъ слова Николая II къ волостнымъ старшинамъ во время коронаціонныхъ торжествъ. Возвѣщенныя здѣсь „начала“ послѣдовательно проводились. „Продовольственное дѣло изъ рукъ земствъ было передано новоиспеченнымъ „зем-

скимъ начальникамъ". Эти разумѣется защищали помѣщичьи интересы и клали подъ сукно всякія ходатайства сельскихъ сходовъ объ отпускѣ имъ ссуды не обсѣмененіе или на прокормленіе голодающихъ, чтобы такимъ образомъ заставить голодныхъ мужиковъ за безцѣнокъ наниматься къ нимъ же или къ сосѣдямъ-помѣщикамъ. Крестьяне во многихъ мѣстахъ работали на помѣщика 3—4 дня въ недѣлю (больше чѣмъ при крѣпостномъ правѣ), и всетаки не выбивались изъ нищеты."

„И вотъ въ мартѣ 1902 г. начинаются крестьянскіе безпорядки. Движеніе это, какъ пожаръ, заливаетъ цѣлый рядъ губерній: изъ Полтавской и Харьковской губерній, гдѣ оно зародилось, оно перебрасывается въ Кіевскую, Саратовскую, Черниговскую, Воронежскую, Тамбовскую и др. Всюду крестьяне толпой подъѣзжаютъ на повозкахъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ, вызываютъ барина, просятъ его добромъ подѣлиться хлѣбомъ, иногда даже предлагаютъ плату, конечно низкую, а получивъ отказъ, предлагаютъ помѣщику съ семьей сейчасъ-же уѣхать, сами-же взламываютъ замки, наполняютъ телѣги хлѣбомъ и, иногда поджегши усадьбы, уѣзжаютъ домой. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне ни разу не прибѣгли къ насилію надъ личностью помѣщиковъ, хотя ихъ жизнь была всюда въ рукахъ толпы."

„И отплатило-же имъ за это добродушіе царское правительство! Возставшія деревни Полтавской и Харьковской губерній скоро были наводнены сворой полицейскихъ, казаковъ, солдатъ съ губернаторами во главѣ и — пошла свистѣть розга... Сѣкли безпощадно, звѣрски; пороли такъ, что изо рта и носа жертвы текла кровь; давали по 100, даже по 200 ударовъ. Въ трехъ деревняхъ Полтавской губерніи выпороли поголовно все населеніе: и стариковъ, и дѣтей, и дѣвушекъ; у многихъ отъ порки отваливались куски мяса; нѣкоторыхъ засѣкали до смерти. Нѣсколько крестьянъ сами повѣсились, не вынесши унизительнаго истязанія. Особенно звѣрски неистовствовалъ харьковскій губернаторъ князь Оболенскій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ наслаждался стонами истязаемыхъ жертвъ и приговаривалъ „это вамъ, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили а еще по 30 отъ меня!“ Подъ Полтавой царскіе опричники прибѣгли, кромѣ того, къ разстрѣлу крестьянъ. Крестьяне при этомъ заявляли: „Стрѣляйте, намъ нечего терять!“ . . . .

„Нечего и говорить, что этими свирѣпыми мѣрами возстаніе крестьянъ скоро было подавлено. Въ „бунтовавшія“ деревни были помѣщены солдатскіе постои, безъ удержу грабившіе крестьянъ, насиловавшіе ихъ женъ и дочерей. А тутъ-же по сосѣдству шли роскошныя пиршества

господъ офицеровъ съ помѣщиками: они праздновали усмиреніе возставшихъ рабовъ. Сверхъ того многіе крестьяне были арестованы и преданы суду."

„Наконецъ правительство наложило на деревню 800000 рублей штрафа для возмѣщенія неизвѣстно кѣмъ подсчитанныхъ убытковъ господъ помѣщиковъ." . . .[1])

Увы, эти экзекуціи повторялись впослѣдствіи такъ часто, что они стали чуть ли не заурядным явленіемъ русской жизни.

И если мы на нихъ остановились такъ долго и подробно, то лишь для того, чтобы указать личную вину въ нихъ Николая. Онѣ производились не только съ его вѣдома, но и съ его согласія!

Николай лично выражаетъ передъ лицомъ крестьянъ свою солидарность съ „экзекуторами" и грозитъ имъ тѣмъ же при повтореніи безпорядковъ.

Вотъ его слова, произнесенныя 1-го сентября 1912 г. въ Курскѣ, во время пріема старшинъ и сельскихъ старостъ:

„Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство съумѣетъ, я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ."

[1]) см. ук. лит. А. 19.

И подъ конецъ рѣчи Николай осмѣливается заявить, что „богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божьимъ[1])."

Этимъ путемъ разбогатѣлъ вѣроятно и Николай съ „Царской Фамиліей"!

Князь Оболенскій, руководитель этихъ экзекуцій, удостаивается Высочайшихъ царскихъ милостей. На торжественномъ обѣдѣ фонъ-Плеве отъ имени царя передаетъ ему орденъ и поцѣлуй[2]).

Читатель помнитъ, какъ въ 1902 году, несмотря на единогласную просьбу Государственнаго Совѣта, Николай не хотѣлъ отмѣнить тѣлеснаго наказанія.

Три года спустя онъ его все таки „отмѣнилъ". Въ манифестѣ, изданномъ по поводу рожденія цесаревича Алексѣя, отмѣнялось тѣлесное наказаніе. Но это не было „уступкой", а лишь — фарисействомъ! Отмѣнялось тѣлесное наказаніе по закону, а истязанія по произволу оставались и послѣ манифеста, и лица усиленно примѣнявшія ихъ, вродѣ Ренненкампфа, Меллеръ-Закомельскаго и т. д., пользовались царской милостью.

Этотъ манифестъ былъ фарисействомъ, потому что онъ хотѣлъ внушить симпатію къ царю крестьянамъ, изнемогавшихъ подъ непосильнымъ

[1]) см. ук. лит. А. 17.
[2]) см. ук. лит. Б. 17.

бременемъ войны. Поэтому и прощались тѣ деньги, которыя крестьяне еще были должны за землю, полученную при освобожденіи. Выколотить ихъ не было все равно никакой возможности. Если же заявить, что крестьянамъ ихъ выплачивать дальше не нужно, то это можетъ показаться „милостью“.

Аграрныя волненія 1905 г. всетаки заставляютъ уступать и Николая. Отвѣтственность съ себя онъ пытается переложить на Государственную Думу. Онъ надѣется, что Дума откажетъ крестьянамъ въ землѣ и ненависть крестьянъ будетъ отвлечена въ сторону. А тѣмъ временемъ царь все повторяетъ, „что его наиболѣе заботитъ вопросъ объ устройствѣ крестьянскаго быта и облегченіи земельной нужды трудящагося крестьянства....“ (см. рѣчь отъ 2 февраля 1906 г.).

Но надежды царя не оправдываются.

Дума высказывается за отчужденіе земли въ пользу крестьянъ, царь Думу распускаетъ и — становится снова въ глазахъ крестьянства виновникомъ его нужды.

Интригамъ царя по отношенію къ Думѣ въ связи съ аграрнымъ и прочими вопросами посвященъ собый очеркъ.....

* *
*

Такимъ же образомъ объясняются и кажущіяся колебанія царя по отношенію къ рабочимъ.

Мы уже отмѣтили „царское спасибо“ войскамъ разстрѣливавшимъ бастовавшихъ рабочихъ въ 1895 г. Забастовки вѣдь были лишь въ одномъ Ярославлѣ! Значитъ, можно пока съ врагомъ не считаться!

Но лишь только забастовка принимаетъ такіе грандіозные размѣры, какъ въ 1896 г., то „интересъ“ немедленно возрастаетъ и немедленно созывается особое совѣщаніе, результатомъ котораго является законъ 2-го іюня 1897 г.

Въ немъ устанавливаются разныя санитарныя мѣры, которые должны быть введены въ фабричныхъ предпріятіяхъ. Но самымъ важнымъ является въ немъ то, что имъ запрещается работать болѣе $11^1/_2$ часовъ въ сутки.

Рабочіе успокаиваются — и правительство путемъ циркуляровъ, ограниченій и т. д. сводитъ опять на нѣтъ, имъ же самимъ изданный законъ.

Въ 1901 г. снова крупныя волненія — и снова „кажущіяся“ уступки.

Начинается комедія Зубатовщины. Подъ рукободствомъ агента охраннаго отдѣленія организуются союзы, въ которыхъ разрѣшается рабочимъ вороться за экономическіе интересы, чтобы ихъ такимъ образомъ отвлечь отъ политической борьбы. Въ нѣкоторыхъ городахъ жандармы

даже заставляютъ хозяевъ исполнять требованія предъявленныя рабочими.

Но повидимому правительство всетаки не вполнѣ увѣрено въ успѣхѣ этой политики: въ 1901 г. учреждается особая фабрично-заводская полиція, почти всѣ фабричные центры объявляются на „положеніи объ усиленной охранѣ“ и т. д., и т. д.

И все это происходитъ опять съ вѣдома и согласія Николая.

6-го декабря, принимая въ Зимнемъ Дворцѣ высшихъ представителей жандармской полиціи, онъ произноситъ слѣдующія „знаменательныя слова“:

„Я очень радъ васъ видѣть, господа!
„Надѣюсь, что союзъ установившійся се-
„годня между мною и корпусомъ жандар-
„мовъ будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ[1]).“

А губернаторъ фонъ-Валь, подвергавшій въ маѣ 1902 г. участниковъ демонстраціи тѣлесному наказанію, назначается — флигель-адъютантомъ.

И въ то же время, въ 1902 г., передъ депутаціей рабочихъ на Балтійскомъ заводѣ царь произноситъ лживыя и льстивыя слова:

„Трудитесь честно, ведите себя спокойно
„и не давайте смущать себя дурнымъ

1) см. ук. лит. Б. 15.

„людямъ, которые такіе же враги вамъ,
„какъ враги и мнѣ.“[1])

Но повидимому рабочіе не раздѣляли этого мнѣнія, а считали наоборотъ, что тѣ, кто враги Николаю, имъ вовсе не враги, — и въ 1903 г. забастовка обхватываетъ почти всю Россію.

Въ Одессѣ, въ Томскѣ, въ Ростовѣ, въ Баку, Батумѣ, Златоустѣ, Ригѣ — всюду происходятъ безпорядки. И борьба происходитъ не какъ хотѣлось Николаю и Зубатову исключительно на экономической почвѣ: провозглашаются политическіе лозунги.

Царь видитъ, что не лживо-ласковыми словами отвлечь рабочихъ отъ борьбы, и снова пускаетъ въ ходъ пули.

Въ одномъ Златоустѣ убитыхъ 69 и раненыхъ 100!

Но опасность всетаки тревожитъ: нужно придумать другой способъ, чтобы отвлечь рабочихъ отъ борьбы.

Расчитываютъ на самые низкіе инстинкты подонковъ населенія — въ Кишиневѣ устраивается погромъ.

Но повтореніе его ни въ Гомелѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не удается: выступаетъ еврейская самооборона, а ей на помощь русскіе сознательные рабочіе.

---

[1]) Ibidem.

И ненависть противъ Николая возрастаетъ еще больше: лѣтомъ того же 1903 г. возобновляется забастовка въ цѣломъ рядѣ южныхъ городовъ. Стачечная буря обхватываетъ больше 200000 рабочихъ всѣхъ промысловъ.

Разумѣется и слѣдующіе погромы удались бы, если-бы Николай пустилъ въ ходъ войска, какъ онъ это сдѣлалъ въ 1905 г.

Но тогда онъ еще стѣснялся, или вѣрнѣе опасался Европы. Онъ не зналъ еще, что иностранные банкиры готовы дать взаймы денегъ и погромщику, лишь были бы высоки проценты.

Поэтому то, онъ счелъ нужнымъ разыграть комедію, увѣрялъ, что хотѣлъ послать для разслѣдованія дѣла собственнаго адъютанта, и лишь отказался отъ этого, потому что уже посланъ Лопухинъ.

Разумѣется, что если-бы и былъ посланъ адъютантъ, то съ такой же цѣлью какъ и Лопухинъ: не выяснить, а скрыть правду!

$2^1/_2$ года спустя, послѣ октябрьскихъ погромовъ, Николай уже срываетъ маску: всѣ приговоренные къ заключенію за участіе въ погромахъ получаютъ — помилованіе, всѣ участвовавшіе въ самооборонѣ — каторгу.

Жандармскій же ротмистръ печатавшій погромныя прокламаціи въ тайной типографіи — получаетъ повышеніе.

И напрасно сомнѣваются, что все это произошло съ согласія Николая, не хотятъ вѣрить въ его фанатическій шовинизмъ.

Самъ Плеве увѣрялъ Янжула, что въ правительствѣ наибольшій антисемитъ — самъ царь!

И ему удалось подтвердить это собственноручной замѣткой царя, начерченной на поляхъ доклада о законопроектѣ, ограничивавшемъ еще болѣе право жительство евреевъ въ Сибири.

Николай собственноручно начерталъ:

„Евреи, покидающіе черту осѣдлости,
„ежегодно наполняютъ цѣлыя области Си-
„бири своими противными лицами.
„Это невыносимое положеніе должно
„измѣниться[1]) ...“

И кто не помнитъ наконецъ эпизода съ знаменитымъ музыкантомъ Падеревскимъ? Николай выразилъ ему послѣ концерта въ Зимнемъ дворцѣ свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела игра русскаго. „Простите, Ваше Величество“ — отвѣтилъ Падеревскій — „но я полякъ“. Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы Николая и обошелся Падеревскому высылкой въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться[2]).

---

[1]) см. ук. лит. А. 24.
[2]) см. ук. лит. Б. 17.

Но мы немного отклонились въ сторону. Мы хотѣли показать читателю, что и въ рѣшеніи рабочаго вопроса, какъ и всѣхъ другихъ проявлялась личная воля царя. Закончимъ же этотъ отрывокъ указаніемъ на январьскія событія 1905 г. Никогда Николай не имѣлъ такого удобнаго случая дѣйствительно узнать нужду народную, какъ тогда. Ему гарантировали личную безопасность. Шли не съ оружіемъ, а съ иконами и царскими портретами. А Николай встрѣтилъ ихъ градомъ пуль.

Правда потомъ, чтобы замять впечатлѣніе, произведенное этой бойней на Европу, онъ выкидываетъ (точно также какъ послѣ Ходынки) пятьдесятъ тысячъ рублей въ помощь семьямъ убитыхъ. Но рабочіе погнушались этими деньгами крови.

Кромѣ царскихъ денегъ, которыми распоряжался Треповъ, пособія выдавались еще Союзомъ Инженеровъ и Петербургской Думой. И вотъ два мѣсяца послѣ бойни было подано прошеній о пособіяхъ: въ Думу 830, въ Союзъ Инженеровъ 1650, а Трепову — всего семь[1]).

Научило ли это чему-нибудь Николая? Раскрыло ли ему наконецъ глаза?

Раскрыть то глаза раскрыло, но, увы, выводы онъ сдѣлалъ настоящіе Николаевскіе.

---

[1]) см. ук. лит. А. 11.

Увидѣвъ въ этой „статистикѣ“ своего рода „статистику ненависти рабочихъ“, онъ рѣшилъ — не пріобрѣсть любовь ихъ, а еще болѣе согнуть ихъ въ „бараній рогъ“.

Когда онъ рѣшаетъ принять депутацію рабочихъ, то онъ не разрѣшаетъ производить выборы, чтобы отъ выборныхъ узнать всю правду. Онъ полиціи предоставляетъ подобрать самыхъ „благонадежныхъ“, самыхъ „темныхъ“, не пользующихся никакимъ вліяніемъ среди прочихъ рабочихъ. Имъ онъ говоритъ рѣчь, печатныя оттиски, которой сейчасъ же передаются для распространенія. Рѣчь эта, какъ рѣчь 1902 г., опять все сводитъ къ кознямъ злоумышленниковъ. Но она уже гораздо ярче и опредѣленнѣе. Желаніе „подавать царю прошеніе о нуждахъ своихъ“ провозглашается „бунтомъ противъ царя и правительства.“ И въ будущемъ Николай обѣщаетъ „всегда прибѣгать къ военной силѣ, хотя бы это и вызывало неповинныя жертвы.“ А подъ конецъ рѣчи у царя хватило наглости заявить рабочимъ, что онъ „прощаетъ имъ вину ихъ“, онъ — на совѣсти котораго десятки тысячъ труповъ[1])!

Недолго послѣ этого тонъ царя по отношенію къ рабочимъ рѣзко мѣняется. Но это связано со всѣми „уступками“, на которыя

[1]) см. ук. лит. А. 17.

скрѣпя сердце, противъ воли въ концѣ концовъ долженъ былъ пойти Николай передъ дружнымъ натискомъ всего народа; уступки которыя, потомъ при первомъ случаѣ онъ утопилъ въ морѣ крови.

* * *

Приводить здѣсь выдержки изъ рѣчей царя къ дворянамъ мы не будемъ. Читатель найдетъ ихъ въ приложеніи, и самъ убѣдится, что Николай всегда оставался вѣренъ взгляду, выраженному имъ въ 1895 году, „что дворянство опора престола.“

Благодарности, милости — безъ конца.

И при этомъ безконечное повтореніе увѣреній, что помѣщичья собственность неприкосновенна. И тутъ мы видимъ снова не колебанія, а послѣдовательность въ политикѣ царя.

Убѣдившись въ отсутствіи колебаній Николая во внутренней политикѣ, въ устойчивости его симпатій — мы уже станемъ иначе относиться и къ его внѣшней политикѣ.

И тутъ цѣль одна. Все что укрѣпляетъ царскій тронъ — хорошо; что его расшатываетъ — плохо.

Гаагская конференція — это не иллюзія идеалистическаго мечтателя, а фарисейство и расчетъ дипломата. Почему не побудить другія государства сократить расходы на вооруженія? Вѣдь

это не мѣшаетъ самому въ то же самое время ассигновать 90 милліоновъ на перевооруженіе флота!

Точно также и война съ Японіей не представляетъ противорѣчія къ Гаагской конференціи мира: она лишь завершеніе Гаагскаго фарисейства. Во всѣхъ телеграммахъ къ Алексѣеву Николай совѣтуетъ ему предоставить начать военныя дѣйствія японцамъ, чтобы впослѣдствіи разыграть „оскорбленную невинность[1])."

Такъ же ошибаются тѣ, которые предполагаютъ, что Николай началъ войну изъ какого то мистическаго пониманія своихъ обязаностей какъ „защитника бѣлой расы противъ желтой."

Нѣтъ, онъ прекрасно понималъ, что здѣсь весь сыръ-боръ разгорѣлся изъ-за концессій на Ялу, что здѣсь у его „Августѣйшихъ Родственниковъ" рыльце въ пушку, и просто вступился за „фамильные интересы".

А затѣмъ, точно также какъ и при созывѣ Гаагской конференціи, онъ передъ Европой сталъ драпироваться въ красивыя и пышныя фразы. Возможно, что будучи по мнѣнію многихъ врачей типичнымъ истерикомъ, онъ въ концѣ концовъ повѣрилъ въ эти фразы. Но это было въ лучшемъ случаѣ самовнушеніе. Истинѣ эти фразы ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствовали.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

Желтый билетъ.

Помните ли Вы, читатель, одинокую прогулку „молодого офицера съ грустными глазами“ по Невскому проспекту?

Помните ли Вы умиленіе либеральнаго общества по этому поводу?

Увы, тѣ времена прошли безвозвратно!

Избравъ „свѣтлый и лучезарный путь незабвеннаго отца“ и объявивъ объ этомъ во всеуслышаніе 17-го января 1895 г., Николай II долженъ былъ принять и — мѣры охраны, не менѣе строгія, чѣмъ тѣ, которыя предпринималъ его „незабвенный родитель“.

Уже въ дни коронованія поражало иностранцевъ, что когда Николай послѣ торжественнаго возложенія на себя царской короны вышелъ на площадь поклониться народу, то дѣйствительнаго народа — не было.

Были лишь — переодѣтые сыщики.

И земной поклонъ сдѣланный Николаемъ II при возложеніи на себя короны, былъ сдѣланъ не

передъ русскимъ народомъ, а — передъ агентами охраннаго отдѣленія[1]).

Да, глубокое символистическое значеніе имѣлъ этотъ земной поклонъ Николая II.

Но можетъ быть царь не понималъ въ чемъ дѣло, можетъ быть онъ не зналъ, что онъ окруженъ охраниками?

И это предположеніе не вѣрно. Царь зналъ, кто его окружаетъ, и неудовольствія не высказывалъ. Наоборотъ, мѣры охраны казались ему скорѣе недостаточными. Вспомните какъ онъ послѣ Ходынской катастрофы стягиваетъ войска вокругъ Кремля.

„Царь окруженный лѣсомъ штыковъ", — эту картину начиная съ Ходынки мы наблюдаемъ по сей день.

И на этой картинѣ, накладывающей свой особый отпечатокъ на Николая, приходится подробнѣе остановиться.

Лучше всего мы приведемъ четыре оффиціальныхъ документа: приказъ московскаго градоначальника и три распоряженія нижегородскаго губернатора Унтербергера.

Они ярко и красочно рисуютъ, въ какія реальныя формы вылился и не могъ не вылиться путь, избранный Николаемъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 1.

Вотъ эти документы:

I.

Оффиціальное печатное объявленіе
по поводу пріѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ
въ г. Москву.

„1. Каждый владѣлецъ квартиры или помѣщенія, окна или балконы которой выходятъ на улицу по пути слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, обязанъ представить указанному ниже члену коммиссіи не позднѣе 25-го марта списокъ въ двухъ экземплярахъ всѣхъ лицъ, кои будутъ находиться въ его квартирѣ или помѣщеніи во время Высочайшаго проѣзда и независимо отъ сего испросить у Московскаго Оберъ-Полицеймейстера разрѣшеніе на допускъ въ свое помѣщеніе лицъ подачею прошенія, оплаченнаго гербовымъ сборомъ въ 1 руб. 20 коп.

2. Контроль пропуска лицъ, являющихся въ дома въ день Высочайшаго проѣзда, производится квартирохозяиномъ, причемъ отвѣтственность за то, что пропущены тѣ самыя лица, которыя внесены имъ въ списокъ, падаетъ всецѣло на него.

3. Домовладѣльцамъ и управляющимъ домами вмѣняется въ обязанность въ день пріѣзда Ихъ Величествъ:

а) ворота домовъ держать запертыми на замокъ съ утра дня пріѣзда Ихъ Величествъ;

б) ключъ отъ воротъ передавать старшему дворнику, занимающему мѣсто у воротъ со стороны улицы;

в) въ ворота пропускать исключительно живущихъ въ домахъ или получившихъ право входа въ квартиры, согласно представленнаго члену комиссіи списка, постороннихъ же лицъ въ случаѣ экстренной надобности допускать только съ разрѣшенія члена комиссіи или чиновъ полиціи:

г) запереть на ключъ въ нижнихъ этажахъ двери, выходящія на улицу. Окна въ нижнихъ и полуподвальныхъ этажахъ, въ которые возможенъ допускъ съ улицы, имѣть закрытыми;

д) допускать входъ въ подъѣзды только лицамъ, упомянутымъ подъ лит. в. пункта 3-го настоящаго объявленія.

4. Воспрещается дѣлать какія-либо приспособленія для зрителей у воротъ со стороны улицы.

5. Домовладѣльцамъ и управляющимъ домами вмѣняется въ обязанность преградить подъ личной отвѣтственностью, во время проѣзда Ихъ Величествъ, доступъ на чердаки и на крыши, для достиженіе каковой цѣли входъ на чердакъ, по предварительному осмотру членомъ комиссіи, долженъ быть запертъ и опечатанъ

распоряженіемъ члена комиссіи, а всѣ пожарныя лѣстницы по указанію члена комиссіи обшиты тесомъ на 6 аршинъ отъ земли.

6. Открытіе оконъ во время Высочайшаго проѣзда разрѣшается, за исключеніемъ оконъ, упомянутыхъ въ п. г. § 3, равно какъ и доступъ публики на балконы, выходящіе на улицу, при чемъ къ открытымъ окнамъ и на балконы могутъ быть допущены подъ личною отвѣтственностью владѣльца квартиры или помѣщенія лица совершенно трезвыя и при томъ только такія, которыя значатся въ спискѣ, составленномъ на основаніи § 1 сего объявленія. Допущенныя лица не должны имѣть при себѣ ни биноклей, ни подзорныхъ трубъ, ни фотографическихъ аппаратовъ; квартировладѣлецъ принимаетъ на себя отвѣтственность за порядокъ въ принадлежащемъ ему помѣщеніи.

Примѣчаніе. Опредѣленіе количества лицъ, могущихъ находиться на балконахъ, принадлежитъ технику, состоящему членомъ комиссіи [1]).

II.

Мѣры охраны, подлежащія принятію въ селеніяхъ по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно черезъ с. Глухово въ г. Арзамасъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

1. Всѣ строенія, жилыя и холодныя, находящіяся на самомъ пути, такъ равно и на разстояніи десяти саженей въ обѣ стороны отъ дороги, за двое сутокъ до проѣзда тщательно осматриваются комиссіей, состоящей изъ полицейскаго и жандармскаго (гдѣ таковые есть) офицера, мѣстнаго сельскаго старосты и при участіи двухъ понятыхъ. Предсѣдателемъ въ комиссіи является старшій въ чинѣ офицеръ. Тѣ строенія, въ которыхъ нѣтъ особой надобности для хозяевъ, опечатываются ею, чтобы убѣдиться въ цѣлости ихъ.

Примѣчаніе. Если впослѣдствіи хозяевамъ встрѣтилась бы особая надобность войти въ опечатанное строеніе, то это можетъ быть сдѣлано въ присутствіи той же комиссіи и послѣ этого строеніе вновь опечатывается.

2. Въ упомянутыхъ выше строеніяхъ, послѣ осмотра, никто изъ постороннихъ лицъ, къ семьѣ хозяина не принадлежащихъ, оставаться не можетъ, впредь до того времени, пока охрана не будетъ снята.

3. За сутки до проѣзда, въ каждый домъ, находящійся по пути слѣдованія, помѣщаются два охранника, которые слѣдятъ, чтобы никто изъ постороннихъ въ домъ и во дворъ не входилъ

4. За 4 часа до проѣзда помѣщаются съ задней стороны домовъ, лежащихъ по пути,

охранники, стражники или воинскіе чины, по мѣрѣ надобности, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на дорогу, по которой имѣетъ быть проѣздъ, никто не выходилъ.

5. Всѣ выходящія на улицу окна или отверстія на чердакахъ заколачиваются.

6. Полиціей и сельскими властями устанавливается строгій надзоръ за всѣми живущими въ селеніяхъ и за тѣмъ, что вообще происходитъ въ селеніяхъ. За двое сутокъ до Высочайшаго проѣзда селеніе должно быть очищено отъ всѣхъ неизвѣстныхъ лицъ.

7. Съ ранняго утра дня Высочайшаго проѣзда въ попутныхъ селеніяхъ всѣ собаки должны быть на привязи и находящійся въ селеніи скотъ загнанъ.

Губернаторъ
Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ [1]).

III.

Приказъ жителямъ селеній по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь, Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Жители каждаго селенія, черезъ которое будетъ слѣдовать Высочайшій проѣздъ, собираются

---

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

у своей околицы къ опредѣленному часу, который будетъ указанъ земскимъ начальникомъ, въ районъ котораго входитъ соотвѣтственное селеніе и группируются тамъ по обѣ стороны дороги.

2. Сельскій староста, сотскіе и десятскіе провѣряютъ, чтобы никто изъ постороннихъ, къ жителямъ селенія не преднадлежащій, въ группѣ не былъ. Если же случайно кто-либо изъ посторонних тутъ явился и не будетъ времени его совсѣмъ удалить, то онъ становится за группу подъ надзоръ полиціи или благонадежныхъ лицъ.

3. Отъ линіи проѣзда группы стоятъ около 10 саженей.

4. Расходиться жители могутъ съ разрѣшенія старшаго полицейскаго офицера, когда послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

5. При въѣздѣ въ селенія разрѣшается жителямъ устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами.

Нижній-Новгородъ, Іюля 3-го дня 1903 г.

Губернаторъ

№ 3500. Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ [1]).

---

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

IV.

Приказъ членамъ добровольной охраны по пути слѣдованія Высочайшихъ особъ изъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Члены добровольной охраны должны становиться на мѣста и въ часъ, указанный начальниками отрядовъ. Во время Высочайшаго проѣзда они сходить съ своихъ мѣстъ не должны, а послѣ проѣзда могутъ расходиться по указанію начальниковъ отрядовъ и во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

2. При разстановкѣ на мѣстахъ всѣ котомки, какъ охранниковъ, такъ и тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которые будутъ остановлены по пути и поставлены позади членовъ охраны, относятся на нѣсколько десятковъ саженей въ тылъ охраны, тамъ складываются, а разбираются лишь послѣ Высочайшаго проѣзда.

Въ рукахъ ни у охранниковъ, ни у постороннихъ лицъ не должно быть никакихъ предметовъ кромѣ шапокъ.

3. При Высочайшемъ проѣздѣ воспрещается становиться на колѣни съ цѣлью подачи какихъ бы то ни было бумагъ и прошеній. Если же кто-либо желаетъ подать Государю Императору прошеніе, то онъ такое долженъ передать начальнику

отряда, которымъ оно будетъ передано по начальству и ни одно изъ поданныхъ въ такомъ порядкѣ прошеній не останется не доложеннымъ Государю.

4. Лица, которыя бросятся впередъ для подачи прошеній, или съ другими цѣлями, члены охраны должны задержать и передать въ распоряженіе полиціи.

5. Такъ какъ въ день Высочайшаго проѣзда, въ опредѣленный часъ по указанію начальника отряда, всякое движеніе по пути будетъ пріостановлено, то въ случаѣ появленія потомъ на немъ, а равно въ прилегающей къ нему мѣстности лицъ, не участвующихъ въ охранѣ, не принадлежащихъ къ составу полиціи или воинскихъ частей, или не имѣющихъ на это разрѣшенія губернатора, таковыя должны задерживаться и съ ними будетъ поступлено по указанію начальника отряда, до этого же ихъ слѣдуетъ держать подъ строгимъ надзоромъ за ближайшими группами охранниковъ.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться посторонняя публика, не позволять ей порвать цѣпь и становиться впереди за исключеніемъ тѣхъ лицъ коимъ это будетъ начальникомъ отряда разрѣшено.

7. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ будетъ стоять посторонняя публика, сотники и десятники должны во время Высочайшаго проѣзда стоять такъ, чтобы видѣть проѣзжающіе экипажи, а равно посторон-

нюю публику для наблюденія, не происходитъ ли тамъ чего-либо подозрительнаго.

8. При всякихъ недоразумѣніяхъ члены охраны должны руководствоваться указаніяни начальниковъ отрядовъ.

Нижній-Новгородъ, Іюля 3-го дня 1903 г.

Губернаторъ

Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ[1]).

Намъ кажется, что комментаріи къ этимъ документамъ излишни. Ихъ сухой оффиціальный языкъ говоритъ достаточно ясно.

Но вѣдъ таже самая картина наблюдалась уже въ первый годъ царствованія Николая, хотя бы во время коронаціи. Таже самая картина наблюдается и по сей день.

„Москва готовится къ Высочайшей встрѣчѣ. Это замѣтно и всѣми чувствуется. Прежде всего участились аресты. Не хватаетъ даже мѣста въ тюрьмахъ. Дѣло доходитъ до курьезовъ. Такъ, къ профессорамъ являются студенты съ просьбой проэкзаменовать ихъ не въ очередь, теперь же. „Да зачѣмъ вамъ это?“ — „А, видите ли, г. профессоръ, насъ арестовали, но, за неимѣніемъ мѣста въ тюрьмахъ, пока отпустили на честное слово: мы обязались прійти и сѣсть, когда пріѣдетъ государь.“ Студентовъ иногородныхъ призываютъ гг. субъ-инспектора и предлагаютъ: не хотите ли

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

уѣхать въ отпускъ сейчасъ? Смѣется студентъ, беретъ отпускъ. Не правда ли, въ какой трогательной формѣ выражается отеческое „сердечное попеченіе“?“

„Особенную дѣятельность развиваетъ и обыкновенная полиція. По улицамъ предстоящаго слѣдованія государя особыми комиссіями денно и нощно производится осмотръ дворовъ. Подвальныя помѣщенія и чердаки опечатываются уже за двѣ недѣли; ходить туда воспрещается. Комиссіи ведутъ себя дѣловито. Они состоятъ изъ пары полицейскихъ чиновъ, да какихъ-то техниковъ ватерклозетнаго типа — все это ходитъ съ портфелями, по ученому. Объявлено распоряженіе о непрерывномъ — днемъ и ночью — прописываніи видовъ на жительство по участкамъ, такъ что теперь прибывающіе даже на нѣсколько часовъ не могутъ остаться безъ „извѣстности“ для полиціи.

„Усердіе особенно смѣшно сказывается въ зачумленіи улицъ: по приказу всюду красятъ вывѣски и стѣны. Вонь нестерпимая каждый разъ встрѣчаетъ царя. Маляры дерутъ, работаютъ прескерно, а начальство заставляетъ. Одного домовладѣльца заставили, околотить досчатой плотной броней цѣлый пятиэтажный домъ недостроенный — какъ бы изъ пустыхъ оконъ не выстрѣлило!.. [1]).“

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

Мы бы могли заполнить всю книгу тому подобными бытовыми картинками, показывающими къ чему привелъ „избранный“ Николаемъ путь, но ограничимся тѣмъ, что приведемъ лишь еще одинъ любопытный случай изъ Курска.

Во время пребыванія государя въ этомъ городѣ, обыватели имѣли право свободнаго хожденія по улицамъ, лишь по полученіи на то разрѣшенія изъ полиціи. И въ видѣ „пропуска“ полиція имъ давала зеленый или — желтый билетъ.

Царь и — желтый билетъ!

Не снова ли это иронія судьбы, не снова ли это странный символъ, не менѣе оригинальный чѣмъ земной поклонъ царя агентамъ охраннаго отдѣленія?

Но, этотъ символъ истолковывается неправильно! „Царь и желтый билетъ“ — по объясненію либеральнаго обывателя обозначаетъ, что царь находится подъ контролемъ, что царь изолированный отъ народа, (вспомните документы губернатора Унтербергера!), не вѣдаетъ истиннаго положенія вещей, и поэтому вполнѣ подпадаетъ подъ вліяніе бюрократовъ.

Итакъ „царь и желтый билетъ“ — слѣдуя этому объясненію — обозначаетъ: царь подъ контролемъ бюрократіи:

Мы привели достаточно матеріалу, чтобы читатель могъ убѣдиться, что царь самъ не желалъ

общенія съ народомъ, что онъ въ дѣйствительности не хотѣлъ вовсе знать всю правду. Онъ самъ окружилъ себя лѣсомъ штыковъ, провокаторами Азефами и Воскресенскими, которые его сопровождали на Полтавскія торжества, Сипягиными и Столыпинами, поддерживавшими его на пути „незабвеннаго родителя“.

Не о „царѣ находящемся подъ контролемъ бюрократіи“ приходится намъ говорить, а о царѣ допускающемъ передъ свои „свѣтлыя очи“ лишь лицъ обладающихъ желтымъ билетомъ, о царѣ окружившемъ себя по собственной волѣ исключительно людьми достойными названія „желтобилеточниковъ“.

И если мы въ слѣдующихъ очеркахъ дадимъ характеристику великихъ князей, царскихъ друзей и опричниковъ, то не потому что мы видимъ въ нихъ лицъ, вертящихъ царемъ какъ имъ угодно, а потому что насъ интересуетъ вопросъ, кто удостаивается „желтаго билета“ — царскаго довѣрія, кто соратники Николая въ его борьбѣ за принципъ „когда захочу — отмѣню“, кто его послушные исполнители!

Августѣйшее Семейство.

Чрезвычайно заманчивой было бы задача нарисовать картину нравовъ и жизни „Августѣйшей Семьи“ Николая II.

Но останавливаться подробно на характеристикѣ каждаго изъ членовъ семьи Романовыхъ не входитъ въ наши задачи.

Намъ нужно разсмотрѣть „интимную жизнь“ Зимняго Дворца, лишь постолько, посколько она намъ даетъ ключъ къ психологіи Николая II. Мы уже раньше пытались опровергнуть взглядъ, что въ симпатіяхъ Николая II замѣтны колебанія подъ вліяніемъ окружающихъ. Мы пытались показать, что въ дѣйствіяхъ царя никакихъ колебаній не было замѣтно. Теперь же попытаемся доказать, что при дворѣ нѣтъ мѣста для борьбы взглядовъ и партій; здѣсь лишь мѣсто для борьбы лицъ и группъ, на почвѣ личныхъ, матеріальныхъ интересовъ. По политическимъ убѣжденіямъ, по нравственному уровню — эта среда совершенно однородна.

Но передъ тѣмъ, какъ приступить къ характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ, дадимъ

немного статистики.

„Основные законы точно опредѣляютъ титулы, какіе полагаются различнымъ членамъ царской семьи, великимъ князьямъ и княжнамъ крови императорской, кого звать цесаревичемъ, кого высочествомъ и т. д.“

Потомъ въ длинномъ рядѣ статей перечисляются гербы и ордена, какіе кому полагаются.

„Великіе князья уже при крещеніи получаютъ ордена: Св. апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла, Св. Анны и Св. Станислава первой степени. Это полагается за подвиги, совершенные великими князьями отъ рожденія до крещенія.“

„Великія княжны получаютъ при крещеніи только одинъ орденъ, именно Св. Екатерины“.

„Князья съ титуломъ Высочества получаютъ тѣ же ордена, но только при наступленіи совершенолѣтія. Остальные князья императорской крови получаютъ ихъ на общемъ основаніи.“

„Въ неограниченныхъ монархіяхъ, какъ Россія, царь самъ опредѣляетъ свой цивильлистъ. Въ Россіи цивильлистъ существуетъ только съ конца XVIII столѣтія, со временъ Павла I. До него русскіе государи не отдѣляли своихъ личныхъ имуществъ отъ

государственныхъ, разсматривая всю Россію за свою личную собственность и распоряжаясь ею такъ какъ имъ было угодно. Павелъ I раздѣлилъ Россію на двѣ неравныя части; большую часть оставилъ, какъ государственную собственность, а меньшую взялъ себѣ, какъ свое личное добро. За царской фамиліей остались очень обширныя пространства земли и нѣсколько милліоновъ крестьянъ, которые получили названіе удѣльныхъ."

„И теперь еще русскіе цари самые богатые люди на свѣтѣ; за удѣльнымъ вѣдомствомъ, т. е. въ собственности царской семьи, числится около одной сороковой части Россіи."

„Но несмотря на это, царская семья беретъ еще изрядную сумму изъ государственнаго казначейства. По послѣднему бюджету на министерство императорскаго двора отпущено болѣе 16 милліоновъ рублей, причемъ сумма эта съ каждымъ годомъ увеличивается. Контроль надъ израсходованіемъ государственныхъ средствъ въ Россіи совершенно призрачный и подчиненъ тѣмъ лицамъ, которыя расходуютъ государственныя средства; но суммы, отпущенныя по министерству императорскаго двора, освобождены даже отъ этого контроля."

„Изъ государственной казны получаютъ „жалованье" императрица, наслѣдникъ престола и его супруга, дѣти императора, внуки и правнуки его. Праправнуки содержанія уже не получаютъ, но за

то имъ даются заповѣдныя имѣнія, приносящія ежегодно не менѣе 100 000 руб. дохода и принадлежащія ихъ роду."

„Императрица получаетъ изъ государственной казны 200 000 руб. въ годъ и кромѣ того содержаніе двора. Это „жалованье" сохраняется и въ вдовствѣ, если императрица остается въ Россіи. Если же она переѣзжаетъ жить за границу, то она получаетъ только половину этого. Наслѣднику престола дается изъ государственной казны 100 000 руб., его женѣ — 50 000 руб. въ годъ. Въ вдовствѣ послѣдняя получаетъ, живя въ Россіи, 100 000 руб. на содержаніе двора, живя за границей — половину того."

„Кромѣ того изъ государственной казны берется приданное для великихъ княженъ и княженъ крови императорской."

„... Одной прислуги въ различныхъ царскихъ и великокняжескихъ дворахъ насчитывается до 20 000 человѣкъ ... [1])."

* * *

Предпослать эту статистику было необходимо! Уже сами по себѣ „финансовыя операціи" вел. князей чудовищны!

---

[1]) см. ук. лит. А. 13.

Но, чтобы понять всю алчность, всю необузданность аппетитовъ царскихъ родственниковъ, нужно было указать, какія суммы уже сами собой попадаютъ въ ихъ карманы и всетаки не удовлетворяютъ ихъ, всетаки не удерживаютъ отъ попытокъ „corriger la fortune“.

Послѣ этихъ оговорокъ приступимъ къ характеристикѣ членовъ „Августѣйшей Семьи“.

Вел. князь Алексѣй Александровичъ.

Начнемъ нашу характеристику съ „лучшаго изъ великихъ князей, дядьевъ Николая Второго“.

„Дѣйствительно — Алексѣй былъ лучшимъ изъ нихъ. На его памяти не оставалось пятенъ крови, пролитой собственными его руками. Онъ не устраивалъ Ходынки, какъ младшій братъ его, казненный Каляевымъ, Сергѣй. Онъ не подстрекалъ царя къ пролитію народной крови 9-го января, какъ его старшій братъ Владиміръ.

Онъ только кралъ.

А на краденыя деньги игралъ въ азартныя игры и бабничалъ. Отъ ранней юности до послѣдняго дня своего.

Алексѣй съ дѣтства былъ назначенъ отцомъ своимъ, императоромъ Александромъ Вторымъ, къ службѣ по флоту и записанъ въ морское училище. Но въ классы онъ не ходилъ, а путался по разнымъ театрикамъ и трактирчикамъ, въ веселой

компаніи французскихъ актрисъ и танцовщицъ. Одна изъ нихъ, по фамиліи Мокуръ, совсѣмъ его замотала.

— Не посовѣтуешь ли ты, — спрашивалъ Александръ Второй военнаго министра Милютина, — какъ заставить Алексѣя, чтобы посѣщалъ уроки въ училищѣ?

Милютинъ отвѣчалъ:

— Единственное средство, Ваше Величество: назначьте учителемъ госпожу Мокуръ. Тогда великаго князя изъ училища и не вызвать.

Такого-то ученаго моряка императоръ Александръ Третій, родной братъ его, не побоялся назначить генералъ-адмираломъ — главою и хозяиномъ русскаго флота.

Постройка броненосцевъ и портовъ, золотое дно для всякаго нечестнаго человѣка, охочаго погрѣть руки около народнаго имущества. Генералъ-адмиралъ Алексѣй, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ на игру и женщинъ, двадцать лѣтъ преобразовывалъ русскій флотъ. Безсовѣстно грабилъ казну самъ. Не меньше грабили его любовницы и сводники, поставлявшіе ему любовницъ.

Самъ Алексѣй ничего не смыслилъ въ морскомъ дѣлѣ и совершенно не занимался своимъ вѣдомствомъ. Примѣръ его, какъ начальника, шелъ по флоту сверху внизъ. Воровство и невѣжество офицеровъ росли съ каждымъ годомъ, оставаясь

совершенно безнаказанными. Жизнь матросовъ сдѣлалась невыносимою. Начальство обкрадывало ихъ во всемъ: въ пайкѣ, въ чаркѣ, обмундировкѣ. А чтобы матросы не вздумали противъ поголовнаго грабежа бунтовать, офицерство запугивало ихъ жестокими наказаніями и грубымъ обращеніемъ. И продолжалось это безобразіе ни много, ни мало — двадцать лѣтъ слишкомъ.

Ни одинъ подрядъ по морскому вѣдомству не проходилъ безъ того, чтобы Алексѣй съ бабами своими не отщипнулъ половину, а то и больше. Когда вспыхнула японская война, русское правительство думало прикупить нѣсколько броненосцевъ у республики Чили. Чилійскіе броненосцы пришли въ Европу и стали у итальянскаго города Генуи. Здѣсь ихъ осмотрѣли русскіе моряки. Такіе броненосцы нашему флоту и не снились. Запросили за нихъ чилійцы дешево: почти свою цѣну. И что же? Изъ-за дешевизны-то и разошлось дѣло. Русскій уполномоченный, Солдатенковъ, откровенно объяснилъ:

— Вы должны просить, по крайней мѣрѣ, втрое дороже. Потому что иначе намъ не изъ за чего хлопотать. Шестьсотъ тысячъ съ продажной цѣны каждаго броненосца получитъ великій князь. Четыреста тысячъ надо дать госпожѣ Балетта. А что же останется на нашу то долю — чинамъ морского министерства?

Чилійцы, возмущенные наглостью русскихъ взяточниковъ, заявили, что ихъ правительство отказывается вести переговоры съ посредниками, завѣдомо недобросовѣстными. Японцы же, какъ только русская сдѣлка разстроилась, немедленно купили чилійскіе броненосцы. Потомъ эти самые броненосцы топили наши корабли при Цусимѣ.

Госпожа Балетта, для которой Солдатенковъ требовалъ съ чилійцевъ четыреста тысячъ рублей, — послѣдняя любовница Алексѣя, французская актриса. Не давъ крупной взятки госпожѣ Балетта, ни одинъ предприниматель или подрядчикъ не могъ надѣяться, что великій князь даже хоть приметъ его и выслушаетъ.

Одинъ французъ изобрѣлъ необыкновенную морскую торпеду. Она поднимаетъ могучій водяной смерчъ и топитъ имъ суда. Французъ предложилъ свое изобрѣтеніе русскому правительству. Его вызвали въ Петербургъ. Но здѣсь — только за то, чтобы произвести опытъ въ присутствіи Алексѣя, — съ него спросили для госпожи Балетта двадцать пять тысячъ рублей. Французъ не имѣлъ такихъ денегъ и поѣхалъ во свояси, не солоно хлебавъ. Въ Парижѣ явился къ нему японскій чиновникъ и купилъ его изобрѣтеніе за большія деньги.

— Видите ли, — сказалъ японецъ, — нѣсколькими мѣсяцами раньше, мы заплатили бы вамъ го-

раздо дороже, но теперь у насъ изобрѣтена своя торпеда, сильнѣе вашей.

— Тогда зачѣмъ же покупаете мою?

— Просто затѣмъ, чтобы ея не было у русскихъ.

Какъ знать, не подобная ли торпеда опрокинула „Петропавловскъ“ и утопила экипажъ его вмѣстѣ съ Макаровымъ — единственнымъ русскимъ адмираломъ, который походилъ на моряка и сколько-нибудь смыслилъ въ своемъ дѣлѣ?

Въ послѣднія десять лѣтъ жизни Алексѣемъ вертѣла, какъ пѣшкою, Балетта. Раньше генералъ-адмиральшею была Зинаида Дмитріевна, герцогиня Лейхтенбергская, урожденная Скобелева (сестра знаменитаго „бѣлаго генерала“). Къ этой чины морского вѣдомства ходили съ прямыми докладами, помимо Алексѣя. А онъ безпечно подписывалъ все, чего его красавица хотѣла.

Краснымъ днямъ генералъ-адмирала Алексѣя положила конецъ японская война. У японцевъ на Тихомъ океанѣ оказались быстроходные крейсера и броненосцы, а у насъ — старыя калоши. Какъ хорошо генералъ-адмиралъ обучалъ свой флотъ, вотъ свидѣтельство: „Цесаревичъ“ впервые стрѣлялъ изъ орудій своихъ въ томъ самомъ бою, въ которомъ японцы издырявили его въ рѣшето. Офицеры не умѣли командовать. Суда не имѣли мор-

скихъ картъ. Пушки не стрѣляли. То и дѣло топили своихъ, либо нарывались на собственныя мины. Тихоокеанская эскадра засѣла въ Портъ-Артурѣ, какъ ракъ на мели. Послали на выручку балтійскую эскадру адмирала Рождественскаго. Тотъ, когда дѣло дошло до собственной шкуры, доложилъ царю, что итти не съ чѣмъ: брони на броненосцахъ — металлическія лишь чуть сверху, а снизу деревянныя. Увѣряютъ, будто царь сказалъ тогда Алексѣю:

— Лучше бы ты, дядя, воровалъ вдвое, да хоть брони-то строилъ бы настоящія!

Послѣ гибели „Петропавловска“ Алексѣй имѣлъ глупость показаться въ одномъ петербургскомъ театрѣ вмѣстѣ съ своею любовницей Балетта, обвѣшанною брильянтами. Публика чуть не убила ихъ обоихъ. Швыряли въ нихъ апельсинными корками, афишами, чѣмъ попало. Кричали:

— Эти брильянты куплены на наши деньги! Отдайте! Это — наши крейсеры и броненосцы! Подайте сюда! Это — нашъ флотъ!

Алексѣй пересталъ выѣзжать изъ своего дворца, потому что на улицахъ ему свистали, швыряли въ карету грязью. Балетта поспѣшила убраться за границу. Она увезла съ собою нѣсколько милліоновъ рублей чистыми деньгами, чуть не гору драгоцѣнныхъ камней и рѣдкостное собраніе русскихъ старинныхъ вещей. Это ужъ, должно быть, на па-

мять о русскомъ народѣ, который они съ Алексѣемъ ограбили.

Цусима докончила Алексѣя. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одинъ флотъ не испытывалъ болѣе глупаго и жалкаго пораженія. Тысячи русскихъ людей пошли на дно, вмѣстѣ съ калошами-судами и пушками, которыя не дострѣливали до непріятеля. Нѣсколькихъ часовъ японской пальбы достаточно было, чтобы отъ двадцатилѣтней воровской работы Алексѣя съ компаніей остались только щепки на волнахъ. Все сразу сказалось: и грабительство подлецовъ-строителей, и невѣжество бездарныхъ офицеровъ, и ненависть къ нимъ измученныхъ матросовъ. Накормилъ царевъ дядя рыбъ Желтаго моря русскими мужицкими тѣлами, въ матросскихъ рубахахъ и солдатскихъ шинеляхъ!

Послѣ отставки своей, Алексѣй перекочевалъ за границу, со всѣми накраденными богатствами своими, подъ бочокъ къ своей Балетта. Накупилъ дворцовъ въ Парижѣ и другихъ пріятныхъ городахъ и сорилъ золото, украденное у русскаго народа, на дѣвокъ, пьянство и азартныя игры, покуда не померъ отъ случайной простуды.

По смерти его, французскія газеты хотѣли составить жизнеописаніе великаго князя Алексѣя, чѣмъ онъ отличался. Но, кромѣ кутежей и похожденій по бабьей части, никто ничего не могъ припомнить. И вотъ — самымъ замѣчательнымъ

дѣломъ Алексѣя оказалось, что однажды онъ, вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, въ теченіе цѣлой недѣли, „изучали Парижъ“: посѣтили всѣ развратные дома, игорные притоны и воровскіе вертепы. У парижскихъ хулигановъ это время такъ и осталось въ памяти: „недѣля великихъ князей“ [1]).

Такъ описываетъ вел. кн. Алексѣя газета „За Народъ“, въ посвященномъ ему некрологѣ.

Признавая эту характеристику точной и правильной, мы по-неволѣ должны воскликнуть: „ужъ не Алексѣя ли считалъ обыватель „либераломъ“ — виновникомъ колебаній царя?“

* * *

Вел. князь Сергѣй Александровичъ.

„4-го февраля въ г. Москвѣ Боевой Организаціей Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ вел. княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Кромѣ кучера, изъ постороннихъ отъ взрыва никто не пострадалъ [2]).“

Такъ гласило „заявленіе“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которымъ доводилось до свѣдѣнія общества, что по ея приговору лишенъ жизни членъ семьи Романовыхъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 4.

[2]) см. ук. лит. Б. 17.

Уже 3-го февраля стоялъ Иванъ Каляевъ съ бомбой въ рукахъ поджидая свою жертву. Улица была темна и пустынна, и бросивъ бомбу, онъ могъ бы скрыться. Но вотъ подъѣхала карета, и въ ней вмѣстѣ съ великимъ княземъ оказались его жена и племянники.

Каляевъ бомбы не бросилъ: онъ не хотѣлъ лишить жизни невинныхъ дѣтей и женщину.

Онъ предпочелъ привести въ исполненіе покушеніе 4-го февраля, когда недежды спастись не было. Цѣною собственной жизни онъ спасъ жену и племянниковъ великаго князя [1]).

За что былъ убитъ Сергѣй? Не менѣе чѣмъ Алексѣй онъ воровалъ и развратничалъ. Даже еще больше. Алексѣй лишь кралъ деньги, Сергѣй кралъ и вымогалъ. Алексѣй тратилъ деньги на баллеринъ; Сергѣй не гнушался и ими, но предпочиталъ имъ молоденькихъ мальчиковъ или рослыхъ гвардейцевъ. И все-таки онъ не подпалъ бы карѣ революціонеровъ и мирно, какъ его братъ Алексѣй прожилъ свой вѣкъ, если бы царской волей не былъ поставленъ на одинъ изъ высочайшихъ постовъ имперіи. Дѣятельность Сергѣя въ качествѣ московскаго генералъ-губернатора, облеченнаго неограниченной властью, вопіяла о возмездіи.

Вотъ что заявилъ объ этомъ Иванъ Каляевъ передъ военнымъ судомъ:

---

[1]) см. ук. лит. Б. 2.

„Дѣятельность, вліяніе вел. кн. Сергѣя тѣсно связано со всѣмъ царствованіемъ Николая II, отъ самаго начала его. Ужасная ходынская катастрофа и роль въ ней Сергѣя были вступленіемъ въ это злочастное царствованіе. Разслѣдовавшій еще тогда причины этой катастрофы гр. Паленъ сказалъ, въ видѣ заключенія, что нельзя назначать безотвѣтственныхъ лицъ на отвѣтственные посты."

„И вотъ, Боевая Организація П. С.-Р. должна была безотвѣтственнаго передъ закономъ великаго князя сдѣлать отвѣтственнымъ передъ народомъ."

„Конечно, чтобы подпасть подъ революціонную кару, вел. кн. Сергѣй долженъ былъ накопить и накопилъ безчисленное количество преступленій передъ народомъ. Дѣятельность его проявлялась на трехъ различныхъ поприщахъ."

„Какъ московскій генералъ-губернаторъ, онъ оставилъ по себѣ такую память, которая заставляетъ блѣднѣть даже воспоминаніе о пресловутомъ Закревскомъ. Полное пренебреженіе къ закону и бозотвѣтственность вел. князя сдѣлали изъ Москвы, поистинѣ, какое то особое великокняжество. Преслѣдованіе всѣхъ культурныхъ начинаній, закрытіе просвѣтительныхъ обществъ, гоненіе на бѣдняковъ-евреевъ, опыты политическаго развращенія рабочихъ, преслѣдованіе всѣхъ протестующихъ противъ современнаго строя — вотъ въ

какого рода дѣяніяхъ выражалась роль убитаго, какъ маленькаго самодержца Москвы.“

„Во вторыхъ, какъ лицо, занимающее видное мѣсто въ правительственномъ механизмѣ, онъ былъ главой реакціонной партіи, вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ попытокъ, покровителемъ всѣхъ наиболѣе яркихъ и видныхъ дѣятелей политики насильственнаго подавленія всѣхъ народныхъ и общественныхъ движеній. Еще Плеве заѣзжалъ къ вел. кн. Сергѣю за совѣтами передъ своей знаменитой поѣздкой въ Троицкую Лавру, за которой послѣдовала поѣздка на усмиреніе полтавскихъ и харьковскихъ крестьянъ. Его другомъ былъ Сипягинъ; его ставленникомъ былъ Боголѣповъ, затѣмъ Звѣревъ. Все политическое направленіе правительства отмѣчено его вліяніемъ. Онъ проводитъ на мѣсто Святополка своихъ ставленниковъ, Булыгина и Трепова, роль котораго въ кровавыхъ январьскихъ событіяхъ слишкомъ извѣстна.“

„Наконецъ, третье поприще его дѣятельности, гдѣ роль его была наиболѣе значительной, хотя и наименѣе извѣстной: это — личное вліяніе на царя. „Дядя и другъ государевъ“ выступаетъ здѣсь, какъ наиболѣе безпощадный и неуклонный представитель интересовъ династіи [1]).“

Но разумѣется, что это „вліяніе“ не проявля-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

лось въ томъ, что Сергѣй доказывалъ выгодность для царя самодержавія, которую его племянникъ и самъ хорошо понималъ.

Нѣтъ, онъ лишь давалъ ему совѣты, какъ потопить въ морѣ крови революцію, какъ распространить ходынское угощеніе на всю Россію. Закончимъ его характеристику прокламаціей, изданной по поводу его смерти [1]).

„Сергѣя, знаменитаго „Князя Ходынскаго“, не стало.“

„Его не стало въ знаменательный моментъ. Взрывъ революціонной бомбы прервалъ эпоху полнаго торжества этого человѣка, явившагося въ послѣдніе, кровью народной отмѣченные дни, опорой крайней и безпощадной реакціи.“

„И безпощадному не было пощады.“

„Въ апогеѣ вліянія Сергѣя, въ тотъ самый моментъ, когда онъ ссудилъ царю своихъ испытанныхъ московскихъ клевретовъ и прислужниковъ на высшія государственныя должности, когда Булыгинъ принялъ наслѣдство Плеве, непосильное для Святополка-Мирскаго, когда Треповъ взялся потопить въ потокахъ рабочей крови мирныя домогательства петербургскаго пролетаріата, когда „партія великихъ князей“ торжествовала, — громовой взрывъ, потрясшій старый Кремль, неожиданно начерталъ грозное „мене, текелъ, фаресъ“

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

передъ испуганными взорами царскаго семейства и его наемниковъ...“

„Неожиданный? Но его слѣдовало ожидать, его нельзя было не ожидать. Всего два мѣсяца тому назадъ Московскій Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, организуя демонстрацію, предупреждалъ Сергѣя и его вѣрныхъ опричниковъ, что „возложитъ на нихъ отвѣтственность“ за избіенія, если они будутъ допущены по образцу только что свершившихся петербургскихъ избіеній. Московскій Комитетъ П. С.-Р. предупреждалъ, что наша партія „не остановится передъ тѣмъ, чтобы „казнить“ виновниковъ.“

„Онъ былъ открыто предупрежденъ. Онъ не внялъ предупрежденію. Избіеніе демонстрантовъ было ужасно. Треповъ и Булыгинъ, бравировавшіе угрозы революціонеровъ, вліяніемъ Сергѣя вознесены на высшіе посты въ имперіи. Ихъ патронъ, неустанно протестовавшій противъ „весеннихъ вѣяній“ Святополка-Мирскаго, не разъ грозившій отставкой и пустившій въ ходъ все свое вліяніе на „племянника“, дождался своего. Тотъ способъ отвѣта на народное движеніе, который его подчиненные испробовали на улицахъ Москвы, былъ примѣненъ тѣми же подчиненными въ увеличенномъ масштабѣ, на улицахъ Петербурга и цѣлаго ряда другихъ городовъ. Пролитая народная кровь взывала къ отпору, къ возмездію.“

„И возмездіе началось. Первой жертвой его долженъ былъ пасть Сергѣй. Онъ долженъ былъ узнать, что угрозы революціонеровъ не расточаются на вѣтеръ, что предостереженія ихъ — не пустые звуки. И онъ полностью узналъ — или, лучше сказать, далъ всѣмъ узнать это. Его собственная кровь, его бездыханный трупъ явился самымъ вѣскимъ и неопровержимымъ аргументомъ."

„Кровь за кровь...."

„Сергѣй, устроившій царскую коронацію на трупахъ Ходынскаго поля, кончилъ тѣмъ, чѣмъ и началъ. Снова, вторично содѣйствовалъ онъ тому, чтобы царь пронесъ свою — пока еще спасенную — корону по окровавленнымъ трупамъ. Но на этотъ разъ не безнаказанно."

„Возмездіе началось. Оно разростется. Разрозненные удары террора и наступленіе сомкнутыхъ рабочихъ колоннъ сливаются все тѣснѣе и неразрывнѣе. Кто еще пообѣщаетъ, по образцу Плеве, остановить это сліяніе, и обезпечить изветшавшія стѣны дворцовъ отъ конечнаго паденія? „Кто скажетъ бурѣ — стань на мѣстѣ? Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?"....

* *

*

Вел. кн. Владиміръ Александровичъ.

Та же участь что и Сергѣю, грозила и Владиміру Александровичу. И противъ него было подготовлено покушеніе. Но лишь благодаря предательству провокатора Азева, о которомъ еще придется говорить впослѣдствіи, жизнь Владиміра была спасена.

Не на долго.

Организмъ сго, несмотря на богатырское сложеніе, былъ настолько истощенъ алкоголемъ, постоянными кутежами, оргіями, парижскими „недѣлями великихъ князей“ и т. д., что уже въ 1909 г. онъ скончался.

Также какъ и его братья онъ мастерски умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы высасывать милліоны изъ голодающей Россіи, а затѣмъ ихъ проматывать за зеленымъ столомъ или въ будуарахъ парижскихъ кокотокъ.

Шведскій публицистъ Уларъ составилъ табличку „регулярныхъ“ доходовъ Владиміра Александровича

Въ качествѣ великаго князя Владиміръ получалъ $2^1/_2$ милліона рублей ежегодно. Его „частный капиталъ“, земли, лѣса, рудники и т. д., подаренныя отцомъ, давали ему еще полтора милліона ежегодно. 24 000 рублей (кромѣ наградныхъ) онъ получалъ въ качествѣ генерала 50 000 въ качествѣ начальника петербургскаго

военнаго округа; 40 000 какъ членъ Государственнаго Совѣта; 25 000 какъ членъ Комитета министровъ; 30 000 какъ предсѣдатель Академіи Искусствъ. И наконецъ безчисленныя мелкія суммы въ качествѣ члена различнѣйшихъ комиссій, которыхъ онъ никогда не посѣщалъ [1]).

Но этого Владиміру казалось мало.

Гдѣ онъ только могъ, онъ кралъ. Первый крупный „кушъ“ ему удалось сдѣлать при постройкѣ церкви въ память его же отца. Будучи предсѣдателемъ комитета по постройкѣ этой церкви, онъ стащилъ тутъ цѣлыхъ 35 милліона рублей.

Во время русско-японской войны въ „карманахъ Владиміра“ исчезали десятки артиллерійскихъ орудій, тысячи паръ солдатскихъ сапогъ, полушубковъ и т. д., и т. д. [2]).

Иногда, какъ при постройкѣ церкви, дѣло раскрывалось. Но Владиміръ оставался безнаказаннымъ: великіе князя отвѣчаютъ лишь передъ семейнымъ судомъ.

Понятно поэтому, почему Владиміръ всѣми силами пытался сохранить тотъ строй, при которомъ ему такъ хорошо жилось.

И понятно поэтому, что увидѣвъ 9-го января, даже при мирномъ намѣреніи толпы, опасность

[1]) см. ук. лит. А. 24.
[2]) Ibidem.

угрожающую этому строю, и тѣмъ самымъ его собственному карману, онъ приказалъ перестрѣлять тысячи безоружныхъ людей, чтобы спасти свои милліоны рублей.

И этимъ приказомъ, даннымъ имъ Трепову, встрѣтить толпу градомъ пуль, онъ показалъ, что и онъ достойный родичъ Николая.

Алексѣй — Цусима.

Сергѣй — Ходынка.

Владиміръ — 9-ое января.

Да везетъ Николаю на дядья!

Особенно подробно мы остановились на характеристикѣ трехъ великихъ князей: Алексѣя, Сергѣя и Владиміра.

Мы выбрали именно ихъ, потому что они казались намъ наиболѣе характерными, типичными представителями дома Романовыхъ.

Но разумѣется, что мы могли бы пополнить эту галлерею еще многими интересными портретами.

Вотъ напримѣръ:

Александръ Михайловичъ.

Александръ Михайловичъ, женатъ на Ксеніи, любимой сестрѣ царя, и пользуется поэтому особеннымъ расположеніемъ Николая.

Онъ не такъ извѣстенъ, какъ дядья Николая,

но никоимъ образомъ не уступаетъ имъ въ предпріимчивости для добыванія деньжонокъ. Такъ какъ военный флотъ уже служилъ для пополненія кармановъ Алексѣя, то Александръ Михайловичъ взялъ на себя управленіе торговымъ флотомъ, которое состояло въ томъ, что онъ бралъ милліоныя взятки у различныхъ поставщиковъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ на Ялу и однимъ изъ тѣхъ, которые особенно усердно проповѣдывали войну съ Японіей [1]).

Благодаря его протекціи Безобразовъ сдѣлался статсъ-секретаремъ, а Алексѣевъ — намѣстникомъ.

Типичный черносотенецъ по убѣжденіямъ, онъ живетъ душа въ душу съ Николаемъ и пользуется непрерывно царскимъ довѣріемъ.

* * *

Николай Николаевичъ.

Этотъ прогремѣлъ на весь свѣтъ также благодаря поразительнымъ способностямъ къ казнокрадству, способностямъ поразительнымъ даже по русскимъ понятіямъ. Но затѣмъ и о немъ перестали говорить. Въ концѣ концовъ кто изъ великихъ

---

[1]) см. ук. лит. А. 24.

князей не казнокрадъ? Немного больше, немного меньше — не все ли равно?

Но вотъ внезапно о немъ напомнило „Новое Время“. Сообщая о смертномъ приговорѣ надъ Коноплянниковой, газета добавила, что приговоръ утвержденъ начальникомъ гвардіи вел. кн. Николаемъ Николаевичемъ. Затѣмъ спохватившись, что проболтались, стали опровергать [1]).

Опроверженію никто не повѣрилъ. Вѣдь какъ разъ незадолго до этого офицерами одного изъ гвардейскихъ полковъ было совершено гнусное насиліе. По личному распоряженію Николая Николаевича слѣдствіе по этому дѣлу было немедленно прекращено.

Два раза были произведены покушенія на Николая Николаевича, но оба раза ему удалось спасти жизнь.

* * *

Марья Ѳедоровна.

Главой реакціонной партіи въ домѣ Романовыхъ почему-то всегда считаютъ вдовствующую императрицу Марью Ѳедоровну. Она якобы боролась съ Николаемъ въ началѣ его правленія, когда его симпатіи склонялась въ сторону прогресса.

---

[1]) см. ук. лит. А. 10.

Но, увы, при дворѣ не было никакихъ партій — были лишь клики, и всѣ онѣ были реакціонными.

А что касается Николая, то мы уже убѣдились, что у него никогда никакихъ симпатій въ сторону прогресса не было. И поэтому его борьба съ матерью происходила въ совершенно другой плоскости.

Борьба велась за власть!

Интриги матери противъ сына объяснялись не недовольствомъ направленіемъ его политики, а желаніемъ захватить власть въ свои руки.

Интрига велась упорно. Сначала старались запугать Николая, заставить его добровольно отречься отъ престола. Когда революціонеры еще и не думали о томъ, чтобы казнить его, то придворные по порученію вдовствующей императрицы подбрасывали угрожающія письма, якобы написанныя революціонерами [1]).

Николай дрожалъ, трепеталъ, прятался за лѣсъ штыковъ, производилъ безчисленные аресты — но отъ престола не отказывался.

Тогда мать рѣшилась воспользоваться болѣзненнымъ состояніемъ сына. Ударъ, полученный имъ въ молодости отъ японца, повидимому не прошелъ безслѣдно [2]). Царь страдалъ ужасными головными

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

[2]) См. стр. 40—41.

болями, которыя не изчезали послѣ леченія, ни послѣ операціи. Къ тому появились кекія-то странности. Всюду ему мерещилась паутина и онъ приказывалъ ее выметать.

Марья Ѳедоровна рѣшила объявить его слабоумнымъ и взять регентство въ свои руки[1]).

Уже велась агитація среди гвардейскихъ офицеровъ. Направлена она была и противъ царя и противъ его супруги, которую Марья Ѳедоровна особенно ревновала. Бывшія институтки разсказываютъ, что Марья Ѳедоровна пріѣзжала даже къ нимъ жаловаться на невѣстку: что та-де молъ ее обижаетъ, не даетъ даже [поиграть съ внучками и т. д.[2]).

Затѣя Маріи Ѳедоровны не удалась. Николай остался самодержавнымъ царемъ.

Не доказываетъ ли это, что онъ жилъ совершенно въ ладу со всѣми вел. князьями, что они вполнѣ одобряли его политику, что не было у него никакихъ колебаній, а лишь планомѣрныя дѣйствія при помощи своихъ Августѣйшихъ Родственниковъ?

И что всѣ они были такими же убѣжденными черносотенцами, какъ и онъ самъ?

---

[1]) см. ук. лит. В. 17.

[2]) см. ук. лит. Б. 18.

Еще кое-что
про
Августѣйшую Семью.

Обывателю не хочется вѣрить, что „Августѣйшая Семья“ состоитъ сплошь изъ черносотенцевъ.

Уже не разъ намъ приходилось останавливаться на весьма распространенномъ взглядѣ о борьбѣ партій въ Зимнемъ Дворцѣ, о колебаніяхъ Николая, подъ вліяніемъ этихъ партій.

Во главѣ „либераловъ Зимняго Дворца“ почему-то всегда предполагали двухъ лицъ: молодую царицу и вел. князя Константина Константиновича.

Императрица Александра Ѳедоровна.

Возможно, что будучи принцессой Гессенской, тогдашняя Алиса, была дѣйствительно прогрессивно настроена.

Весьма возможно, что она, вступая въ бракъ съ Николаемъ, мечтала о томъ, что облагодѣтельствуетъ милліоны подданныхъ.

Но, увы, если это было такъ — то иллюзіи молодой принцессы скоро разсѣялись. Мало того — она примирилась съ своимъ положеніемъ, втянулась въ болото придворной жизни и въ немъ увязла.

Она была образованнѣе всѣхъ великихъ княгинь; окончила университетъ. Но это лишь воспламенило окружающихъ противъ нея. Они ненавидѣли ее за умственное превосходство и начали травлю противъ „синяго чулка“.

Мы уже упоминали объ интригахъ вдовствующей императрицы.

Тутъ уже пришлось думать не объ „облагодѣтельствованіи подданныхъ“, а о сохраненіи собственной позиціи. Тѣмъ болѣе, что положеніе становилось шаткое: вмѣсто ожидаемаго наслѣдника царица рожала все дочерей.

Приходилось бороться противъ интригъ — контръ-интригами; приходилось становиться типичной обитательницей Зимняго Дворца, ассимилироваться средѣ, чтобы не стать ея жертвой.

Правда, будь императрица такимъ глубокочестнымъ и идеалистически настроеннымъ человѣкомъ, какимъ ее рисуютъ иностранныя газеты — она бы махнула на все рукой и вернулась бы въ свою родину, ужаснувшись моря крови и слезъ, увидѣнныхъ ею.

Но, она не ужаснулась. Она вошла даже во вкусъ своего положенія.

И произошло это не въ теченіе долгихъ лѣтъ, послѣ упорной борьбы, сломавшей ее! Произошло это до того гладко и быстро, что слѣдуетъ лишь

удивляться, какъ это до сихъ поръ многіе вѣрятъ въ „либерализмъ“ молодой царицы.

„Императрицѣ вздумалось завести себѣ садъ у Зимняго Дворца. (Произошло это недолго спустя послѣ бракосочетанія съ Николаемъ).“

„Дворцовое управленіе, недолго думая, захватило часть городской дворцовой площади и, отгородивъ эту часть стѣной, стало устраивать садъ. Столичная дума, узнавъ о захватѣ уже послѣ того, какъ онъ совершился, нашла нужнымъ лишь оформить его и поспѣшила выдать разрѣшеніе на уступку дворцовому вѣдомству захваченнаго участка, хотя никто такого разрѣшенія не спрашивалъ. Такой удачный опытъ распоряженія имуществомъ столицы разлакомилъ царицу, и теперь она покушается захватить еще участокъ городской земли, впрочемъ уже не для себя, а для своего protegé!“

„Есть въ Петербургѣ нѣкій д-ръ Г., занимающійся главнымъ образомъ массажемъ высокопоставленныхъ лицъ. Массируетъ онъ также и царицу, которая очень довольна его услугами.“

„И вотъ какъ-то во время массажа онъ повѣдалъ высокой паціенткѣ мечту своей жизни. Онъ хотѣлъ бы построить ортопедическій институтъ, но у него нѣтъ денегъ, чтобы купить землю. А между тѣмъ у города С. Петербурга много земли, и докторъ-мечтатель даже присмотрѣлъ подходящій для него участокъ недалеко отъ М-ой набережной.“

„Александра Ѳедоровна, любящая благотворить на чужой счетъ, нашла дѣло очень простымъ и взялась помочь бѣдѣ. Она позвала Плеве и передала ему свое желаніе, чтобы городъ пожертвовалъ Г-у просимый имъ участокъ. „Благожелательный“ Плеве, въ свою очередь, позвалъ городскаго голову и сообщилъ ему о желаніи царицы.“

„Тотъ такъ и ахнулъ! Дѣло въ томъ, что участокъ, который высмотрѣлъ мечтательный докторъ, стоитъ около милліона рублей!“

„На это указаніе Плеве отвѣтилъ: „Это ужъ не мое дѣло!“ И онъ конечно правъ: дѣло министра вн. дѣлъ бороться съ революціей, а не охранять городскую землю отъ расхищенія.“

„Смущенная столичная управа попыталась поторговаться съ Г. и предложить ему другой участокъ городской земли не столь ужъ дорогой. Но Г. естественно отказался: зачѣмъ ему брать меньше, когда онъ можетъ взять больше.“

„Тогда управа рѣшила обратиться къ самой царицѣ съ смиреннымъ представленіемъ, что просимый участокъ слишкомъ дорогъ и нуженъ самому городу, и что управа готова пожертвовать Г-у другой участокъ.“

„Но всѣ предложенія петербургской думы замѣнить выбранный ловкимъ аферистомъ участокъ городской земли какимъ-либо другимъ — были отклонены царицей!“

„Дума не рѣшилась болѣе сопротивляться и предподнесла Александрѣ Ѳедоровнѣ для ея массажиста участокъ земли размѣромъ 4200 кв. саж. и стоимостью въ 1 200 000 руб.“ [1])!

Мы остановились такъ подробно на этомъ инцидентѣ, чтобы показать, что уже въ первый годъ послѣ бракосчетанія съ Николаемъ II у его супруги не было и тѣни правового сознанія. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ вообще перестали говорить о ея либерализмѣ и просвѣщенности. Слишкомъ общеизвѣстными стали ея мистическія наклонности, хожденія по святымъ мѣстамъ, спиритическія сеансы, собесѣдованія съ разными юродивыми и т. д.[2]).

Если и нельзя отказать въ человѣческомъ сочуствіи этой женщинѣ, выстрадавшей столько и быть можетъ безъ вины виноватой, то не слѣдуетъ ея всетаки идеализировать, приписывать ей качества, которыми она никогда не обладала.

Александра Ѳедоровна была любящей матерью, преданной женой — это вѣрно. Но судьбы народа ее мало трогали. Какъ и ея супругъ и всѣ прочіе Романовы она разсматривала народное движеніе съ чисто помѣщичьей точки зрѣнія. По окончаніи аудіенціи данной Николаемъ земскимъ дѣятелямъ требовавшимъ конституціи молодая царица вос-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.
[2]) см. ук. лит. А. 25.

кликнула полная негодованія: „Они торгуются“ [1])! Да, ей самой не приходило торговаться, когда она въ первый годъ царствованія продѣлала описанную нами финансовую операцію.

* * *

Константинъ Константиновичъ.

Онъ предсѣдатель Академіи Наукъ. Пописываетъ стишки. Умнѣе и „культурнѣе“ многихъ своихъ родственниковъ. Можетъ, если хочетъ, быть мягкимъ и деликатнымъ, пріятнымъ въ обращеніи.

Все это создало ему славу „либерала“.

Но и въ немъ таится душа „Романовыхъ“, и онъ можетъ громкимъ бурбонскимъ окрикомъ привести въ себя размечтавшихся Маниловыхъ, напомнить имъ, что всѣ Романовы — защитники „унаслѣдованнаго отъ отцовъ государственнаго строя“.

Читатели помнятъ вѣроятно, какъ Максимъ Горькій, находившійся лишь подъ слѣдствіемъ по политическому дѣлу, былъ лишенъ званія почетнаго члена Академіи Наукъ, той самой Академіи, предсѣдателемъ которой состоялъ Константинъ.

Послѣ этого въ видѣ протеста добровольно отказались отъ званія почетнаго академика Чеховъ, Короленко и другіе.

[1]) см. ук. лит. А. 25.

Но еще ярче выступила личность Константина въ 1905 году.

Тогда какъ разъ наступилъ періодъ „весны“. Маниловы вѣрили въ добрую волю Николая, и въ безчисленныхъ петиціяхъ указывали на корень зла русской жизни, умоляя царя даровать конституцію.

Нѣкоторые петицій не подавали, а въ резолюціяхъ выражали свое мнѣніе о необходимости измѣненія государственнаго строя въ Россіи.

Вынесли въ январѣ 1905 г. такую резолюцію и 342 ученыхъ.

Среди этихъ 342 ученыхъ оказались и 16 дѣйствительныхъ членовъ Имп. Академіи Наукъ.

И этимъ 16-ти въ оффиціальномъ заявленіи вел. князь Константинъ дѣлаетъ формальный выговоръ.

Онъ заявляетъ, что неизбѣжно полное разложеніе высшихъ учебныхъ заведеній, если профессора „разсуждаютъ о свободѣ научнаго изслѣдованія, вмѣсто того, чтобы подавать учащимся примѣръ правильнаго теченія занятій“.

Онъ толкуетъ о „пониженіи нравственнаго уровня профессорской коллегіи, когда... этой коллегіи недостаточны частныя поправки существующаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразованіе“.

Онъ находитъ, „что неизбѣжна потеря уваженія и довѣрія къ учителямъ, когда эти толкуютъ объ

элементарныхъ гарантіяхъ законности и, подписывая записку, сами нарушаютъ эту элементарную законность".

И наконецъ онъ совѣтуетъ ученымъ, „не отвлекаясь разсужденіями о необходимости начала политической свободы, освободиться отъ содержанія, коимъ пользуются отъ презираемаго ими правительства" [1]).

Великій князь получилъ достойную отповѣдь за этотъ циркуляръ. Въ негодующихъ письмахъ ученые протестовали противъ того, что они на содержаніи у правительства. Содержитъ ихъ своими средствами русскій народъ, и поэтому они считаютъ себя обязанными служить не правительству, а народу во имя его блага, его свободы и истинной науки.

Съ тѣхъ поръ что-то перестали говорить о либерализмѣ Константина Константиновича.

* *
*

Молодежь.

Можетъ быть мы искали „либераловъ Зимняго Дворца" не тамъ гдѣ слѣдуетъ?

Можетъ быть лишь „старики" реакціонны, а

---

[1]) см. ук. лит. В. 17.

прогрессистовъ нужно было искать среди молодежи?

Вѣдь не даромъ молодежь болѣе пылкая, свѣжая, отзывчивая и легче воспринимаетъ новыя идеи!

Увы, молодежь въ домѣ Романовыхъ ничуть не отличается отъ „стариковъ“ по своему политическому міровозрѣнію и нравственному облику.

Мы видѣли, какъ жилъ Николай будучи цесаревичемъ. Точно также живетъ и вся молодежь изъ семьи Романовыхъ.

Даже въ самыя тяжелыя минуты, переживаемыя ихъ родиной, поведеніе этой молодежи не измѣняется.

Наоборотъ. Въ необычайномъ положеніи они видятъ новую и интересную обстановку подзадоривающую ихъ къ еще большему.

Характерныя въ этомъ отношеніи сцены передаетъ въ „Быломъ“ извѣстный публицистъ Купчинскій.

Онъ описываетъ пребываніе Бориса и Кирилла Владиміровичей на театрѣ военныхъ дѣйствій и рисуетъ такія яркія картины, которыя затмеваютъ все извѣстное пока о жизни велико-княжеской молодежи.

Такъ какъ Кириллъ и Борисъ являются типичными представителями этой молодежи, и извѣстно дружеское расположеніе къ нимъ Николая, то мы подольше остановимся на бытовыхъ картинкахъ, нарисованныхъ Купчинскимъ.

Вотъ отрывки изъ нихъ:

„Дебоши Кирилла и Бориса Владиміровичей въ петербургскихъ ресторанахъ стали наконецъ „въ глазахъ общества“ компромитировать августѣйшихъ повѣсъ.

— Надо отправить мальчиковъ провѣтриться —, говорилъ ихъ отецъ, Владиміръ Александровичъ.

И „мальчиковъ“ отправили“.

„Одного — старшаго Кирилла — въ Портъ-Артуръ, въ штабъ адмирала Алексѣева на „Петропавловскъ“, а другого — младшаго — къ Куропаткину въ Ляоянъ. Послѣдняго особенно нужно было на нѣкоторое время убрать изъ Петербурга, такъ какъ рядъ полученныхъ имъ пощечинъ отъ разныхъ лицъ, по разнымъ случаямъ его безчинствъ, заставили выйти его даже изъ Л.-Гв. Гусарскаго полка, въ которомъ онъ числился корнетомъ.“

„Снарядили „мальчикамъ“ особые поѣзда, которые по пути своего путешествія къ театру войны, конечно, тормозили и портили все движеніе военныхъ поѣздовъ; послѣдніе задерживались, запаздывали изъ-за великокняжескихъ поѣздовъ, тогда какъ имѣвшаяся въ нашемъ распоряженіи одна желѣзнодорожная колея, конечно, и безъ того, плохо и не во-время доставляла какъ самихъ людей, такъ и припасы.

„Мальчикамъ“ дали особыя свиты.

Эти „свиты“ состояли изъ молодыхъ собутыльниковъ и товарищей по кабакамъ или полкамъ великихъ князей; кромѣ того, везлась безчисленная прислуга, любовницы, лошади, экипажи, собаки, рояли, вина и пр.

Когда эти поѣзда проѣзжали мимо какой-нибудь станціи, тамъ стоялъ невообразимый переполохъ. Дѣлать надо было даже невозможное, только бы пропустить поѣздъ. Начальники станціи теряли голову. Поѣзда съ необходимыми припасами, спѣшившими въ Артуръ, ставились надолго на запасные пути, лишь бы пропустить очень спѣшившихъ на войну великихъ князей.

Поѣздъ Бориса остановили въ Ляоянѣ, поставили на одномъ изъ запасныхъ путей, а Борисъ, прикомандированный къ штабу Куропаткина, получилъ возможность начать свою „дѣятельность“ на театрѣ военныхъ дѣйствій.“

„Необычная обстановка жизни „на войнѣ“, а, въ сущности, въ тылу войны, очень забавляла много видовъ видавшаго уже на своемъ вѣку — молодого бездѣльника царской крови.

Пьянство, развратъ, карточная игра и дебоши, царившіе въ Ляоянѣ, поблѣднѣли передъ продѣлками Бориса.

Не имѣя ровно никакихъ дѣлъ, какъ всегда, — Борисъ сталъ забавляться.

Съ утра онъ выѣзжалъ со „свитой“, уже навеселѣ, по китайскимъ деревнямъ.

Безобразія, творившіяся тамъ, не поддаются никакому описанію. Для забавы Бориса насиловались и сѣклись китайскія дѣвушки и мальчики. Убѣждавшихъ прекратить распутство китайцевъ, вступавшихся за своихъ, — хватали и били, отрѣзывали косы, сѣкли и пр. Не разъ были высѣчены Борисомъ представители населеній, фудутуны и цян-зюны, пріѣзжавшіе просить опомниться и не обижать невинныхъ мирныхъ поселянъ. Часто цѣлыя китайскія депутаціи являлись къ Куропаткину съ жалобами на Бориса, но всѣ знали, что эти жалобы ничѣмъ не кончались. Говорили о томъ, что Куропаткинъ во всевозможныхъ формахъ дѣлалъ замѣчанія великому безобразнику, но тотъ мало этимъ смущался ...“

„Ночью изъ его вагоновъ раздавались женскіе крики, пѣсни и музыка, пьяные, перекликавшіеся голоса, визгъ и шумъ. Изъ маленькихъ оконъ пульмановскихъ вагоновъ рѣкой лился во тьму свѣтъ.

Солдаты шопотомъ передавали другъ другу, проходя:

— Здѣсь его высочество забавляться изволятъ.

Офицеры, прибывавшіе въ штабъ изъ дѣйствовавшихъ отрядовъ, проходили мимо великокняжескихъ потѣхъ запыленные, грязные, усталые, дрожащіе отъ негодованія и безсильнаго возмущенія.

Иногда Борисъ, нарядный, смѣющійся, надменный, окруженный друзьями-собутыльниками, стоя въ окнѣ своего „вагона-столовой“, острилъ громко по адресу проходившихъ по грязи офицеровъ и вся компанія — „свита“ — разражалась громкимъ, подобострастнымъ и злымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Все это видѣли солдаты, несшіе повсюду кругомъ и тутъ-же вблизи службу часовыхъ, разсыльныхъ, ординарцевъ, деньщиковъ и пр.“

„Такъ забавлялся на войнѣ великій князь Борисъ Владимировичъ, двоюродный братъ царя Николая, устроившаго эту войну по наущенію Плеве, для того, чтобы „побѣдить и раздавить въ корнѣ революцію“, какъ выражался Плеве.

Какъ извѣстно, послѣдствія-то были иныя[1])!“

* * *

„Прикомандированный къ „Петропавловску“, собственно, въ штабъ главнокомандующаго и намѣстника Алексѣева, Кириллъ обѣдая и ужиная въ офицерской столовой, частенько хвастался передъ своими товарищами-офицерами, разсказывая о себѣ и о братѣ, о похожденіяхъ петербургскихъ, о кутежахъ и проказахъ веселой, безшабашной жизни.

Молодые офицеры слушали съ замираніемъ

1) см. ук. лит. В. 2.

сердца хвастливые разсказы, завидовали и подобострастничали. Часто за общими обѣдами присутствовалъ адмиралъ Макаровъ; между послѣднимъ и Кирилломъ неоднократно происходили пререканія и недомолвки, вслѣдствіе которыхъ Кириллъ ходилъ часами надутый и недовольный.

— Тамъ вы — великій князь, а здѣсь вы — лейтенантъ флота, которымъ я командую, — сказалъ однажды Кириллу Макаровъ на общемъ обѣдѣ, когда тотъ позволилъ себѣ какую-то великокняжескую вольность.“

„. . . Когда въ роковое утро гибели „Петропавловска“ флотъ вышелъ въ море, какъ извѣстно, Кириллъ былъ на „Петропавловскѣ“. Борисъ былъ на одномъ изъ фортовъ и смотрѣлъ въ подзорную трубу; когда флагманское судно, страшнымъ взрывомъ подкинутое кверху, вдругъ какъ бы распалось на двѣ части и исчезло въ столбѣ воды, паровъ, огня и чернаго дыма, Борисъ закричалъ на форту, бросилъ трубу и побѣжалъ внизъ, не зная зачѣмъ. Его догнали съ лошадью и уговорили сѣсть.

— Въ Россію, въ Россію, все погибло! — кричалъ онъ своей свитѣ . . . и галопомъ спѣшилъ къ вокзалу черезъ городъ.“

„. . . Тревожная вѣсть о гибели Макарова и „Петропавловска“ бѣжала изъ устъ въ уста, волнуя и мучая. На вокзалѣ я засталъ много жандармовъ и солдатъ, не пускавшихъ публику къ поѣзду.

На платформѣ, крича и ругаясь, ходилъ молодой офицеръ-кавалеристъ, изысканно одѣтый, чисто вымытый, съ франтовски подкрученными маленькими усами, въ звенящихъ шпорахъ — это былъ Борисъ.

Заложивъ въ карманы обѣ руки, онъ громко ругался послѣдними словами по адресу желѣзнодорожной прислуги, топалъ ногами и кричалъ.

Чиновники и служащіе почтительно толпились въ сторонѣ, противоположной той, гдѣ, мирно бесѣдуя и куря, стояли борисовы товарищи-собутыльники, такіе же нарядные и примазанные, какъ онъ, офицеры.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! — неистовствовалъ Борисъ — я хочу ѣхать въ Россію, а вы не можете дать мнѣ поѣзда! Я требую сейчасъ же поѣзда! — далѣе слѣдовала неповторимая ругань.

— Ваше Высочество, — прикладывая дрожащія отъ испуга руки къ козырькамъ, лепетали въ отвѣтъ напуганные великокняжеской руганью служащіе, — мы ничего но можемъ сдѣлать; въ нашемъ распоряженіи нѣтъ свободнаго паровоза въ эту минуту, подождите хоть полъ-часа; поѣздъ будетъ снаряженъ.

Но Борисъ не унимался.

Онъ топалъ ногами, неистовствовалъ, ругался,

обзывалъ всѣхъ мошенниками, подлецами, измѣнниками, грозилъ, плевался, даже плакалъ и, заявилъ, что пойдетъ по полотну желѣзной дороги пѣшкомъ.

Его уговаривали, почтительно предлагая успокоиться и немного подождать; но онъ всетаки отправился.

Служащіе не могли удержаться отъ улыбки, видя, какъ онъ зашагалъ по полотну отъ станціи. „Свита“ въ недоумѣніи послѣдовала за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Наконецъ, на вокзалѣ было получено сообщеніе по телефону, что великій князь Кириллъ, котораго сперва сочли погибшимъ, живъ, вытащенъ изъ воды матросами и отправленъ въ коляскѣ на вокзалъ. Приказывалось немедленно приготовить поѣздъ, который долженъ будетъ перевозить потрясеннаго Кирилла въ Ляоянъ и въ Россію.

Погнались за Борисомъ и сообщили извѣстіе, прося вернуться и отбыть съ поѣздомъ брата.

Борисъ ничего не отвѣтилъ, круто повернувъ, пошелъ опять къ станціи.

Я стоялъ у входа, когда онъ вошелъ, ругаясь, въ телеграфную контору и сталъ при мнѣ составлять телеграмму самаго отчаяннаго содержанія.

Я писалъ телеграмму о гибели „Петропавловска“ (телеграмму, послѣ задержанную и не доставленную).

Ждали телеграммы Бориса и моей не принимали. Борисъ нервничалъ и чиркалъ.

Онъ писалъ царю приблизительно такъ:

„Россія погибла, Портъ-Артуръ погибаетъ, Петропавловскъ погибъ, Макаровъ погибъ, братъ погибъ, но спасли изъ воды, тяжело раненъ.“ И послѣ прибавилъ еще что-то относительно измѣнниковъ и поѣзда ...

Со „свитой“ своей онъ точно поссорился; какая-то сконфуженная и притихшая она стояла попрежнему въ сторонѣ.

Въ комнату вошелъ офицеръ и сказалъ, что привезли раненаго Его Высочество....

Борисъ сталъ стучать кулаками по столу.

— Ну, такъ поѣздъ, поѣздъ скорѣе, мерзавцы, а то я разнесу все тутъ и всѣхъ — ... и онъ вышелъ на платформу, вовсе не выразивъ никакой радости при видѣ спасеннаго брата, котораго несли на рукахъ матросы ...“

„Кириллъ былъ такъ напуганъ, что не могъ говорить. Его принесли прямо въ вагонъ и уложили въ постель; онъ стоналъ и плакалъ, конечно, отъ сильнаго моральнаго потрясенія, такъ какъ раненъ не былъ вовсе.

Его вытащили изъ воды матросы, рискуя жизнью, такъ какъ онъ кричалъ, очутившись въ водѣ:

— Я великій князь, великій князь, спасите меня, вамъ много заплотятъ!

Пришли къ поѣзду мокрые, обожженные, перевязанные матросы и робко спрашивали:

— Не знаете ли, ваше высо-родіе, гдѣ тутъ великій князь, — онъ обѣщалъ намъ заплатить за спасеніе; повидать бы хотѣлось, а то уѣдутъ, — забудутъ . . .“

„Поѣздъ медлилъ. Кириллъ все писалъ новыя и новыя телеграммы. Изъ оконъ вагоновъ раздавался споръ августѣйшихъ братьевъ, попавшихъ неожиданно въ такую скверную передрягу.

Во всѣ концы летѣли телеграммы Кирилла о томъ, что онъ сильно раненъ, что лежитъ безъ сознанія и проч.

Молва еще и ихъ преувеличивала и въ общемъ выходило то, что въ Ляоянѣ, Мукденѣ и дальнѣйшихъ пунктахъ къ поѣзду князей выходили чуть ли не тріумфальныя процессіи офицеровъ изъ штабовъ привѣтствовать „августѣйшаго героя“.

Говорились самыя низкопоклонныя рѣчи, выражалось изумленіе храбрости, мужеству, твердости духа великаго князя, спасеннаго на пользу Россіи милосердной десницей Всемогущаго . . .

Кириллъ и Борисъ слушали, стоя въ окнахъ, и принимали за должное тріумфъ, пышную лесть и пріятныя слова офицеровъ, благодарили, и ѣхали дальше.

Дорогой Кириллъ оправился совершенно и въ Петербургъ прибылъ веселымъ и здоровымъ."

„Борисъ вновь остался въ Ляоянѣ и съ прежнимъ пыломъ принялся за свои подвиги съ китайцами, за пьяные дебоши, кутежи и скандалы, наводя панический ужасъ на селенія мирныхъ китайцевъ однимъ своимъ именемъ . . ."

„Послѣ Борисъ, никогда не бывшій ни въ одномъ бою, былъ награжденъ своимъ царственнымъ кузеномъ и слѣдующимъ чиномъ и боевыми орденами . . .[1])."

---

[1]) см. ук. лит. Б. 2.

Причуды, капризы, фантазіи и прихоти.

Избравъ политическій путь „незабвеннаго родителя“, окруживъ себя палачами для того, чтобы не быть насильно съ него свергнутымъ, Николай иногда вдругъ создаетъ какія то нелѣпо-бизарныя идилліи „общенія съ народомъ“, „выслушиванія правды“ и тому подобныя сцены, странно контрастирующія съ кровавымъ фономъ его прочихъ подвиговъ, такъ что многіе объясняютъ ихъ какъ своего рода „капризы“ самодержца всероссійскаго.

И дѣйствительно значеніе ихъ не больше, чѣмъ значеніе любого каприза.

Ибо появляясь внезапно, неожиданно, — они также негаданно кончаются.

И вотъ, въ качествѣ одного изъ такихъ капризовъ, произошелъ любопытный эпизодъ:

„Царь далъ, съ помощью одного изъ великихъ князей, аудіенцію съ глазу на глазъ какому то скромному титулярному совѣтнику Клопову. Аудіенція имѣла совершенно частный, почти конспиративный характеръ — такъ сказать, маленькая шалость монарха внѣ обычнаго этикета и надзора. Что еще характернѣе, Клоповъ говорилъ какія то

туманныя, но пламенныя рѣчи противъ бюрократіи, за общеніе царя непосредственно съ жизнью, съ „землей“ ...

Правда, подъ всѣми этими громкими словами для самаго Клопова по существу не таилось ничего реальнаго, кромѣ его совершенно частнаго интереса — правда, интереса фанатическаго, переходящаго почти въ манію, къ ... положенію мукомольнаго дѣла. Когда-то ему было поручено изслѣдованіе этого дѣла въ какомъ-то районѣ; увлекшись этимъ дѣломъ, онъ потомъ осаждалъ всевозможными проэктами и докладными записками и земства, и министерства: отъ него отдѣлывались подачками; иногда, чтобы отвязаться, давали какія то обѣщанія; не видя исполненія ихъ, фанатикъ нуждъ мукомольной промышленности сдѣлался яростнымъ обличителемъ бюрократіи, которой онъ приписывалъ всѣ свои неудачи; и вотъ этотъ оригиналъ, заинтересовавшій одного изъ великихъ князей, предсталъ, въ качествѣ выходца изъ какого то другого, таинственнаго міра, передъ лицомъ царя, и, нагруженный какими то картограммами и статистическими таблицами, заполненными гіероглифами, не менѣе загадочными и таинственными для царя, чѣмъ и самъ Клоповъ, сталъ „глаголомъ жечь“ сердце монарха, говоря о его великомъ предназначеніи освободить Россію отъ бюрократіи, непосредственно узнать правду о Россіи, и прежде

всего о мукольномъ дѣлѣ, о его связи съ урожаями и неурожаями, съ положеніемъ земледѣлія, и т. д.

Многое въ этихъ рѣчахъ, конечно, осталось для Николая неяснымъ и загодочнымъ, но тѣмъ болѣе они ласкали его слухъ; недаромъ еще греки воздвигали алтари „невѣдомому богу“. Да и самъ Клоповъ, внѣ предѣловъ своего мукомольнаго дѣла, не представлялъ себѣ ничего конкретно о формахъ связи съ народомъ монарха, освобожденнаго отъ бюрократическаго плѣна.

И вотъ, Клоповъ получаетъ отъ самого государя особый открытый листъ за подписью коменданта дворца, съ порученіемъ „по высочайшему повелѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ пораженныхъ неурожаемъ“.

А еще немного спустя повсюду пошли и слухи о таинственной миссіи титулярнаго совѣтника, посланнаго царемъ, чтобы узнать „всю правду“; Клопова стали посѣщать и земцы, обличавшіе губернаторовъ, и чуткіе бюрократы, почуявшіе что-то необычайное, и такіе же неудачники-прожектеры, какъ Клоповъ, и просто всевозможные дѣльцы, хамелеоны и проходимцы якобы „потерпѣвшіе за правду“. Нѣкоторые исправники, по завѣреніямъ кн. Мещерскаго, телеграфировали губернаторамъ, что „въ уѣздѣ появился господинъ, требующій настоящую, а не губернаторскую правду“. Посыпались жалобы; несчастный Клоповъ, вынужден-

ный неожиданно для себя самого быть пародіей на маркиза Позу, все болѣе и болѣе походилъ на галопирующую, осѣдланную кавалерійскимъ сѣдломъ корову; надъ „титулярнымъ совѣтникомъ Правдинымъ“ зло издѣвались реакціонныя газеты, какъ надъ новоявленнымъ спасителемъ всей Россіи путемъ трехъ средствъ: „открытаго листа, подъемныхъ денегъ и фигуры, выражающей жажду къ правдѣ“; царская конспирація при помощи фанатика мукомольнаго дѣла, все болѣе выяснялась, какъ смѣшной фарсъ...

А царь, которому запрещенный плодъ былъ сладокъ, все продолжалъ ждать чего-то отъ секретныхъ аудіенцій, въ которыхъ титулярный совѣтникъ Поза ничего не могъ сообщить такого, что-бы не было извѣстно въ печати, и тщетно старался выдавить изъ себя какое нибудь „вѣщее слово“.

Но „слова“ не находилось; царю же въ концѣ концовъ становилось скучно. Ни тотъ, ни другой не могли сказать другъ другу, что имъ собственно нужно; одинъ, подобно сказочному королю, могъ бы сказать: „пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что“. Другой же могъ послоняться туда-сюда по бѣлу свѣту и принести... пустое мѣсто.

Черезъ нѣкоторое время, Клоповъ на этотъ разъ, повидимому, вполнѣ „понятый“ и „оцѣненный“ ловкими людьми изъ правящихъ сферъ, совершенно успокоился и преложилъ на милость

прежній гнѣвъ противъ бюрократіи, которую онъ раньше обличалъ, и потому заявлялъ направо и налѣво, что „Вячеславъ Константиновичъ Плеве одушевленъ самыми лучшими намѣреніями“.

Такъ успокоилась эта мятущаяся душа, такъ „узналъ всю правду“ Николай, такъ произошло единеніе царя съ землей и освобожденіе отъ бюрократическаго плѣна, такъ закончилась вся эта нелѣпая, пустая и смѣшная комедія между этими „игрушечнаго дѣла людишками“ . . .[1])

* * *

„Были у царя и другіе временные „маркизы Поза“, столь же нелѣпые, столь же достойные своего жалкаго и нелѣпаго повелителя. Въ качествѣ такого же царскаго каприза, извѣстный сверхъ-патріотъ, чудакъ и коллекціонеръ, князь Эсперъ Ухтомскій-Азіатскій, издавалъ съ помощью либерально и даже радикально мыслящихъ людей газету, пытавшуюся стать выше всѣхъ бюрократическихъ вліяній, слывшую одно время за личный органъ царя; князь Эсперъ призывалъ царя въ одно и то же время вывести всѣ злоупотребленія на Руси и объединить весь Китай и всю Азію подъ своей порфирой.

Потомъ явился самоучка-самородокъ метеоро-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

логъ Демчинскій изъ Новаго Времени, съ претензіями предсказывать и политическую погоду, много льстившій царю и много толковавшій о правдѣ и неправдѣ, великомъ призваніи царя облагодѣтельствовать Россію и т. п.; въ результатѣ и этотъ авантюристъ „получилъ“ кругленькую сумму на свою „метеорологію“.

И всѣ эти мѣнявшіеся вдохновители царя проходили пестрымъ калейдоскопомъ; метеорологія смѣнялась мукомольнымъ дѣломъ, мукомольное дѣло — проэктомъ основанія паназіатской монархіи; неизмѣнными оставались лишь рѣчи о великомъ предназначеніи царя, о его миссіи, о томъ, что только отъ него вся Россія ждетъ окончательнаго ея облагодѣтельствованія.

И, въ концѣ концовъ, царь, вѣроятно, и не почувствовалъ особенной разницы, когда на мѣсто титулярнаго совѣтника Правдина явился князь Мещерскій, тоже недовольный бюрократіей, тоже предлагающій царю черезъ его посредство „узнать всю правду“, познать свое предназначеніе, понять — помимо бюрократическихъ канцелярій — истинныя, живыя потребности страны... И вотъ произошло великое событіе, о которомъ повѣдалъ своимъ читателямъ въ „Гражданинѣ“ этотъ „Содомскій князь и гражданинъ Гоморры“: онъ „вышелъ изъ царскаго кабинета съ душою не только укрѣпленною, но и горѣвшею“; отнынѣ онъ всту-

пилъ въ непосредственное „общеніе съ духовнымъ міромъ царя“ . . .[1])

* * *

Всѣ эти „идилліи“, когда Николай, самъ окружившій себя палачами, корчилъ изъ себя жаждущаго правды, происходили по крайней мѣрѣ въ тиши кабинета.

На свѣтъ гласности выносила ихъ лишь нелегальная почать. Она же и повѣдала міру объ „abbé Philippe“, ловко дурачившемъ въ теченіе долгаго времени Николая.

Парикмахеръ изъ Марселя, спиритъ и шарлатанъ, онъ пріобрелъ симпатію вел. князя Николая Николаевича, который познакомился съ нимъ на какомъ-то спиритическомъ сеансѣ и привелъ его весною 1902 г. къ государю.

Филиппъ вызывалъ духъ Александра III и влагалъ ему въ уста все то, что было выгодно различнымъ аферистамъ, отъ которыхъ „спиритъ“ получалъ соотвѣтствующій гонораръ.

Изъ-за Филиппа попалъ въ немилость даже главный агентъ русской полиціи въ Парижѣ, Рачковскій.

По желанію вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны генералъ-адъютантъ Гессе поручилъ Рачковскому собрать во Франціи свѣдѣнія о Филиппѣ. Вѣрный рабъ въ точности исполнилъ

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

данное ему порученіе. При этомъ личность и прошлое Филиппа выяснились съ самой неблагопріятной стороны. Гессе передалъ донесеніе Рачковскаго собственноручно царю. Но этотъ такъ разсердился за неблагопріятный отзывъ о своемъ любимцѣ, что велѣлъ немедленно удалить Рачковскаго съ мѣста.

Въ концѣ концовъ и самъ Филиппъ впалъ въ немилость. Николай надѣялся, что его „внушенію“ удастся доставить ему давно желаннаго престолонаслѣдника.

Но царица разрѣшилась отъ бремени преждевременнымъ выкидышемъ, пошатнувъ довѣріе царя къ своему любимцу, и тѣмъ самымъ положила конецъ и этому „капризу“[1]).

* * *

Мы уже упомянули, что всѣ эти капризы происходили по крайней мѣрѣ въ тиши кабинета, за кулисами Зимняго Дворца.

Но вотъ царь, непремѣнно какими-то „сверхъестественными“ путями желающій добиться рожденія престолонаслѣдника, всенародно показываетъ свои причуды.

Правда и здѣсь „всенародно“ нужно понимать весьма относительно — вспомните приведенный нами въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ приказъ губернатора Унтербергера.

[1]) см. ук. лит. А. 13.

Мы говоримъ о „Саровскихъ дняхъ“.

Вотъ что говорятъ о нихъ очевидцы:

„Когда всѣ земныя средства, какъ ученыя, такъ и святыя, не могли пособить горю, царь рѣшился обратиться къ неземнымъ святымъ и покровителямъ русскаго народа передъ Богомъ. Когда главные святые не помогли, онъ обратился къ второстепеннымъ. Въ пустынномъ мѣстѣ, въ Саровѣ, открыли мощи какого-то второстепеннаго святого, Серафима. На самомъ дѣлѣ тамъ мощей никакихъ и не было, а нашли просто человѣческія кости. Но бюрократы православія, т. е. Побѣдоносцевъ съ компаніей, считали необходимымъ для даннаго момента найти новаго святого, для того чтобы отвлечь вниманіе народа отъ голода и внутреннихъ неурядицъ на вещи нематеріальныя и чтобы передъ народомъ пощеголять набожностью царя.

Для этого церковная бюрократія торжественно объявила найденныя кости мощами святого Серафима и устроила торжественное путешествіе царя въ Саровъ. Царская милость къ Святому Серафиму оказалась безграничной. Этотъ незначительный провинціальный чиновничекъ божеской бюрократіи былъ поставленъ рядомъ со старыми и почтенными святыми прежнихъ временъ, со Св. Георгіемъ и Св. Николаемъ. За это и Св. Серафимъ, имѣющій очевидно большое вліяніе

въ небесныхъ сферахъ, выхлопоталъ у Бога престолонаслѣдника“[1]).

Но не удалось устроить все такъ быстро и просто, какъ можно бы заключить изъ приведенной нами цитаты.

О трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть, интересныя подробности давала въ то время газета „Освобожденіе“.

Въ ней же мы и находимъ нравственную оцѣнку царскаго фарисейства.

„Особенность современной дѣйствительности заключается въ томъ, что происходящія событія принимаютъ какой-то комическій характеръ; при всей декоративности обстановки высшее правительство постоянно попадается впросакъ. Инцидентъ съ Филиппомъ, полный курьезности, сдѣлался посмѣшищемъ для всей Европы. Окультизмъ Филиппа не достигъ цѣли — потребовалась помощь и покровительство иного свойства. Были какія-то сонныя видѣнья старца и выборъ остановился на Серафимѣ. Такому предпочтенію даннаго святого не мало содѣйствовали происки братіи саровской пустыни, не пожѣлавшей денежныхъ средствъ для раздачи, кому слѣдуетъ, ради извлеченія обильныхъ благъ отъ открытія мощей въ ихъ обители. На бѣду оказалось при разрытіи могилы, что бренное тѣло старца Серафима подверглось тлѣнію. Там-

[1]) см. ук. лит. А. 13.

бовскій архіерей Дмитрій отказался признать за мощи остатки истлѣвшихъ костей.

Однако, рѣшительность губернатора фонъ-деръ-Лауница ничуть не поколебалась передъ такимъ препятствіемъ. Приказано, чтобы мощи были, и мощи будутъ. Не все ли равно фонъ-деръ-Лауницу, есть ли въ дѣйствительности мощи или ихъ нѣтъ: генералъ въ точности и не обязанъ знать, что такое мощи и какъ ихъ отличить; онъ знаетъ одно, что высшему начальству угодно, чтобы были открыты нетлѣнные останки старца.

Непокорнаго архіерея тотчасъ смѣстили и назначили Иннокентія съ особымъ предписаніемъ — исполнить въ точности приказаніе. И вотъ существованіе мощей оффиціально установлено, и тѣмъ вмѣстѣ обезпеченъ обильный доходъ для саровской пустыни.

Ожидается царскій пріѣздъ, возводятся постройки, устраивается встрѣча для высочайшихъ особъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ торжественно открывается поклоненіе мощамъ, существованіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно."

Въ той же газетѣ мы находимъ интересныя наблюденія очевидцевъ „Саровскихъ дней".

„За послѣдніе мѣсяцы тамбовская жизнь наполнена святымъ Серафимомъ. Ожидается царскій пріѣздъ, и губернское земство ассигновало три ты-

сячи на блюда для подношеній. Дворянство устраиваетъ для царя „чай“ въ шатрѣ и ассигновало на чай 15000 р. Говорятъ о столь же дорогихъ чаяхъ предполагаемыхъ дворянствомъ сосѣднихъ губерній — Пензенской и Нижегородской. Въ самомъ Саровѣ бросаютъ бѣшенныя деньги на устройство временныхъ помѣщеній для царской четы и свиты. На всемъ протяженіи Казанской дороги отъ Рязани до ближайшей къ Сарову станціи съ чрезвычайной быстротой мѣняются шпалы и укрѣпляются насыпи: извѣстно, что эта дорога, далекая отъ обычныхъ царскихъ путей, строилась съ необычнымъ даже въ желѣзно-дорожномъ мірѣ жульничествомъ и оборудована весьма плохо. Впрочемъ, скептики говорятъ, что затраты на ремонтъ Казанской дороги дѣлаются только для отвода глазъ; въ дѣйствительности будто-бы царь поѣдетъ по другому пути. Пока, однако, войска передвигаются въ районъ Казанской дороги. Если прибавить къ явнымъ расходамъ тайные расходы на охрану — стоимость царского богомолья опредѣлится солидными цифрами. Въ Саровѣ приготовленіями распоряжаются два товарища по пажескому корпусу — губернаторъ фонъ-деръ-Лауницъ и архимандритъ Серафимъ Чичаговъ. Большое вниманіе обращено на декоративную сторону. Къ области декораціи относится циркулярное распоряженіе о присылкѣ къ царскому пріѣзду депу-

тацій отъ различныхъ національностей губерніи — великороссовъ, мордвы, малороссовъ. Въ составъ депутацій должны входитъ также женщины изъ зажиточныхъ крестьянскихъ семей, обладающихъ красивыми мѣстными нарядами. Когда въ одномъ изъ уѣздовъ „назначили“ депутатами волостныхъ старшинъ, губернаторъ не утвердилъ выбора и въ бумагѣ, написанной тономъ выговора, сообщилъ, что въ составъ депутацій непремѣнно должны войти женщины въ красивыхъ костюмахъ, и это главное (sic!). Въ другихъ уѣздахъ къ дѣлу не отнеслись такъ халатно и не заслужили выговора: священники по приходамъ выбираютъ самыхъ красивыхъ молодыхъ бабъ, а выборъ священниковъ провѣряется земскими начальниками. Въ народѣ вспоминаютъ бабьи наряды „къ начальству“ крѣпостныхъ временъ и толкуютъ, что много грѣха будетъ съ открытіемъ мощей. Въ то время, какъ я пишу эти строки, получены газеты съ разъясненіемъ митрополита Антонія о томъ, что мощи Серафима состоятъ только изъ костей и бороды. Что при вскрытіи гроба оказались только кости, давно говорили среди городского духовенства, поясняя, что причина неожиданнаго перемѣщенія въ Казань только-что назначеннаго въ Тамбовъ архіерея Дмитрія заключается въ томъ, что онъ не соглашался, вопреки народному вѣрованію, признать мощами истлѣвшіе останки. На богословскія возраженія, что церков

ное понятіе о мощахъ иное, осторожный архіерей отвѣтилъ, что если откроется несоотвѣтствіе мощей ожиданіямъ простого народа — выйдетъ великій вредъ для церкви. По всей вѣроятности, опасенія архіерея окажутся вѣрными. Но, если для „простецовъ“ будетъ ударомъ, что мощи, открываемыя съ такой помпой, не мощи, то интеллигентные вѣрующіе священники возмущены другою стороною дѣла. „Мы не дѣти“, говорилъ одинъ изъ нихъ, „и хорошо понимаемъ, что мощи хотятъ открытъ во что бы то ни стало, чтобы подогрѣть остывающія чувства народа къ царю. Но зачѣмъ припутывать сюда церковь, зачѣмъ оскорблять наши искреннія вѣрованія?“ Впрочемъ, число такихъ искренно вѣрующихъ интеллигентныхъ священниковъ, пытающихся оживить свою вѣру примѣсью идей стараго славянофильства и новаго мистицизма, очень немного. Правительству удалось развратить духовенство больше, чѣмъ какое-либо другое сословіе[1]).“

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ:

„Какъ бы то ни было, въ самомъ Саровѣ, несмотря на рабочую пору, оказалась обычная въ такихъ случаяхъ масса богомольцевъ и богомолокъ, терпѣливо переносившихъ всякія лишенія, проживавшихъ послѣднія деньги и являвшихъ собою

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

самую благодарную среду для всяческихъ легендъ о чудесахъ. И чудеса совершались во множествѣ, чуть не на каждомъ мѣстѣ саровской земли, по 10, по 15 въ день. Обыкновенно для объясненія чудесныхъ исцѣленій привлекаются случаи внезапнаго прекращенія истерическаго паралича; можетъ быть, подобные случаи имѣли мѣсто и въ Саровѣ, но по наблюденіямъ очевидцевъ и по тому, что разсказываютъ они, надо думать, что большая часть саровскихъ чудесъ являлась или довольно грубой поддѣлкой или плодомъ непосредственнаго творчества стоустой фанатизированной толпы. Вотъ, напримѣръ, старуха-богомолка съ мальчикомъ, якобы только что получившимъ способность ходить послѣ многолѣтняго паралича ногъ. Старуху окружили, ее поятъ чаемъ и всячески угощаютъ; мальчикъ-полуидіотъ, повидимому, и никакъ не можетъ отвѣтить на разспросы, непосредственно къ нему обращенные, ходилъ ли онъ раньше. Но достаточно внимательнаго взгляда на его босыя ноги, чтобы замѣтить покрывающія ихъ мозоли. При первомъ вопросѣ на эту щекотливую тему старуха съ исцѣленнымъ быстро стушевываются. Вотъ глухонѣмой парень, окруженный толпою богомолокъ и людей въ городскихъ костюмахъ; онъ только что получилъ способность говорить, но когда съ нимъ пытаются заговорить интеллигентные люди, всѣ ихъ стараніе извлечь отъ исцѣленнаго хоть одинъ чело-

вѣческій звукъ напрасны. Богомолки съ явнымъ неудовольствіемъ пытаются объяснить, что не всякій достоинъ воочію убѣдиться въ чудѣ. Вотъ здоровенный учитель церковный школы, лицо — кровь съ молокомъ, грудь колесомъ, „украшенная“ медалями въ память Александра III и переписи; онъ собралъ вокругъ себя цѣлую толпу, разсказывая, что онъ страдалъ ревматическими болями и онѣ прошли послѣ купанья въ 4-хъ градусномъ источникѣ Серафима. Ему приходится вѣрить на слово, потому что никакихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни нѣтъ. Любопытно что въ изслѣдованныхъ очевидцами случаяхъ почти всегда вскрывалась связь исцѣленнаго съ церковными учрежденіями: или онъ учитель церковной школы, или сынъ церковнаго старосты или сторожа, или причетника. И чудеса тотчасъ же записывались жандармскимъ офицеромъ, спеціально приставленнымъ къ этому дѣлу, а въ дополненіе къ сухой оффиціальной регистраціи немедленно являлось тоже оффиціальное, но, вѣроятно, литературно прикрашенное описаніе корреспондента „Прав. Вѣстн.“, охотно сообщавшаго всѣмъ и каждому, что онъ отправляетъ свои корреспонденціи, представивъ ихъ предварительно на просмотръ владыкѣ-митрополиту. Но „сколько здѣсь благодати, сколько благодати“, повторялъ на ходу этотъ юркій господинъ, словно дѣло шло о ярмарочномъ товарѣ.

А между тѣмъ, настроеніе толпы дѣлалось все болѣе и болѣе подходящимъ для воспріятія всяческихъ чудесъ, психическая зараза все сильнѣе овладѣвала толпою и отдѣльными лицами. Въ купальнѣ у источника Серафима (замѣтимъ, кстати, что эта новая купель Силоамская дѣлится на дворянскую и народную половины) сидитъ блѣдный молодой человѣкъ, съ блаженнымъ выраженіемъ лица, очевидно, въ состояніи высокой степени экстаза. Вокругъ него толпа, всѣ толкуютъ о только что совершившемся чудѣ, толпа взвинчивается сама и еще болѣе взвинчиваетъ молодого человѣка. У него туберкулезъ костей, онъ сошелъ въ воду на костыляхъ, вышелъ безъ костылей. Толпа расходится, разнося вѣсть о чудѣ, когда же молодой человѣкъ одѣлся, онъ продолжаетъ ковылять безъ костылей, но такъ плохо подвигается съ мѣста, что ясно, что ни о какомъ исцѣленіи нѣтъ рѣчи; черезъ нѣсколько дней его опять видятъ на костыляхъ, но самый фактъ уже зарегистрированъ въ общихъ спискахъ жандармовъ и владыки Антонія и — что еще важнѣе — уже успѣлъ прибавить нѣкоторый плюсъ къ той суммѣ вліяній, которою создается атмосфера чудеснаго.

Такъ обстояло дѣло по отношенію къ простымъ богомольцамъ и обывателямъ. „Наверху“ въ это самое время происходило использованіе саровскихъ чудесъ въ цѣляхъ развлеченія самого самодержца

и направленія его чувствъ и мыслей въ духѣ желательномъ г. Плеве. Для созданія надлежащей обстановки ничего не позабыли. Депутація отъ дворянства, чуть не половина земскихъ начальниковъ, депутація отъ земства и городовъ, „живописныя“ группы пейзанъ и пейзанокъ въ старинныхъ костюмахъ и съ отборомъ красивыхъ лицъ, о которомъ Вамъ уже писали; эффектныя церковныя торжества, дворянскій чай, стоимостью въ 15000 рублей, „свободныя“ прогулки въ толпѣ богомольцевъ на фонѣ лѣсного пейсажа[1]).“

Если вспомнить при этомъ еще разъ приказъ Унтербергера — мы весьма рекомендуемъ читателю сопоставить его съ этими описаніями — то получится правильное представленіе обо всей этой православно-самодержавной фееріи, поставленной ревнителями вѣры и наводности гг. фонъ-Плеве, фонъ-деръ-Лауницемъ, Саблеромъ и другими истинно-русскими людьми, причемъ роль зрителя и актера, одновременно, игралъ Николай Романовъ-Готторпъ-Гольштинскій.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 14.

Друзья и сподвижники.

Во время пребыванія царя въ Курскѣ, на улицы, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, допускались лишь лица, получившія для этого желтый билетъ отъ полицеймейстера.

Разсказывая объ этомъ, мы добавили: „лишь людьми съ желтыми билетами окружаетъ себя царь, лишь людей съ желтыми билетами допускаетъ къ себѣ Николай II!“

Дѣйствительно: всѣ приближенные Николая — люди продавшіеся царю; продавшіе за чины, звѣзды, оклады — душу, совѣсть и честь.

И тотъ, кто хочетъ вполнѣ понять Николая, долженъ хорошо ознакомиться съ физіономіей его друзей и сподвижниковъ, господъ съ желтыми билелами. „Dis moi qui tu fréquentes et je te dirai qui tu ès!“

Самые характерные — это не Клоповы, Филиппы, Мещерскіе и прочіе временные любимцы. Ихъ роль длится недолго, ихъ вліяніе незначительно. Не имъ помогать царю въ его „государственныхъ дѣяніяхъ.“ Они лишь игрушки, служащія для царскаго

развлеченія, удовлетворяющія его капризамъ, фантазіямъ, причудамъ и прихотямъ.

Болѣе интересны намъ тѣ, которыхъ Николай облекаетъ полнотой власти, которыхъ онъ на продолжительное время ставитъ на высокіе посты. Тѣ, которыхъ онъ цѣнитъ, къ которымъ онъ относится серьезно, ибо видитъ въ нихъ не только слугъ, но и друзей и сподвижниковъ.

Ибо понявъ, за что цѣнитъ царь своихъ сановныхъ слугъ-друзей, мы поймемъ ясно, что представляетъ собой самъ Николай II.

Странное дѣло: присматриваясь къ длинной вереницѣ этихъ друзей-слугъ, мы замѣтимъ, что у всѣхъ нихъ руки забрызганы народною кровью. И уже менѣе страннымъ намъ покажется послѣ этого, что почти всѣ они падаютъ отъ рукъ революціонеровъ-террористовъ.

Нельзя винить Николая за „нравственный“ обликъ членовъ „Августѣйшей фамиліи“; вѣдь не выбиралъ же онъ въ самомъ дѣлѣ себѣ родственниковъ! И даже симпатію царя къ отдѣльнымъ изъ великокняжескихъ негодяевъ можно пожалуй объяснить родственной привязанностью.

Другое дѣло его друзья и сподвижники! Ихъ онъ сознательно выбиралъ, подбиралъ, оцѣнивалъ и приближалъ къ себѣ лишь тогда, когда считалъ ихъ достойными царскаго довѣрія.

И невольно призадумываешься надъ странными

вкусами и симпатіями Николая, когда присматриваешься къ длинной вереницѣ его друзей и сподвижниковъ, народною кровью запечатлѣвшихъ свои имена въ русской исторіи, и своею жизнью поплатившихся за это.

* * *

Первымъ былъ сраженъ пулей революціонера — министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Боголѣповъ находилъ изданіе временныхъ правилъ нецѣлесообразнымъ. Но считая ихъ съ нравственной стороны вполнѣ допустимыми, онъ согласился исполнить волю царя, и поплатился за это жизнью. Свыше двухсотъ студентовъ были отданы въ солдаты. И то, что можно было предвидѣть, произошло; начались столкновенія съ офицерами, самоубійства (Проскуряковъ, Логушенко и др.), военные суды и разстрѣлы студентовъ (Пиратовъ и Подгорѣцкій).

Революціонеръ Карповичъ, лишившій жизни Боголѣпова, разсказываетъ о покушеніи такимъ образомъ: „.... Въ среду я отправился на пріемъ министра съ твердымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе свой планъ. Передо мной стоялъ городской голова города Чернигова, ходатайствовавшій передъ министромъ объ открытіи въ Черниговѣ реальнаго училища. Я хорошо слышалъ отвѣтъ Боголѣпова: „вы должны представить мнѣ докладную

записку, въ которой необходимо указать, сколько богатыхъ помѣщиковъ живутъ около Чернигова, чтобы я видѣлъ, что реальное училище — потребность состоятельныхъ классовъ, а не той бѣдноты, которая заполняетъ всѣ учебныя заведенія, тогда какъ ей тамъ совсѣмъ не мѣсто.“ Эти слова рѣшили мой выстрѣлъ. Всякія колебанія у меня исчезли“ [1]).

Боголѣповъ былъ сраженъ пулей революціонера-одиночки. Но выстрѣлъ Карповича какъ будто послужилъ сигналомъ для возобновленія планомѣрной террористической борьбы, которую ведетъ и по сіе время русскій народъ въ лицѣ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Первый приговоръ этой партіи былъ приведенъ въ исполненіе ея Боевой Организаціей надъ мин. вн. дѣлъ Д. Сипягинымъ.

Сипягинъ былъ прозванъ „бояриномъ“ за свое крайнее пристрастіе къ древнимъ обычаямъ и традиціямъ и за ребяческія формы, въ которыхъ онъ проявлялъ эту черту. Беотіецъ по своему умственному складу, но пріятный собесѣдникъ, онъ былъ радушно принятъ въ свѣтскихъ салонахъ, гдѣ болтовня за чайнымъ столомъ высоко цѣнится[2]).

Но какъ только онъ переступалъ порогъ своего министерскаго кабинета, онъ мгновенно превращал-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

[2]) см. ук. лит. Б. 30.

ся изъ пріятнаго собесѣдника свѣтскаго салона въ свирѣпаго исполнителя царской воли, безжалостнаго и безпощаднаго.

— „Этихъ писателишекъ я отучу не только писать, но и думать!“ заявилъ онъ, подписывая постановленіе о высылкѣ изъ столицы цѣлаго ряда видныхъ представителей литературы и мысли.

Наканунѣ петербургской демонстраціи онъ даетъ приказаніе дѣйствовать безпощадно и при этомъ произноситъ слова: „Кровью залью весь Петербургъ, а уничтожу въ корнѣ всякіе протесты[1])!“

Именно эта свирѣпая непоколебимость при исполненіи царской воли снискала ему дружбу и расположеніе Николая, который даже неоднократно обѣдалъ и ужиналъ у своего любимца.

Такъ Николай и въ понедѣльникъ 1 апрѣля 1902 г. обѣщалъ Сипягину, что на слѣдующій четвергъ явится къ нему къ обѣду.

Тотчасъ же начались приготовленія какъ въ домашнемъ кругу, такъ и въ министерствѣ. Въ слѣдующее утро, — историческое утро 2-го апрѣля 1912 г., — министерскіе чиновники были разосланы за необыкновенной клубникой, превосходившей величиной ту, что можно было найти у Елисѣева

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

на Невскомъ. Цыгане должны были пѣть передъ царемъ. Въ Парижъ полетѣли телеграммы о присылкѣ получившихъ премію цыплятъ, заказаны были блины съ икрой „à la Russe“, изъ магазина Проспера въ Харьковѣ затребованы по телеграфу гастрономическія рѣдкости и не мало чиновныхъ лицъ министерства рыскало по столицѣ, отыскивая пикантные деликатесы[1]).

Въ это же самое время, посѣтители кофейни Филиппова, что на углу Троицкаго и Невскаго, могли видѣть молодого офицера въ блестящей адъютантской формѣ, сидѣвшаго за стаканомъ кофе. Потомъ офицеръ вышелъ, сѣлъ въ поджидавшую карету и велѣлъ кучеру ѣхать къ Государственному Совѣту. Швейцару Государственнаго Совѣта онъ заявляетъ, — что присланъ великимъ княземъ и спрашиваетъ, пріѣхалъ ли егермейстеръ Сипягинъ; узнавъ, что послѣдняго нѣтъ, офицеръ снова усаживается въ карету, отъѣзжаетъ немного, потомъ снова возвращается въ зданіе Совѣта, объявляя, что рѣшилъ обождать министра здѣсь. Онъ скидываетъ шинель, снимаетъ съ правой руки перчатку, поправляетъ аксельбанты, раскрываетъ портфель и начинаетъ разсматривать пакеты, въ то же время помѣщая въ удобное положеніе находящійся въ портфелѣ револьверъ. Проходятъ минута — двѣ. Ровно въ

[1]) см. ук. лит. Б. 30.

часъ подкатываетъ министерская карета; выбѣгаетъ швейцаръ и докладываетъ: „Къ Вашему Высоко-Превосходительству отъ Его Высочества.“ Сипягинъ входитъ въ подъѣздъ; офицеръ идетъ ему на встрѣчу и подаетъ большой запечатанный пакетъ. „Въ чемъ дѣло?“, недоумѣвая, спрашиваетъ министръ, вскрывая пакетъ. „Вотъ въ чемъ!“ — и одинъ за другимъ раздаются четыре выстрѣла. Смертельно раненый министръ падаетъ къ ногамъ соціалиста-революціонера Балмашева, переодѣтаго въ офицерскую форму. „Не бойтесь!“ пытается успокоить обезумѣвшую отъ страха прислугу исполнившій приговоръ. „Не бойтесь братцы! Помните, что такъ поступаютъ только съ врагами народа[1]).“

Два дня спустя, въ тотъ же самый день, когда царь долженъ былъ присутствовать на торжественномъ обѣдѣ у своего любимца, тѣло Сипягина было отнесено въ мѣсто послѣдняго успокоенія.

Изъ воспоминаній соціалиста-революціонера Гершуни мы знаемъ, что въ то же время, когда Балмашевъ въ Государственномъ Совѣтѣ приводилъ въ исполненіе приговоръ надъ Сипягинымъ, другой революціонеръ, также въ адъютантской формѣ, долженъ былъ проникнуть въ Св. Синодъ, чтобы застрѣлить Побѣдоносцева. Но благодаря

[1]) см. ук. лит. В. 17.

случайности планъ не удалось привести въ исполненіе[1]).

Уже разъ было произведено покушеніе на Побѣдонесцева семинаристомъ Лаговскимъ. Но покушеніе было неудачное — Побѣдоносцевъ уцѣлѣлъ.

Въ немъ Нилолай имѣлъ одного изъ самыхъ энергичныхъ и образованныхъ „сподвижниковъ“. Онъ умѣлъ набрасывать пышные покровы научныхъ теорій на голое властолюбіе царя. Благодаря его искусной діалектикѣ борьба за власть, которую велъ Николай, интерпретировалась, какъ борьба за принципъ. Вмѣсто „когда захочу, тогда отмѣню“, выдвигалось самодержавіе какъ мистическое начало освященное самимъ Богомъ. „Хладнокровный фанатикъ типа Торквемады, Побѣдоносцевъ былъ поборникомъ восточнаго деспотизма въ его крайней стадіи, но вооруженнаго желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами и ружьями, и освященнаго канонизаціями, ладономъ и святымъ масломъ; его идеалъ: подвиги Іоанна Грознаго, совершаемыя съ благословенія св. Серафима[2])."

Достойнымъ соратникомъ Побѣдоносцева въ борьбѣ за незыблемость самодержавія, былъ Вя-

[1]) см. ук. лит. А. 7.
[2]) см. ук. лит. Б. 30.

чеславъ Константиновичъ фонъ Плеве, назначенный Николаемъ на постъ убитаго Сипягина.

Курляндецъ по происхожденію, онъ въ молодости изъ лютеранства переходитъ въ католичество, чтобы создать, сдѣлавшись пріемнымъ сыномъ вліятельнаго помѣщика въ Польшѣ, себѣ тамъ карьеру. Но недолго спустя онъ является къ Муравьеву съ доносомъ на своего собственнаго пріемнаго отца. Въ результатѣ — послѣдняго ведутъ на висѣлицу[1]).

Это — начало его карьеры. Переходомъ въ православіе онъ упрочиваетъ свое положеніе. Юристъ по образованію, онъ, „по влеченію сердца“, быстро мѣняетъ служеніе юстиціи на полицейскую карьеру. Особенно выдвигается онъ во время дознанія о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Александръ II его вполнѣ оцѣниваетъ и даетъ возможность развернуться его „талантамъ“ во всю. Двадцать лѣтъ спустя его снова „оцѣниваетъ“ Николай II „и одинъ изъ старой гвардіи царскихъ опричниковъ 80-хъ годовъ, посѣдѣвшій въ борьбѣ съ желѣзными натурами Народной Воли“, снова призывается на одинъ изъ высшихъ постовъ имперіи, чтобы подавить гидру революціи.

„Не разговаривать теперь время, а дѣйствовать“, заявляетъ онъ, занимая мѣсто погибшаго

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

Сипягина. Въ какомъ же направленіи онъ собираестя „дѣйствовать“, онъ объясняетъ другой разъ: „Я сторонникъ крѣпкой власти во что бы то ни стало. Меня ославятъ врагомъ народа, но пусть будетъ то, что будетъ.“ — „Какъ только дѣло касается самодержавія — я перестаю быть министромъ внутреннихъ дѣлъ и становлюсь просто шефомъ жандармовъ.“ Увѣренный въ своей способности вести „политику дѣйствія“, онъ во всеуслышаніе заявляетъ французскому газетному корреспонденту, что въ два мѣсяца раздавитъ русскую революцію. Шереметьевъ и Фредериксъ спрашиваютъ его какъ-то, что онъ будетъ дѣлать, если въ Петербургѣ произойдетъ демонстрація. „Высѣку“ — кратко заявляетъ Плеве. Собесѣдники усумнились и что то промямлили о засѣченныхъ Оболенскимъ крестьянахъ. „Губернаторы иногда увлекались“ — хладнокровно отвѣчаетъ Плеве: „но я же вамъ говорю: не засѣку, а только высѣку — „ха—ха—ха, а курсистокъ?“ — „Съ тѣхъ и начну“, цинически смакуетъ старый звѣздоносецъ[1]).

Оболенскій, упомянутый выше, пользовался особой симпатіей Плеве, и вмѣстѣ съ этимъ особымъ довѣріемъ царя.

Въ Полтавѣ и Харьковѣ два губернатора, Бельгардъ и Оболенскій, сѣкли крестьянъ; и тотъ

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

и другой уже сѣкли не поодиночкѣ, не раздробительно, а оптомъ, поуѣздно; но одинъ изъ нихъ, Бельгардъ, при этомъ не срѣляетъ и поретъ слишкомъ ординарно, безъ сладострастія, не то, что Оболенскій, который оставлялъ оголенныхъ крестьянъ лежать и ожидать, пока его сіятельство не выкушаютъ чаю. И вотъ Бельгарда смѣщаютъ за бездѣятельность, а Оболенскому Плеве передаетъ отъ имени царя орденъ и поцѣлуй[1]).

Орденъ и поцѣлуй отъ имени царя Плеве повидимому собирался передать и Уфимскому губернатору Богдановичу. Было за что! Богдановичъ велѣлъ стрѣлять въ мирную демонстрацію, при чемъ были убиты десятку, ранены сотни — среди нихъ неучаствовавшіе въ демонстраціи зрители, женщины и дѣти. Но Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ предупредила фонъ-Плеве: ея Боевая Организація разстрѣляла Богдановича.

Менѣе удачно, было другое ея покушеніе: объектъ его, Оболенскій, остался въ живыхъ.

Продолжалъ дѣйствовать и Плеве. Порки, избіенія, разстрѣлы, висѣлицы, погромы, все это пускалось въ ходъ, чтобы подавить революцію. И все напрасно. Не отвлекла отъ революціи и война съ Японіей, началу которой всѣми силами

[1]) см. ук. лит. Б. 6.

содѣйствовалъ кромѣ другихъ и фонъ-Плеве Жутко становилось тогда наслѣднику Сипягина. 800 000 рублей въ годъ сталъ онъ тратить на свою личную охрану. И всетаки 15-го іюля 1904 г. въ 10 часовъ утра былъ разорванъ на клочки бомбой, брошенной соціалистомъ-революціонеромъ Егоромъ Сазоновымъ.

* * *

На мѣсто Плеве былъ назначенъ Святополкъ-Мирскій.

Многіе считали его почему-то „прогрессистомъ“. Они забывали вѣроятно, что это бывшій шефъ жандармовъ, ставшій „либераломъ“ по приказу Николая, испугавшагося не на шутку растущей удачи революціонеровъ. Его либерализмъ былъ такъ же мало искренен какъ и „курсъ влѣво“ его Высочайшаго патрона. И вполнѣ сознательно, по собственному желанію и согласно царской волѣ, „либералъ“ Святополкъ-Мирскій не предупредилъ избіенія демонстрантовъ въ Москвѣ, жестокаго избіенія, повлекшаго за собой убійство Сергѣя Александровича.

Точно также не былъ и „либераломъ“ Сергѣй Юльевичъ Витте, ловкій аферистъ и дѣлецъ умѣвшій временно играть довольно крупную роль. Въ обществѣ его считали „либераломъ“ и это заставляло Николая временно, когда онъ симулиро-

валъ уступки, облачать Витте крупной властью, несмотря на то, что онъ питалъ къ нему сильную личную антипатію. Правда, царь прекрасно понималъ, что никакой „преданности прогрессу“ у Витте въ дѣйствительности нѣтъ. Но уже одно то, что Витте считался прогрессистомъ, дѣлало его несимпатичнымъ царю. И какъ только Николай къ концу 1905 г. сорвалъ маску лицемѣрія и началъ открыто бороться съ народомъ, то карьера Витте внезапно окончилась. Теперь онъ засѣдаетъ въ „злачномъ мѣстѣ идѣже государственные раки зимуютъ“[1]), т. е. въ Государственномъ Совѣтѣ, и примкнулъ тамъ недавно къ правымъ членамъ Совѣта.

Еще до ухода Витте особымъ расположеніемъ царя сталъ пользоваться генералъ Треповъ. По назначенію самого государя онъ сдѣлался товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ нити организаціи погромовъ. Свои явные приказы „не жалѣть патроновъ“, онъ пополнялъ тайными распоряженіями объ устройствѣ погромовъ. Съ особеннымъ рвеніемъ онъ отдался этому дѣлу, вступивъ въ должность дворцоваго коменданта. Благодаря разоблаченіямъ Лопухина стало извѣстно, что „генералъ Треповъ будучи назначенъ дворцовымъ комендантомъ, настоялъ на томъ, чтобы въ его распоряженіе были

[1]) Заимствуемъ это остроумное опредѣленіе у Рубакина.

отпущены особыя суммы на агентурные расходы. Такимъ образомъ Треповъ добылъ столь большія средства, какими можетъ быть снабженъ только министръ.... Треповъ продолжалъ получать изъ департамента полиціи, помимо министра вн. дѣлъ и безъ его вѣдома, всякія важныя бумаги, — даже такія, до которыхъ не должно быть дѣла дворцовому коменданту[1]).“

Одновременно съ Треповымъ еще безчисленное количество другихъ похожихъ на него по взглядамъ „дѣятелей“ пользуются особымъ расположеніемъ Николая. И у нихъ всѣхъ руки забрызганы кровью. Но въ ихъ общественной физіономіи рядомъ съ мрачно-кроваво-трагическими чертами выступаютъ и бизарно-комическія.

Вотъ министръ вн. дѣлъ Дурново, идущій по стопамъ Плеве, въ полномъ смыслѣ этого слова, и — проворовавшійся на казенномъ овсѣ.

Вотъ товарищъ министра камергеръ Гурко, любимецъ царя, обкрадывающій голодающихъ крестьянъ, и запутавшійся въ аферахъ съ фабрикантомъ ватерклозетовъ и содержателемъ веселыхъ домовъ, Лидвалемъ. При появленіи въ Думѣ его встрѣчаютъ громкими возгласами „вонъ“; судъ его отрѣшаетъ отъ должности за растрату денегъ предназначенныхъ въ помощь голодающимъ; но

[1]) см. ук. лит. А. 12.

проходитъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и — царь его милуетъ[1]).

Вотъ Александровскій, который разворовалъ деньги Краснаго Креста во время войны. По личному желанію царя его кража покрывается и онъ назначается губернаторомъ въ Пензу. Здѣсь онъ избиваетъ крестьянъ и падаетъ отъ пули соціалиста-революціонера[2]).

Вотъ, наконецъ, бывшій военный министръ Сахаровъ. Онъ тоже любимецъ царя; тоже проворовался; тоже истязалъ крестьянъ, такъ какъ былъ посланъ самимъ царемъ съ особыми полномочіями для усмиренія Саратовскихъ крестьянъ; и наконецъ тоже былъ убитъ соціалистами-революціонерами[3]).

Вотъ наконецъ градоначальникъ Московскій Рейнботъ. Онъ тоже воруетъ, тоже истязаетъ, вѣшаетъ, и тоже подвергается покушенію соціалистовъ-революціонеровъ. Но ему удается остаться въ живыхъ. Столыпинъ ему телеграфируетъ: „Сердечно поздравляю; да храни васъ Господь. Царю и Россіи нужны такіе безстрашные и вѣрные долгу слуги.“ Три года спустя ревизія сенатора Гарина выясняетъ, что „вѣрный долгу слуга“, вѣшавшій безработныхъ за кражу пары копеекъ,

[1]) см. ук. лит. A. 12.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

разстрѣливавшій собственноручно арестованныхъ революціонеровъ, участвовалъ въ прибыляхъ экспропріацій хулигановъ-грабителей, которые оставались по его приказанію „неразысканными“. „Такіе слуги нужны царю“ пишетъ г. Столыпинъ. Что-же! Ему лучше знать! Но напрасно г. Столыпинъ приплетаетъ сюда Россію — относительно ея онъ врядъ ли компетентенъ[1]).

Николай II въ этомъ отношеніи искреннѣе. Онъ въ своихъ поздравительныхъ телеграммахъ Россіи не упоминаетъ, а ясно и просто заявляетъ, что такіе слуги нужны царю.

23-го апрѣля 1906 г. московскій генералъ-губернаторъ адмиралъ Дубасовъ былъ тяжело раненъ бомбой, но остался въ живыхъ. И немедленно царь ему посылаетъ телеграмму: „Благодарю Бога, сохранившаго вамъ жизнь, столь нужную мнѣ . . . .[2])“

Намъ не зачѣмъ напоминать какъ Дубасовъ въ теченіе 10 дней изъ пушекъ обстрѣливалъ первопрестольную столицу. Слишкомъ свѣжи въ памяти его подвиги, благодаря которымъ „столь нужна царю его жизнь“.

Не менѣе яркими кровавыми буквами запечатлѣлъ свое имя въ скрижаляхъ русской исторіи полковникъ Минъ, произведенный царемъ за свою

---

[1]) см. ук. лит. Б. 10.

[2]) Ibidem.

„карательную“ дѣятельность въ генералы. „Арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно“ приказалъ онъ своему отряду и обрекъ на разстрѣлъ безъ суда и слѣдствія болѣе полутораста человѣкъ[1]).“

И дѣйствовалъ онъ такъ не сгоряча, не въ афектѣ. Уже заранѣе, въ мирное время, Минъ занимался „воспитаніемъ“, т. е. развращеніемъ солдатъ, благодаря которому „Семеновцы“ стали оплотомъ царскаго трона.

Николай оцѣнилъ Мина. При жизни чины и почести сыпались на него какъ изъ рога изобилія. А когда онъ палъ сраженный пулей соціалистки-революціонерки Зинаиды Конопляниковой, то царь отомстилъ за своего любимца, приказавъ военному суду вынести смертный приговоръ.

Александръ III повѣсилъ Перовскую за убійство его отца, Николай II Конопляникову за Мина.

Жизнь Мина была ему не менѣе дорога чѣмъ жизнь роднаго отца.

* * *

Самые чувствительные удары послѣ убійства Мина были нанесены Николаю II въ декабрѣ 1906 года.

---

[1]) см. ук. лит. А. 5.

Вотъ что говоритъ объ этомъ извѣщеніе Центральнаго Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ:

I.

„9-го декабря Лет. Боевымъ Отрядомъ Центр. Обл. П. С.-Р. приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ признаннымъ главою „звѣздной палаты“, вдохновителемъ тайныхъ черносотенныхъ организацій, кандидатомъ реакціонной партіи въ „диктаторы“, бывшимъ иркутскимъ и кіевскимъ ген. губерн. гр. А. П. Игнатьевымъ. Приговоръ исполненъ членомъ Л. Б. О. Серг. Ник. Ильинскимъ.

II.

„15-го декабря въ г. Омскѣ мѣстнымъ боевымъ отрядомъ Партіи приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ ген. Литвиновымъ, который, въ качествѣ временнаго ген.-губернатора Ставропольской губ., предводительствовалъ карательной экспедиціей, разстрѣливавшей изъ пушекъ, сжигавшей и терроризировавшей цѣлый рядъ селъ и деревень.“

III.

„21-го декабря Центральнымъ Боевымъ Отрядомъ П. С.-Р. приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ петербургскимъ градоначальникомъ фонъ-

деръ-Лауницемъ, главою всѣхъ полицейскихъ силъ столицы и авторомъ всѣхъ репрессивныхъ мѣръ въ послѣдней, приговореннымъ къ смерти еще въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ, гдѣ подъ его руководствомъ совершали свои насилія уже убитые ранѣе по приговорамъ партійныхъ организацій Богдановичъ, Луженовскій, Абрамовъ и Ждановъ."

IV.

„27-го декабря Лет. Боев. Отрядомъ Сѣверной Обл. П. С.-Р. приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ главнымъ военнымъ прокуроромъ Павловымъ, извѣстнымъ всей Россіи по его дѣятельности въ качествѣ главы современной военно-полевой юстиціи."

Близость Игнатьева къ царю общеизвѣстна. Симпатіей и расположеніемъ Николая пользовался также и фонъ-деръ-Лауницъ, съ которымъ царь особенно сблизился во время Саровскихъ торжествъ[1]). Во время усмиреній фонъ-деръ-Лауницъ приказывалъ „не стѣсняться дѣйствіемъ огнестрѣльнаго оружія" и спаивалъ солдатъ, такъ что они приходили въ состояніе озвѣренія; это еще болѣе ускорило его служебную карьеру[2])!

[1]) см. ук. лит. Б. 14.
[2]) см. ук. лит. Б. 23.

Литвиновъ, во время своихъ карательныхъ оргій неоднократно хвастался своей близостью къ Николаю. „Я“, говорилъ онъ крестьянамъ „отъ самого царя посланъ васъ, сукиныхъ дѣтей, усмирять . . .“ И самъ царь, недолго спустя, назначилъ его губернаторомъ Акмолинской области[1]).

Имя Павлова извѣстно всякому русскому гражданину.

Но извѣстно ли также всѣмъ, что царь начерталъ собственноручно на раппортѣ военнаго министра о смерти Павлова: „Трудно замѣнимая потеря честнаго и стойкаго человѣка[2])?!“

* * *

„Николай II подобно Ивану Грозному окружилъ себя опричниками. Мины московскіе, Орловы прибалтійскіе, Треповы-погромщики окружаютъ его престолъ. Руки каждаго изъ нихъ обагрены народной кровью.“

Этими словами, членъ боевого летучаго отряда Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, Зинаида Конопляникова, охарактеризовала на засѣданіи военнаго суда царскихъ друзей и сподвижниковъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 16.

[2]) Ibidem.

И грознымъ предостереженіемъ прозвучала ея рѣчъ, когда она добавила: „Убивая одного изъ опричниковъ Николая Романова, я этимъ хочу напомнить послѣднему, что какъ падаютъ подпорки престола, такъ можетъ пасть и самый престолъ[1]).“

[1]) см. ук. лит. А. 10.

Царь и женщины.

„Командированная кавказскимъ намѣстникомъ слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ Г. Д. Вейденбаума, объѣхала пострадавшія армянскія селенія, свыше пятнадцати. Удостовѣрены факты грабежа и насилій: изнасилована родильница. Г. Вейденбаумъ лично посѣтилъ эту несчастную женщину. Въ Гюнэ и въ Чертазѣ констатированы многочисленные факты физическаго насилія, грабежи и поджоги. Въ Сусѣ обнаруженъ большой грабежъ и фактъ поголовнаго избіенія крестьянъ, изнасилованія одинадцати женщинъ и растлѣнія параличемъ разбитой двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которую изверги вырвали изъ объятій старика-дѣда. Разслѣдованіе фактовъ произвело на комиссію невыносимо тяжелое впечатлѣніе. Сообщенія епископа Ашота объ ужасахъ не только подтверждаются, но блѣднѣютъ предъ дѣйствительностью. Нѣтъ селенія, гдѣ бы не были сожжены дома со всѣмъ имуществомъ. Въ Тугѣ сожженъ двухъэтажный домъ Муселяенца, съ хлѣбнымъ амбаромъ и складомъ мануфактурныхъ товаровъ. Вездѣ

казакамъ давалась полная свобода. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣсколько дней грабили, избивали истязали, изнасиловали женщинъ и дѣвицъ, вырывая ихъ подъ часъ изъ рукъ отцовъ, братьевъ и мужей, ловя ихъ въ горахъ, въ садахъ и въ лѣсахъ. Рѣдко кто избавился отъ побоевъ, истязаній, ограбленія, а изъ женщинъ спаслась отъ позора лишь часть убѣжавшихъ или скрывшихся въ секретныхъ мѣстахъ домовъ. Въ селеніи Сосъ умеръ отъ побоевъ Аванесъ Айрапетянцъ. Товарищу прокурора было заявлено объ этомъ, но слѣдствія и вскрытія произведено не было до сихъ поръ. Мать Аванеса, семидесятилѣтняя старуха, изнасилована пятью казаками. Въ селеніи Азохѣ казаки требовали отъ Хосрова Карапетянца отдать жену. Получивъ отказъ, они повалили ее и изнасиловали. Одна азохская женщина изнасилована на глазахъ дѣтей, затѣмъ ее заставили цѣловать половые органы. Уничтожено казаками многое, чего не могли они взять. Награбленныя же вещи, навьючивъ ими лошадей, они отвезли въ переселенческое селеніе Скобелевку, частью же продавали дорогой. Пострадали преимущественно тѣ селенія, которыя подвергались раньше нападенію татаръ. Въ селеніи Чертазѣ саблей казака раненъ священникъ, у другого священника ограбленъ сосудъ со Св. Тайнами. Есть

при смерти избитые, неизлѣчимые, изувѣченные, преждевременные роды, выкидыши, случаи смерти новорожденныхъ. Въ горахъ многія женщины сдѣлались истеричными. Паника настолько сильна, что, когда комиссія подъѣзжала къ селеніямъ, женщины, несмотря на предупрежденія быть спокойными, бѣжали въ горы и въ сады. Названныя селенія окончательно разорены и опустошены на глазахъ мѣстныхъ военныхъ и административныхъ властей. Отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Веверна, офицеровъ Бирюлькина, Гаджіева, въ сопровожденіи уѣзднаго начальника Фрейлиха, мирового посредника Ермолаева, пристава Фота. Ермолаевъ, по свидѣтельству многихъ, поощрялъ казаковъ, а нѣкоторые дома самъ обливалъ керосиномъ и поджигалъ [1]).“

Когда Оболенскій, сѣкъ и истязалъ крестьянъ въ харьковской губерніи, „генералъ, начальствовавшій экзекуціоннымъ отрядомъ, по окончаніи сѣкуціи, безцеремонно говорилъ выпоротымъ мужикамъ: „Теперь вы больше намъ не нужны, ступайте хохлы въ степь, а казаки позабавятся съ вашими бабами.“ И хохлы подъ берданками шли въ степь, а деревня наполнялась воплемъ преслѣдуемыхъ бабъ. . . . Мнѣ (т. е. Амфитеатрову, изъ „Краснаго Знамени“ котораго

[1]) см. ук. лит. Б. 6 и А. 9.

мы заимствуемъ эту цитату) разсказывали очевидцы, что несчастныхъ позорили всенародно, въ солдатскомъ кругу, а вельможное начальство, укрывшись для приличія въ избу получше и почище, смотрѣло изъ оконъ, попивая шампанское, хохотало и отпускало каламбуры. . . .[1])."

„Въ Грузіи въ женскихъ монастыряхъ, монахини подвергались повальному насилованію, безъ уваженія къ возрасту. Съѣздъ грузинскихъ учительницъ, затворясь въ школѣ, отказался сдаться подъ арестъ русскому генералу. Тогда тотъ „подарилъ" несчастныхъ своимъ казакамъ. Тѣ ворвались въ школу и обезчестили всѣхъ женщинъ поголовно. . . . . Слишкомъ энергично сопротивлявшихся душили руками на смерть какъ котятъ, кололи кинжалами. . . .[2])."

О томъ, чтобы кто-либо изъ слишкомъ ретивыхъ царевыхъ слугъ за совершенное насиліе былъ подвергнутъ какой-либо отвѣтственности, что-то не слышно. Даже, наоборотъ. Князю Оболенскому, герою вакханалій и истязаній въ Харьковской губерніи, по окончаніи его карательныхъ оргій, фонъ Плеве передалъ на торжественномъ обѣдѣ отъ имени царя орденъ и поцѣлуй.

Ни одинъ періодъ русской или даже всемірной исторіи не знаетъ подобныхъ звѣрствъ. Не

[1]) см. ук. лит. Б. 6.
[2]) Ibidem.

враги царя, а женщины, даже не сознавшія еще необходимости борьбы съ нимъ, дѣлались жертвами такого необузданнаго насилія: крестьянки-жены недоимщиковъ, учительницы, собравшіяся потолковать о своихъ профессіональныхъ нуждахъ, монахини, удаляющіяся въ келью для тихой молитвы.

Нужно ли послѣ этого распространяться о томъ, какъ расправлялись Николай II и его опричники съ тѣми женщинами, которыя дерзнули поднять руку на „унаслѣдованный государственный строй“ и не дождавшись побѣды попали въ руки своего врага?

Заговоры царя.

Яркій, солнечный день. 27-го апрѣля 1906 года. Звонятъ колокола, гремятъ пушки. Улицы ведущія къ Зимнему Дворцу оцѣплены войсками. Но отъ времени до времени они пропускаютъ „гостей“ ѣдущихъ на „торжество“. Предстоитъ Высочайшій пріемъ членовъ первой русской Государственной Думы — первая встрѣча лицомъ къ лицу монарха съ избранниками народа.

На кровныхъ рысакахъ катятъ „гости“: дипломаты въ иностранныхъ нарядахъ, русскіе звѣздоносцы въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, военные и гражданскіе чины, придворные, камергеры, фрейлины....

Но вотъ появляются и „участники“ торжества. Кто на лихачѣ, кто на простомъ „Ванькѣ“, а кто и пѣшечкомъ. И избранные не земскимъ начальникомъ, не привилегированными классами, а самимъ народомъ — почти всѣ пѣшечкомъ. Они не въ пышныхъ мундирахъ или ловко сшитыхъ фракахъ: кто въ зипунѣ, кто въ кафтанѣ, кто въ пиджакѣ надъ цвѣтной рубахой.

Говорятъ, что Николай по окончаніи пріема,

резюмировалъ свое впечатлѣніе словами: „Ah, qu'ils puent, ces députés!“ („Ахъ, какъ воняютъ эти депутаты!)“

Si non è vero, è ben trovato. Да, такъ, и только такъ, могъ выразиться Николай объ избранникахъ народа. Не льстивые и подобострастные пришли они къ нему, а гордые и мстительные. Ихъ глаза загорѣлись открытымъ негодованіемъ, когда они увидѣли роскошь дворцовой обстановки и пышные наряды придворной челяди. „Нѣкоторые крестьянскіе депутаты“, такъ разсказывалось впослѣдствіи въ думскихъ фракціяхъ, „подходили къ высокимъ сановникамъ и насмѣшливо тыкали въ нихъ пальцемъ: — Это значитъ и будетъ, Дурново? — Сановникъ ежился, краснѣлъ, но молчалъ.“

Лживой была оффиціальная рѣчь царя о „лучшихъ людяхъ“. Онъ ненавидѣлъ Думу, но такъ какъ приходилось ее терпѣть, то рѣшилъ изъ нея сдѣлать ловушку, западню для народа.

Интригантски-заговорщическая жилка всегда была сильно развита въ Николаѣ. Правда, если было возможно, онъ давилъ, топталъ и ломалъ открыто. Но если невозможно — то почему бы не устроить заговоръ наверху и провокацію внизу?

Первымъ опытомъ такого рода была „Зубатовщина“. Но хотя этотъ эпизодъ и прошелъ при благосклонномъ согласіи царя, непосредственнаго участія онъ въ немъ не принималъ. Творческое на-

чало лежало здѣсь всецѣло въ рукахъ вел. кн Сергѣя Александровича.

Другое дѣло съ особыми совѣщаніями о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности! Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы указывали, что они были созваны по личному желанію царя съ явно провокаціонными цѣлями.

Три года спустя послѣ совѣщанія, Плеве, при помощи котораго оно было устроено, разорванъ бомбой Сазонова.

Святополкъ-Мирскій, вступившій на его мѣсто, получаетъ приказъ ослабить возжи. Наступаетъ періодъ банкетовъ и петицій. Въ декабрѣ кабинету министровъ поручается обсужденіе необходимыхъ реформъ. Царь знаетъ: коренныхъ реформъ не рѣшатъ, а общество пожалуй успокоятъ. Но общество не успокаивается. Волнуется и народъ. „Нужно пустить немного крови. Это успокоитъ общество“, объясняетъ Владиміръ своему племяннику[1]).

Кровопусканіе происходитъ. Десятки тысячъ труповъ покрываютъ мостовую Петербурга.

Во время пріема царь обѣщаетъ рабочимъ и въ будущемъ „примѣнять военную силу, хотя бы это и вызвало неповинныя жертвы[2])“

[1]) см. ук. лит. Б. 17.
[2]) см. ук. лит. Б. 15.

Вся страна въ волненіи. Всюду забастовки. Въ Москвѣ бомба Каляева разрываетъ Сергѣя, любимаго царскаго дядю.

Необходимы уступки. Но Николай упирается. Нельзя ли призвать на помощь самыя темныя силы страны?

Появляется манифестъ 18-го февраля. „Мятежные вожды желаютъ вмѣсто царскаго самодержавія учредить новое управленіе страной на началахъ, отечеству нашему несвойственныхъ.“ И вотъ царь призываетъ людей всѣхъ сословій и состояній помогать ему при „искорененіи крамолы[1]).“

Царскіе совѣтники, не менѣе реакціонные чѣмъ самъ царь, всетаки считаютъ опаснымъ доводить раздраженіе страны до крайнихъ предѣловъ. Они предлагаютъ смягчить или выкинуть наиболѣе рѣзкія выпадки манифеста. „Ни на кого я не могу положиться“ вспыхиваетъ вдругъ царь, и обрушивается съ горькими упреками на министровъ[2]).

Но ссылка на выстрѣлъ въ крещенскій парадъ, на смерть Сергѣя, на паденіе нашего кредита за границей — его запугиваютъ[3]). Скрѣпя сердце онъ подписываетъ рескриптъ, въ которомъ обѣщается созывъ народныхъ представителей. Булыгину, другу убитаго Сергѣя, онъ поручаетъ выработку

[1]) см. ук. лит. А, 12.
[2]) см. ук. лит. Б. 14.
[3]) Ibidem.

„конституціи“, выражая увѣренность, что тотъ съумѣетъ выработать такой проэктъ, который оставилъ бы въ сущности все по старому.

Такъ произошло 18-го февраля зачатіе русской „конституціи“. А одинадцатью днями раньше „конституціонный монархъ“ Николай издалъ приказъ томъ, чтобы демонстранты нещадно разстрѣливались. „Ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба холостыми патронами не должны быть допускаемы для устрашенія неповинующейся народной толпы[1])“

6-го іюля Николай принимаетъ въ Петергофѣ делегатовъ земскаго съѣзда. За это время политическая атмосфера еще болѣе сгустилась. На войнѣ пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ. Внутри страны растетъ возмущеніе. Николай не только не рѣшается разогнать земскій съѣздъ, который собирается якобы на правахъ, дарованныхъ рескриптомъ, но принимаетъ даже делегацію.

„Моя воля, воля царская — созывать выборныхъ отъ народа, непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Вы можете сообщить объ этомъ всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ такъ и въ городахъ . . . .“

Николай знаетъ, что нужно обнадеживать,

[1]) см. ук. лит. А. 12.

успокаивать, но онъ всетаки не можетъ удержаться и прибавляетъ слова о „порядкѣ, отвѣчающемъ самобытнымъ русскимъ началамъ [1])."

Во время двухъ слѣдующихъ пріемовъ въ томъ же мѣсяцѣ, онъ говоритъ еще болѣе опредѣленно. Курскимъ дворянамъ онъ 20-го іюня называетъ Думу, „учрежденіемъ законосовѣщательнымъ", а день спустя онъ объявляетъ, что „только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго [2])."

Въ чемъ царь видѣлъ эти „завѣты" выяснилось скоро.

Волненія на югѣ, возстаніе Потемкина, пораженія на Дальнемъ Востокѣ, позорныя условія при заключеніи мира, опубликованіе проэкта Булыгинской „конституціи", всероссійская забастовка, манифестъ 17-го октября — всѣ эти событія слишкомъ общеизвѣстны, чтобы подробно на нихъ останавливаться.

Но любопытно, какія чувства владѣли Николаемъ, когда подъ напоромъ событій онъ рѣшился подписать манифестъ. Въ тотъ же день онъ послалъ въ Крымъ вел. кн. Александру Михайловичу секретную телеграмму, въ которой излилъ свою злость по поводу желѣзнодорожной забастовки.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 15.
[2]) Ibidem.

„Сообщеніе съ Петербургомъ только моремъ, — положеніе постыдное[1])!“ пишетъ онъ.

И отомстилъ же онъ за то, что онъ считалъ „постыднымъ положеніемъ“! Передъ „кровопусканіемъ“ октябрьскимъ блѣднѣетъ даже январьское!

Свыше 37000 семействъ, или свыше 158000 человѣкъ стали жертвами погромовъ (мы пользуемся подсчетомъ иностранныхъ газетъ)[2]). Въ 638 мѣстахъ происходятъ погромы. Гдѣ нѣтъ инородцевъ, тамъ бьютъ своихъ: въ Томскѣ сжигаютъ желѣзнодорожниковъ, въ Ярославлѣ выбираютъ жертвами подростковъ-учениковъ и т. д.

Теперь уже врядъ-ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію, что погромы эти были заранѣе подготовлены по приказу самого Николая. Самый близкій другъ его, Треповъ, имѣлъ организаціонное руководство въ своихъ рукахъ. Мы уже приводили выше наблюденія бывшаго директора полиціи Лопухина, сдѣланныя имъ по этому поводу.

Что же касается нравственныхъ виновниковъ погромовъ, то бывшій губернаторъ князь Урусовъ заявилъ совершенно открыто, что „главные вдохновители погромовъ находятся внѣ круга воздѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ“.

---

[1]) см. ук. лит. А. 12.

[2]) Frankf. Zeitung.

„Внѣ круга воздѣйствія министра“ — это значитъ „выше его“: а выше министра — лишь члены царскаго дома.

Чтобы не оставить въ томъ никакихъ сомнѣній, что именно онъ самъ главный вдохновитель кровопусканій, а не кто-либо другой изъ Августѣйшей Фамиліи, Николай помиловалъ всѣхъ осужденныхъ за участіе въ погромахъ. Жандармскіе офицеры (Будаговскій, Коммиссаровъ и другіе), печатавшіе погромныя прокламаціи, безъ исключенія получили по Высочайшему Указу повышеніе по службѣ [1]).

Мы сравнили „октябрьскую“ политику съ январьской того же года. Но невольно приходится сравнить манифестъ и съ „особымъ совѣщаніемъ“ 1902 года.

На этотъ разъ провокація еще крупнѣе, опаснѣе. Тамъ спровоцированные „говорить правду“ отдѣлались выговорами, ссылкой, тюрьмой. Тутъ повѣрившіе обѣщаніямъ манифеста 17-го октября и вышедшіе наружу изъ подъ-полья пошли на каторгу, висѣлицу и подъ разстрѣлъ.

Послѣ октябрьскихъ дней Николай понялъ, что его главная опора — черная сотня. Но и та лишь сильна при помощи войска. Безъ содѣйствія и участія войска не было бы погромовъ.

Особенныя опасенія вызываютъ въ немъ поэтому

[1]) см. ук. лит. А. 12.

военные мятежи. И особенно велика его благодарность тѣмъ, кто ихъ подавляетъ. „Выражаю мою благодарность за энергичное (!) и быстрое подавленіе мятежа“, пишетъ онъ 19-го ноября Брестскому полку[1]).

Всячески онъ старается заручиться симпатіей войска, не затронутаго еще пока революціей. „Искреннее и душевное спасибо за примѣрную службу“ объявляетъ онъ солдатамъ-Семеновцамъ. Офицеровъ онъ приглашаетъ къ себѣ во дворецъ на ужинъ и проводитъ вечеръ въ ихъ средѣ вмѣстѣ съ Императрицей. „Я еще разъ сердечно благодарю полкъ въ вашемъ лицѣ за честную, беззавѣтную и примѣрную службу....[2])“

Забыты теперь обѣщанія данныя 17-го октября. „Для полнаго осуществленія даруемыхъ мною свободъ необходимо прежде всего возстановить порядокъ“, говоритъ царь депутаціи Тульскаго земства[3]).

Во время аудіенціи 1-го декабря царь хотя и снова увѣряетъ, что манифестъ 17-го октября „полное и убѣжденное выраженіе моей (т. е. царской) непреклонной и непреложной воли и актъ не подлежащій измѣненію“, но добавляетъ, что осуществленію

---

[1]) см. ук. лит. Б. 22.
[2]) см. ук. лит. Б. 15.
[3]) Ibidem.

этихъ реформъ должны предшествовать, „спокойствіе и порядокъ, водворенные справедливой, строгой и твердой властью[1])."

Два дня спустя, 3-го декабря, арестуется первый дѣйствительный русскій парламентъ — Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Въ тотъ же день смотръ и привѣтственная рѣчь Преображенскому полку: царь понимаетъ, что отъ сознательности или несознательности войскъ зависитъ его судьба.

И несознательность значительной части войскъ его спасаетъ.

Обласканные царемъ, развращенные командиромъ, Семеновцы „усмиряютъ" возставшую Москву.

Полный благодарности встрѣчаетъ Николай возвращающихся побѣдителей: „Спасибо, Семеновцы, дорогіе мои. Отъ всей души горячо благодарю васъ за вашу службу. Благодаря вашей доблести, стойкости и вѣрности сломлена крамола въ Москвѣ[2])."

Благодарность Николая къ Семеновцамъ не знаетъ границъ. Когда въ солдатахъ этого полка увольняемыхъ въ запасъ начинаетъ шевелиться совѣсть, и появляются опасенія, какъ-то ихъ

[1]) см. ук. лит. Б. 15.
[2]) см. ук. лит. А. 12.

встрѣтятъ дома родные и односельчане, царь самъ ихъ успокаиваетъ: „Если кто васъ обидитъ или отнесется не такъ какъ слѣдуетъ отнестись къ настоящему Семеновцу, то я даю вамъ право обратиться прямо ко мнѣ[1])“.

Такого „права“ кромѣ Семеновцевъ не получалъ ни одинъ русскій гражданинъ!

Неоднократно царь выражаетъ свою благодарность и казакамъ; свое „сердечное спасибо“ за ихъ „тяжелую и преданную службу“. На одномъ изъ парадовъ, въ видѣ особой чести, онъ позволяетъ командиру полка взять на руки младенца-наслѣдника. (Всѣ эти рѣчи читатель найдетъ цѣликомъ въ приложеніи.)

Теперь уже окончательно отбрасывается въ сторону всякое фарисейство.

Принимая 23 декабря 1905 г. въ Царскосельскомъ дворцѣ комиссію отъ союза русскаго народа, съ докторомъ Дубровинымъ во главѣ, царь заявляетъ: „Возложенное на меня въ Кремлѣ Московскомъ бремя Я буду нести Самъ.“ Вмѣсто подотчетности правительства передъ народомъ, онъ провозглашаетъ старый самодержавный лозунгъ: „Во власти я отдамъ отчетъ передъ Богомъ.“ Чтобы провести этотъ принципъ въ жизнь — нужна помощь черной сотни. „Поблагодарите

[1]) см. ук. лит. Б. 12.

всѣхъ русскихъ людей примкнувшихъ къ союзу русскаго народа," добавляетъ онъ и надѣваетъ на себя и на наслѣдника приподнесенные ему значки союза. „Скоро, скоро возсіяетъ солнце правды надъ Землею Русской, и тогда всѣ сомнѣнія исчезнутъ." Какое море крови сулятъ послѣднія слова! И передъ ихъ трагическимъ смысломъ блѣднѣетъ невольный комизмъ послѣдней части аудіенціи, когда Государь проситъ передать извозчикамъ благодарность, потому что удалось ихъ удержать отъ забастовки [1]).

Иногда, правда, еще дѣлаются попытки при помощи діалектики примирить непримиримое: манифестъ 17-го октября и желаніе сохранить самодержавіе. „Реформы, которыя Мною возвѣщены манифестомъ 17-го октября, будутъ осуществленны неизмѣнно, и права, которыя Мною даны одинаково всему населенію, неотъемлемы. Самодержавіе же Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь [2])."

Какое же реальное содержаніе было въ этихъ словахъ? Какъ Николай надѣялся примирить самодержавіе съ законодательной Думой?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ рѣчахъ Побѣдоносцева, Лобко, Нарышкина, Бобринскаго

[1]) см. ук. лит. Б. 7.

[2]) Ibidem.

и другихъ, произнесенныхъ на тайномъ совѣщаніи, происходившемъ въ присутствіи Николая отъ 19 до 26 іюля 1905 года. Рѣшили дать крестьянамъ преобладающее число голосовъ въ будущей Думѣ, разсчитывая на „цѣнное міровозрѣніе неграмотныхъ мужиковъ," на ихъ „преданность". Если-бы расчетъ оказался правильнымъ, то и при наличности Думы фактическая власть оказалась бы въ рукахъ самодержца[1]).

Если же и пройдутъ два — три лѣвыхъ крестьянскихъ депутата, то и это окупится вполнѣ ввиду многостепенности выборовъ. Для того, чтобы прошелъ хотя бы одинъ лѣвый депутатъ, должны открыто выступить десятки лѣвыхъ выборщиковъ и сотни лѣвыхъ уполномоченныхъ. Мѣстныя власти „запомнятъ" ихъ — и доставятъ при первой надобности въ „мѣста не столь отдаленныя".

Такимъ образомъ осуществился бы уже тогда идеалъ, достигнутый лишь при третьей Думѣ, когда было лишено избирательныхъ правъ все трудовое населеніе: видимость народнаго представительства и дѣйствительная неограниченность самодержавія.

Такимъ образомъ и созывъ Думы представлялъ изъ себя грандіозную провокаціонную попытку.

Но удалась лишь одна часть провокаціи.

[1]) см. ук. лит. А. 12.

Дѣйствительно тысячи, десятки тысячъ выборщиковъ и уполномоченныхъ, чтобы провести лѣвыхъ депутатовъ, обнаружили передъ начальствомъ свою „неблагонадежность“ и тѣмъ самымъ навлекли на себя судебные и административные бичи и скорпіоны.

Но вторая часть провокаціонныхъ вожделеній потерпѣла блестящее фіаско. Народные представители, фарисейски названные Николаемъ „лучшими людьми“, оказались дѣйствительно „не худшими“.

Лозунгъ Земли и Воли выставлялся настойчиво и энергично. Дальнѣйшая игра въ „Самодержавіе при наличности Думы“ не мыслима. Царю приходится рѣшаться въ ту или другую сторону. И онъ рѣшается. Депутація народныхъ представителей, желающая преподнести отвѣтный адресъ народныхъ представителей на его тронную рѣчь — не принимается. Требованія выраженныя въ адресѣ — оставляются безъ вниманія.

Зато съ полнымъ вниманіемъ Николай прислушивается къ голосамъ раздающимся на съѣздѣ объединеннаго дворянства. Когда депутація этого съѣзда является 16-го іюня къ премьеръ- министру съ просьбой усилить репрессіи противъ крестьянъ, ей отвѣчаютъ, что мѣры уже приняты[1]).

[1]) см. ук. лит. А. 12.

Просьба же дворянъ, подкрѣпленная союзомъ русскаго народа, о разгонѣ Думы исполняется наконецъ 8 іюля.

Не забываются телеграфныя просьбы союза русскаго народа, и мольбы дворянскаго съѣзда, о болѣе частомъ примѣненіе казней: 20 авг. 1906 г. вводятся въ дѣйствіе военно-полевые суды.

Мало того: 26-го августа Николай заявляетъ Павлову, что онъ „требуетъ безусловнаго примѣненія новаго закона“, запрещаетъ „представлять ему телеграммы о помилованіи“ и „что командующіе войсками и генералъ-губернаторы, которые допустятъ отступленіе отъ Высочайшаго повелѣнія, будутъ за это отвѣтственны лично передъ Его Величествомъ[1])!“ (См. приложеніе).

Такъ отвѣтилъ царь на народное требованіе амнистіи заявленное ему первой Думой!

Зато помилованія приговоренныхъ за участіе въ погромахъ слѣдуютъ одно за другимъ[2]). Вѣдь ихъ освобожденія желаетъ не русскій народъ, — а „союзъ русскаго народа“!

Междудумьемъ пользуются для изданія законовъ. Наиболѣе провокаціонный изъ нихъ законъ 9-го ноября. Теперь уже нѣтъ двухъ мнѣній о томъ, что законъ этотъ былъ изданъ не съ цѣлью помочь

[1]) см. ук. лит. Б. 8.
[2]) см. ук. лит. Б. 27.

крестьянству, а чтобы разслоить его, натравить часть крестьянъ на другую. Divide et impera!

Но и это не сразу удается. Собирается вторая Дума. Депутаты ея еще революціоннѣе чѣмъ въ первой. И снова сыплются телеграммы черной сотни съ просьбами о разгонѣ. „Читалъ съ удовольствіемъ," отмѣчаетъ Николай[1]). Съѣздъ союза русскаго народа шлетъ телеграмму, и „удастаивается всемилостивѣйшаго отвѣта."

3 іюня наступаетъ наконецъ обѣщанный моментъ, когда по словамъ царя „разсѣются сомнѣнія." Разгоняется и вторая Дума, причемъ царь явно нарушая не только обѣщанія манифеста 17 октября, но и самимъ же имъ изданные основные законы, вводитъ измѣненіе въ избирательный законъ. Самодержавіе дѣйствительно возстановлено. Vogue la galère!

Немедленно спустя въ качествѣ „надежной опоры" призывается царемъ къ содѣйствію союзъ русскаго народа, „который", по словамъ Николая, „долженъ служить для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка[2])."

Нѣсколько мѣсяцевъ спуста Николай посылаетъ даже свой портретъ съ собственноручной надписью въ Екатеринославскій

[1]) см. ук. лит. А. 12.
[2]) см. ук. лит. Б. 21.

отдѣлъ союза русскаго народа. Это въ тотъ самый отдѣлъ, которымъ былъ убитъ членъ Второй Государственной Думы, трудовикъ, докторъ Караваевъ[1]).

Функціи военно-полевыхъ судовъ, отмѣненныхъ Думой, передаются военно-окружнымъ.

Наступаетъ вакханалія казней, карательныхъ экспедицій, правительственныхъ убійствъ и истязаній, правительственныхъ грабежей и вымогательствъ.

Варшавскій генералъ-губернаторъ разстрѣливаетъ безъ суда 11 рабочихъ, заподозрѣнныхъ отчасти въ убійствѣ фабриканта, отчасти просто въ принадлежности къ революціоннымъ партіямъ. Онъ самъ докладываетъ объ этомъ царю — и получаетъ одобреніе[2]). Не мудрено. Вѣдь по приказу того же Николая произведенъ въ почетные граждане сыщикъ, отравившій революціонера Черняка[3]).

Агенты охраннаго отдѣленія и члены союза русскаго народа, приговоренные финляндскимъ судомъ къ тюремному заключенію и исправительнымъ работамъ, тотчасъ же по вынесеніи приговора освобождаются по „указу Его Величества“

Каульбарсы, Думбадзе, Меллеръ-Закомельскіе

---

[1]) см. ук. лит. А. 12.
[2]) см. ук. лит. Б. 27.
[3]) см. ук. лит. Б. 5.

и tutti quanti чувствуютъ, что ихъ положеніе все болѣе и болѣе прочно.

Курловъ, въ октябрѣ 1905 г. разстрѣлявшій въ Минскѣ участниковъ митинга, имъ же разрѣшеннаго, получаетъ въ свои руки тюремное управленіе[1]). А когда онъ достаточно „подтянулъ“ свое вѣдомство, когда къ эпидеміямъ тифа и цынги свирѣпствующимъ въ тюрьмахъ, прибавляется и эпидемія самоубійствъ, онъ получаетъ повышеніе. Въ качествѣ товарища министра вн. дѣлъ онъ долженъ „подтянуть“ всю полицію и всю жандармерію, ибо Николаю ихъ „ретивость“ повидимому еще все недостаточна.

Но нужно усилить энергію и добровольной полиціи. И Николай передаетъ 100000 руб. „Русскому Собранію“, аристократическому отдѣлу союза русскаго народа, „черной сотнѣ бѣлой кости[2])“

Въ приказѣ по военному вѣдомству Николай II выражаетъ свою „Высочайшую благодарность“ всѣмъ членамъ военныхъ судовъ за тѣ „многочисленные и тяжелые труды,“ которые они несли за послѣдніе годы[3]).

Да, все крѣпче и шире плетется сѣть царскихъ заговоровъ противъ народа.

---

[1]) см. ук. лит. А 16.
[2]) см. ук. лит. Б. 19.
[3]) Ibidem.

Заговоры противъ царя.

На заговоры сверху отвѣчаютъ заговорами снизу. Этому насъ учитъ исторія. Такъ было, такъ будетъ.

„Лишенные возможности какимъ-бы то ни было мирнымъ способомъ противодѣйствовать злодѣяніямъ, мы считаемъ не только своимъ правомъ но и своей священной обязанностью — не смотря на все отвращеніе внушаемое намъ такими средствами борьбы — на насиліе отвѣчать насиліемъ, за проливаемую народную кровь, платить кровью его угнетателей[1]).

Такъ заявили соціалисты-революціонеры возобновляя террористическую борьбу, прекратившуюся со времени разгрома партіи „Народной Воли".

Но удары террора пока направлялись не противъ самого царя.

Правда, тѣмъ временемъ имѣютъ мѣсто нѣсколько таинственныхъ заговоровъ, но революціонныя партіи къ нимъ никакого отношенія не имѣютъ.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 17.

Объ одномъ изъ нихъ мы уже говорили: онъ былъ устроенъ вдовствующей Императрицей Маріей Ѳедоровной, пытавшейся лишить сына власти, чтобы взять ее въ свои руки. Но попытка не удалась: прочіе члены Августѣйшей Фамиліи считали Николая достаточно черносотеннымъ, и поэтому достойнымъ и дальше носить корону Романовыхъ. И поэтому не достигали цѣли письма, которыя подбрасывали Николаю приверженцы его матери, письма, содержавшія въ себѣ угрозы, якобы исходившія отъ революціонеровъ. Николай отъ престола не отказывался.

Что касается выстрѣла въ крещенскій парадъ, то тутъ скорѣе можно предположить, что его направили революціонно настроенные офицеры. Окончательно его характеръ еще не выяснился, но одно можно сказать съ достовѣрностью: не партія соціалистовъ-революціонеровъ его подготовила.

П о к а ею было рѣшено не трогать царской семьи. Но лишь — п о к а.

„Это было въ Петербургѣ. На креслахъ сидѣли члены военно-полевого суда; на скамьѣ подсудимыхъ — Боевая организація П. С. Р. Гершуни давалъ объясненія. Рѣчь шла объ отношеніи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ къ Боевой Организаціи. „Центральный комитетъ намѣчаетъ іерархически должностныхъ лицъ, на которыхъ Боевая организація въ правѣ совершать покуше-

нія. Внутри этого круга Боевая Организація дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ совершенно самостоятельно.“ — „До какого же іерархическаго положенія партія разрѣшила теперь дѣлать покушенія?“ задаетъ вопросъ предсѣдатель. Среди гробового молчанія, въ которомъ можно было бы слушать полетъ мухи, при общемъ напряженномъ вниманіи всей залы, своимъ ровнымъ, металическимъ голосомъ отчеканивая каждое слово, Гершуни отвѣчаетъ: „На всѣхъ кромѣ лицъ царской фамиліи!“ Трижды былъ повторенъ вопросъ — и трижды Гершуни повторилъ: „Пока лицъ царской фамиліи рѣшено не трогать!“

„Это „пока“ такъ и осталось висѣть неопредѣленной, но вѣчной угрозой. Прошелъ годъ и это „пока“ сорвалось со своихъ петель и всей своей тяжестью упало надъ каретой великаго князя Сергѣя Александровича“[1]).

Но могло вѣдь оно въ каждую минуту обрушиться и надъ головой Николая!

И царь ждалъ и дрожалъ. . . . . .

. . . . . .

Во время первой Думы Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ временно пріостановила всѣ террористическія акты. Предвидѣлся разгонъ Думы и нужно было лишить правительство возможности

[1]) изъ рѣчи защитника Каляева на военномъ судѣ, см. ук. лит. Б. 17.

свалить вину разгона на революціонеровъ. Нужно было показать народу, что и при отсутствіи террора царь всетаки Думы терпѣть не будетъ."

Дума была разогнанна и терроръ возобновился. Не прекратились во ремя второй Думы правительственныя казни и разстрѣлы — не прекратился и терроръ. Но роковое „пока" надъ головой Николая еще не срывалось — его смерть казалась революціонерамъ „пока" нецѣлесообразной.

Но вдругъ во Второй Государственной Думѣ премьеръ-министръ Столыпинъ дѣлаетъ заявленіе, что раскрытъ заговоръ противъ царя, великаго князя Николая Николаевича и его самого.

Правая часть Думы, а вмѣстѣ съ ней и кадеты, изъявляютъ шумную радость по поводу раскрытія „злодѣйскаго покушенія", а лѣвая, видя въ этомъ лишь покушеніе на Думу, и не желая участвовать въ патріотическомъ фарсѣ, покидаетъ залъ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней депутатъ Ширскій заявляетъ отъ лица Думской группы соціалистовъ-революціонеровъ, что по имѣющимся у нея свѣдѣніяшъ „партія соціалистовъ-революціонеровъ къ упомянутому заговору, если таковой дѣйствительно существовалъ или существуетъ, а не выдуманъ съ провокаціонной цѣлью, никакого отношенія не имѣетъ"[1]).

[1]) см. ук. лит. Б. 8.

1-го августа 1907 г. Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ, въ своемъ органѣ, снова заявила о несуществованіи заговора:

„Въ настоящее время изъ обвинительнаго акта по дѣлу о „заговорѣ“ обнаруживается, что обвиненіе предъявлено къ цѣлому ряду лицъ, часть которыхъ дѣйствительно состоитъ членами П. С. Р.

„Ц. К. заявляетъ: что партія вела, ведетъ и будетъ вести до фактическаго сверженія самодержавія террористическую борьбу, стараясь довести ее до максимальныхъ размѣровъ; что эта борьба направлена противъ всѣхъ агентовъ правительственной власти не исключая, какъ это заявлено въ № 1 „Знамени Труда“ отъ 1-го іюля 1907 г., и представителей династіи; что партія никогда своихъ террористическихъ актовъ и замысловъ не скрываетъ.“

„По поводу предъявленнаго обвиненія Центральный Комитетъ вторично подтверждаетъ, что данной группѣ лицъ, искуственно составленной слѣдственной властью, никакого порученія на совершеніе террористическаго акта противъ царя дано не было, и что эта группа такого покушенія не подготовляла.“

„Если же сообщенія обвинительнаго акта о переговорахъ, которые будто бы велись отдѣльными лицами о планѣ дворца, о царскихъ проѣздахъ и проч., хотя бы въ малѣйшей степени соотвѣт-

ствуетъ дѣйствительности, то это слѣдуетъ отнести къ области простыхъ информацій, которыя можетъ вести всякій членъ партіи“ [1]).

Совершенно не зависимо отъ партіи, но то же самое по существу, выяснилось, наконецъ, и на судѣ.

Казакъ фельдфебель конвоя Его Величества уличается начальствомъ въ чтеніи нелегальныхъ изданій и соотвѣтственно наказывается. Черезъ нѣкоторое время уличается вторично. Ему грозятъ военнымъ судомъ, каторгой, висѣлицей и обѣщаютъ помиловать лишь въ случаѣ безпрекословнаго повиновенія начальству. Запуганный Ратимовъ соглашается. И вотъ начальство ему приказываетъ поддерживать связи съ знакомыми революціонерами, предлагать имъ свѣдѣнія о проѣздахъ царя, о расположеніи дворца и т. д. Революціонеры сообщенія выслушиваютъ, свѣдѣнія собираютъ, но утилизировать „пока“ не собираются. „Ну, пока самого оставимъ, а вотъ разскажите лучше о Столыпинѣ“, говоритъ Сенявскій Ратимову.

Такимъ образомъ выяснилось, что если „заговоръ“ подготовлялся, то не революціонерами, а — правительствомъ Николая Второго. Ему нужно было „создать“ заговоръ, „предупредить“ его, а

[1]) см. ук. лит. Б. 5.

затѣмъ, воспользовавшись имъ, сдѣлать покушеніе на Думу[1]).

Да, этотъ эпизодъ былъ заговоромъ царя, а не — противъ царя.

Но уже въ 1908 году устраивается дѣйствительный заговоръ противъ царя: объ этомъ заявляетъ въ извѣщеніи Центральный Комитетъ Партіи С.-Р. Лишь благодаря случайности заговоръ не доводится до удачнаго конца[2]).

* * *

Еще раньше, чѣмъ заговоры дѣйствительно замышлялись и предполагались, Николай уже дрожалъ за свою жизнь.

Ко всѣмъ приказамъ Унтербергера, заговорамъ сверху — прибавлялась еще одна мѣра охраны: провокація внизу.

Но эта мѣра оказалась обоюдоострымъ оружіемъ для Николая.

Его правительство вводитъ въ Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ Азефа и другихъ провокаторовъ.

Но что изъ этого выходитъ? Азефъ выдаетъ десятки революціонеровъ. Сотни изъ-за него идутъ въ каторгу, десятки на висѣлицу. А чтобы подо-

---

[1]) см. ук. лит. Б. 8.

[2]) см. ук. лит. Б. 5.

зрѣніе революціонеровъ не пало на него, чтобы они не заподозрили его службы правительству, онъ — обманываетъ не только революціонеровъ, но и правительство. Онъ самъ участвуетъ въ террористическихъ актахъ. При его помощи убивается любимецъ Николая — Плеве, при его-же содѣйствіи — Сергѣй Александровичъ. Въ 1908-мъ же году, Азефъ участвуетъ въ подготовленіи акта на царя, неудавшагося независимо отъ него![1]).

Азефъ обманывалъ революціонеровъ, да, это вѣрно! Но они пользовались имъ, потому что не знали о его связяхъ съ правительствомъ. Правительство же имъ пользовалось, потому что знало о его связяхъ съ революціонерами!

И въ этомъ вся разница. Опричники пользовались имъ, чтобы деморализировать и дезорганизовать партію, и сами оказались имъ-же деморализованы и дезорганизованы.

* * *

Азефъ разоблаченъ и бѣжалъ.

Комиссіи назначенной партіей соціалистовъ-революціонеровъ удалось обнаружить и другихъ провокаторовъ свившихъ себѣ гнѣздо внутри партіи.

---

[1]) см. ук. лит. Б. 5.

Другіе попытаются вновь проникнуть въ партію. Удастся имъ это или нѣтъ? Не все равно ли это для судьбы Николая?

Не отъ ихъ удачи или неудачи будетъ зависѣть его жизнь.

Или эти агенты будутъ служить царю „вѣрой и правдой“, выдавая всѣхъ кого знаютъ и не принимая лично участія въ „преступленіяхъ“ революціонеровъ. Тогда ихъ провокатура будетъ быстро обнаруживаться и ихъ карьерѣ будетъ полагаться быстрый конецъ.

Или же идя по стопамъ Азефа, они, чтобы сохранить довѣріе къ себѣ революціонеровъ, будутъ содѣйствовать удачѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ предпріятій — и такимъ образомъ какъ и самъ Азефъ — пожалуй содѣйствуютъ удачѣ покушеній на самого царя.

Нѣтъ, не вѣрностью и преданностью провокаторовъ можетъ быть спасена жизнь Николая.

Тотъ, кто наблюдалъ неумолимые законы исторіи, отвѣчающей на заговоры сверху неизмѣнно заговорами снизу, пойметъ, что лишь самъ Николай властенъ удержать карающую руку революціи.

По окончаніи процесса „о заговорѣ“ партія соціалистовъ-революціонеровъ заявила въ своемъ центральномъ органѣ [1]):

[1]) см. ук. лит. Б. 5.

„По выслушаніи — смертнаго приговора (по „дѣлу о заговорѣ"), кто-то изъ подсудимыхъ съ усмѣшкой сказалъ: „это была репетиція процесса о заговорѣ". Да, это была лишь репетиція. Настоящій процессъ еще впереди. Сегодня нѣсколько товарищей погибнутъ за дѣло, котораго они не дѣлали. Да послужитъ имъ утѣшеніемъ, что вслѣдъ за ними пойдутъ бойцы, на долю которыхъ выпадетъ счастье дѣлать это дѣло."

Отъ самого царя зависитъ будетъ ли приведена въ исполненіе эта угроза.

Страна, сдавленная долгія годы въ тискахъ реакціи и царскаго террора, снова оживаетъ. Несмотря на всѣ кровопусканія русскій народъ сохранилъ силу, чтобы снова приступить къ борьбѣ. Политическія демонстраціи, забастовки сотенъ тысячъ рабочихъ снова возникающія въ теченіи послѣднихъ лѣтъ — все это показываетъ что надвигается Вторая Русская Революція.

Встанетъ ли царь снова во главѣ всѣхъ темныхъ силъ преграждающихъ русскому народу доступъ къ Землѣ и Волѣ? Или внявъ урокамъ Первой Русской Революціи отойдетъ въ сторону, предоставивъ противникамъ помѣриться силами?

Отъ этого рѣшенія не зависитъ исходъ Революціи. Ибо съ Николаемъ или безъ Николая —

второй разъ темнымъ силамъ не удастся остановить побѣдоносное шествіе народа.

Но отъ этого рѣшенія зависитъ личная участь Николая. Ибо еще разъ, благодаря временному затишью революціи, милостивая судьба дала ему возможность остановиться, опомниться. Много времени уже не осталось. Снова надвигаются тучи надъ Зимнимъ Дворцомъ.

Опомнится ли царь? Остановится ли?

Будущее покажетъ.

Приложеніе.

Избранныя рѣчи Николая Второго,

тайные документы,

телеграммы, приказы,

резолюціи, замѣтки.

1.

Во время всеобщей переписи, производившейся въ январѣ 1897 г., Государь Императоръ соизволилъ потребовать опросный листокъ, и собственноручно начертать отвѣты на предлагаемые листкомъ вопросы. На вопросъ „чѣмъ занимаетесь?“ Его Величество изволилъ собственноручно начертать отвѣтъ: „хозяинъ земли русской“, а на вопросъ: „какого сословія?“ — „первый дворянинъ“.

Листокъ этотъ, съ собственноручными записями Его Величества хранится въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства Внутреннихъ Дѣлъ. (Н. Д. № 1, 1909.)

1894.

2.

Первую свою рѣчь монархъ произнесъ 31-го октября на Высочайшемъ выходѣ, обращаясь къ Московскому дворянству, купечеству и представителямъ московскихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій:

„Тяжко и больно быть те-
„перь въ Москвѣ, которую такъ искренне любилъ
„Мой незабвенный Батюшка; но Императрица и Я
„находимъ сердечное утѣшеніе въ моли-
„твахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся Россія
„проливаетъ въ эти дни испытанія. Да поможетъ
„Мнѣ Господь служить Нашей горячо люби-
„мой родинѣ такъ же, какъ служилъ ей Мой
„покойный Отецъ, и вести ее по указанному
„имъ свѣтлому и лучезарному пути.“ (Пр. В 1894, № 242.)

3.

2-го ноября въ Аничковскомъ дворцѣ Государю Императору благоугодно было обратится къ предсѣдателю и членамъ Государственнаго Совѣта со слѣдующими словами:

„Волею Всевышняго тяжкое
„горе обрушилось на всѣхъ Насъ; безвременно скон-
„чался дорогой Родитель Мой, Алехсандръ III.“

„Покойный Государь не успѣлъ передъ смертью
„передать Мнѣ свою волю о выраженіи благодар-
„ности членамъ Государственнаго Совѣта за ихъ
„вѣрную Ему службу. Но, зная, какъ незабвенный
„Мой Отецъ былъ всегда доволенъ трудами Госу-
„дарственнаго Совѣта, Я смѣло могу взять на
„Себя право благодарить васъ отъ Имени Почив-
„шаго. Да поможетъ мнѣ Богъ нести тяжесть госу-

„дарственнаго служенія, преждевременно на Меня „возложеннаго. Надѣюсь, господа, на ваше полное „содѣйствіе.“ (Пр. В. 1894, № 242.)

1895.

4.

17-го января представители дворянствъ, земствъ и городовъ собрались въ Николаевской залѣ. Привѣтствовавъ собравшихся и выйдя на середину залы Его Императорское Величество произнесъ слѣдующія слова:

„Я радъ видѣть представителей „всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрно„подданническихъ чувствъ, искони присущихъ каж„дому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣд„нее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ „собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся без„смысленными мечтаніями объ участіи пред„ставителей земства въ дѣлахъ внутренняго „управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая „всѣ свои силы благу народному, буду охранять „начало самодержавія такъ же твердо и не„уклонно, какъ охранялъ его Мой незабвен„ный, покойный Родитель.“ (П. В. 1895, № 14.)

5.

На докладѣ министра вн. д. объ адресѣ тверского земства послѣдовала Высочайшая резолюція

„Я чрезвычайно удивленъ
„этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ гу-
„бернскаго земскаго собранія.“ (П. Г. Н.)

6.

На петицію 78-ми литераторовъ, о томъ чтобы Государь благоволилъ принять литературу подъ сѣнь закона, послѣдовала Высочайшая резолюція, доставленная одному изъ 78-ми подписавшихся петицію, академику Бильбасову, черезъ околоточнаго надзирателя:

„оставить
„безъ всякаго послѣдствія.“ (П. Г. Н.)

7.

По докладѣ о безпорядкахъ имѣвшихъ мѣсто въ Ярославлѣ въ мартѣ 1895 г., во время которыхъ по приказу офицеровъ нижними чинами фанагорійскаго полка былъ данъ залпъ по обратившейся въ бѣгство толпѣ, въ результатѣ котораго оказалось 13 убитыхъ и большое число раненыхъ съ тылу, Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ:

„весьма доволенъ спо-
„койнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во

„время фабричныхъ безпорядковъ. Спасибо мо„лодцамъ-фанагорійцамъ, а офицерамъ — искрен„нюю благодарность за умѣлое и своевре„менное употребленіе оружія.“ (П. Г. Н.)

1896.

8.

Въ дни Коронованія 18-го мая въ Москвѣ, войдя во дворъ Петровскаго Дворца, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для волостныхъ старшинъ, царь сказалъ, обращаясь къ волостнымъ старшинамъ: „Императрица и Я сердечно „благодаримъ васъ за выраженныя вами чувства „любви и преданности. Не сомнѣваюсь, что ихъ „раздѣляютъ всѣ ваши односельчане. Когда уви„дете ихъ, передайте имъ Наше спасибо. Заботы „о благѣ вашемъ такъ же близки Моему „сердцу, какъ они близки были Дѣду Моему „и незабвенному дорогому Родителю. Пом„ните слова, сказанныя Имъ здѣсь волост„нымъ старшинамъ при вѣнчаніи Его на „Царство. Между вами есть многіе, слышавшіе „ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда слу„жили вамъ твердымъ руководствомъ [1]). Дай вамъ

[1]) Императоръ Александръ III, передъ началомъ обѣда волостныхъ старшинъ и гминныхъ войтовъ, 21-го мая 1883 г., обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Богъ въ будущемъ здоровья и успѣховъ въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ.“ (Пр. В. 1896, № 108.)

9.

Тамъ же царь обратился къ представителямъ дворянства со словами:

„Благодарю васъ сердечно „за ваши чувства и вѣрную службу. Не сомнѣ- „ваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, „какъ оно и было, опорою Престола и искренно „цѣню полезное и безкорыстное участіе дво- „рянства въ мѣстныхъ дѣлахъ. Мнѣ извѣстно „трудное время, переживаемое помѣстнымъ „дворянствомъ. Будьте спокойны, Я не забуду „его нужду въ Моихъ заботахъ о преуспѣяніи „нашего дорогого отечества. Душевно благодарю „васъ за ваше теплое участіе въ Нашихъ торже- ствахъ“. (П. В. 1896, № 108.)

„Я очень радъ еще разъ видѣть васъ; душевно благо- „дарю васъ за ваше сердечное участіе въ торжествахъ На- „шихъ, къ которымъ такъ горячо отнеслась вся Россія. „Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ Мое „сердечное спасибо; слѣдуйте совѣтамъ и руководству „вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте „вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о пе- „редѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому по „добному. Эти слухи распускаются Нашими врагами. „Всякая собственность, точно таже, какъ и ваша, должна „быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здо- „ровья.“

10.

21-го мая послѣ парада въ Ходынскомъ лагерѣ состоялся обѣдъ нижнимъ чинамъ. Подойдя къ столу и наливъ чарку вина, царь поднялъ ее со словами:

„Пью за здоровье частей, празднующихъ „сегодня свои полковые праздники."

Обращаясь къ войскамъ, прибавилъ:

„За ваше „здоровье." (Пр. В. 1896, № 111.)

1898.

11.

16-го августа въ отвѣтъ на привѣтствіе Государь сказалъ московскому губернскому предводителю дворянства и собраннымъ представителямъ дворянства:

„Благодарю васъ, господа, за выраженные чувства. Мнѣ особенно отрадно слышать ихъ „сегодня, когда вся Россія вспоминаетъ великій „подвигъ Моего Дѣда, столь необходимый для блага „Россіи. Онъ совершилъ его такъ смѣло и осуществилъ такъ мирно и благополучно, благодаря самоотверженному и безкорыстному содѣйствію дворянства. Я и Россія „это помнимъ, и исторія занесетъ подвигъ этотъ на „свои скрижали золотыми письменами. Съ довѣ-

„ріемъ Я буду и впередъ полагаться на дворянство „при дальнѣйшемъ совмѣстномъ служеніи на благо „нашей родины.“ (Пр. В. 1898, № 182.)

1900.

12.

Во время пріема, котораго удостоился ген. Ванновскій, покидавшій постъ министра народнаго просвѣщенія, государь сталъ выказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣть то и дѣло на часы. На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда-нибудь Его Величество, Государь изволилъ отвѣтить:

„Да, Дядя Дми-„трій Константиновичъ обѣщалъ мнѣ „нынче показать двухъ жеребцовъ ... я „и тороплюсь.“ (Р. Росс. 1904, № 55.)

13.

Послѣ концерта скрипача Падеревскаго въ Зимнемъ дворцѣ Его Величество изволилъ выразить свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела игра русскаго. „Простите, Ваше Величество“, отвѣтилъ Падеревскій, „но я полякъ“. Вслѣдствіе этого Его Величество изволилъ распорядиться о высылкѣ Паде-

ревскаго въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться. (Р. Росс. 1904, № 55.)

1901.

14.

На выраженіе неудовольствія министрами по поводу назначенія генералъ-адъютантомъ петербургскаго градоначальника фонъ Клейгельса Государь изволилъ заявить:

„Мнѣ совершенно все „равно, кто что говоритъ; я знаю что „дѣлаю.“ (Qu. R. 1904, VI.)

15.

С. Петербургскій градоначальникъ генералъ-адъютантъ фонъ Клейгельсъ, созвавшій 26-го іюня всѣ чины полиціи, заявилъ имъ: „я счастливъ передать вамъ, что государь императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію безпорядковъ — начиная съ весны нынѣшняго года.“ (Р. Росс. 1904, № 55.)

16.

Принимая 6-го декабря 1901 г. въ Зимнемъ дворцѣ высшихъ представителей корпуса жандар-

мовъ, государь обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

„Я очень радъ васъ видѣть, господа! „Надѣюсь, что союзъ установившійся сего- „дня между мною и корпусомъ жандармовъ „будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ.“ Прав. В., по А 16 стр. 25.)

1902.

17.

Въ понедѣльникъ, 1-го апрѣля 1902 г., министръ вн. дѣлъ, гофъ-егермейстеръ Сипягинъ, пригласившій Его Величество на слѣдующій четвергъ къ обѣду, удостоился милостиваго согласія Государя Императора. (Q. R. 1904, VII.)

18.

Выслушавъ докладъ объ убійствѣ 2-го апрѣля 1902 г. гофъ-егермейстера Сипягина Степаномъ Балмашевымъ, Государь Императоръ сказалъ:

„За Сипягина не помилую.“ (Р. Росс. 1904, № 55.)

19.

Въ апрѣлѣ 1902 г. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи проэкта объ управленіи дѣлами инородцевъ въ Сибири, отвергъ статью о правѣ

крестьянскихъ начальниковъ наказывать розгами и, кстати, единогласно постановилъ „принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ Россіи вообще.“ Государь приказалъ „пересмотрѣть вопросъ“. Государственный Совѣтъ повторилъ то же рѣшеніе. На соотвѣтственную „меморію“ царь положилъ краткую резолюцію:

„Когда захочу, тогда отмѣню“.
(Р. Росс. 1904, № 55.)

20.

На торжественномъ обѣдѣ имѣвшемъ мѣсто по прекращеніи крестьянскихъ безпорядковъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, министръ вн. дѣлъ фонъ-Плеве передалъ отъ имени царя орденъ и поцѣлуй харьковскому губернатору князю Оболенскому. (Н. Д. 1909, I.)

21.

1-го сентября въ Курскѣ къ собравшимся старшинамъ и сельскимъ старостамъ Государь обратился со слѣдующими словами:

„Весною въ „нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія эко„номіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство съу-

„мѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на „будущее время подобныхъ безпоряд- „ковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего „Батюшки, сказанныя имъ въ Москвѣ волостнымъ „старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на „Царство: Слушайтесь вашихъ предводителей „дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ". „Помните что богатѣютъ не захватами чу- „жого добра, а отъ честнаго труда, бере- „жливости и жизни по заповѣдямъ Божіимъ. „Передайте въ точности все, что я вамъ сказалъ, „вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣй- „ствительные ихъ труды я не оставлю Своимъ „попеченіемъ." (Пр. В. 1902, № 192.)

22.

Тронутый открытіемъ памятника своему отцу, царь обратился къ Курскому губернскому предводителю дворянства съ вопросомъ: „Вы, кажется, возбудили какое-то ходатайство о денежной поддержкѣ для курскаго дворянства; удовлетворено ли оно?" На это предводитель отвѣтилъ, что курскимъ дворянствомъ возбуждено ходатайство о пособіи изъ суммъ казны на постройку дворянскаго института для дѣвицъ, но отвѣта еще не получено. Царь обратилтя къ министру ф. Плеве съ вопросомъ, почему не удовлетворено это ходатайство, на что министръ отвѣтилъ, что оно находится на

разсмотрѣніи министра финансовъ, который изыскиваетъ средства для удовлетворенія его. „А о какой суммѣ проситъ дворянство?“ спрашиваетъ царь. „О 210000 руб.“, отвѣчаетъ министръ, „Выдать 250000 рублей“, рѣшилъ царь. (Осв. 1902, № 12.)

23.

12-го сентября на Балтійскомъ заводѣ, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее обращеніе депутаціи. Государь изволилъ произнести слѣдующія милостивыя слова:

„Спасибо вамъ за вашу хлѣбъ-соль „ и за высказанныя чувства. Трудитесь честно, „ведите себя спокойно и не давайте смущать „себя дурнымъ людямъ, которые такіе-же „враги вамъ, какъ враги и мнѣ.“

„Увѣренъ, братцы, что вы впредь поддержите „добрую славу Балтійскаго завода.“ (Пр. В. 1902, № 203.)

1903.

24.

Предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, Его Превосходительствомъ Сергѣемъ Юльевичемъ Витте,

было сдѣлано слѣдующее заявленіе гласному орловскаго губернскаго земства, А. Стаховичу: „Какъ назначенный Высочайшей Волей предсѣдатель совѣщанія, я ручаюсь, что никто ни за какое сдѣланное имъ въ допустимой формѣ заявленіе въ комитетахъ, какъ бы оно ни было рѣзко по существу, не понесетъ никакой отвѣтственности..... Государь хочетъ знать всю правду.“ (Осв. 1902, № 8.) (Р. Росс. 1904, № 4.)

25.

„Всеподданнѣйшій адресъ орловскаго губернскаго земства за милостивый манифесъ 26-го февраля 1903 г. министромъ внутр. дѣлъ 1 мая былъ подвергнутъ на Высочайшее благоволеніе Его Императорскаго Величества.

Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на то, что въ означенномъ адресѣ на ряду съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ содержится ходатайство губернскаго земскаго собранія по предмету, не относящемуся къ вѣдѣнію земскихъ учрежденій.

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ,

„чтобы случаи, подобные настоящему, впредь „не повторялись.“

О таковой Высочайшей Волѣ г. министръ вн.

дѣлъ увѣдомилъ, г. орловскаго губернатора для непремѣннаго и точнаго руководства и исполненія, о чемъ губернская управа имѣетъ честь доложить губернскому земскому собранію.“ (Осв. 1903, № 38.)

26.

19-го іюля 1903 г., во время Саровскихъ торжествъ, на пріемѣ тамбовскаго дворянства, Государь произнесъ:

„Отъ Имени Государынь Импера-
„трицъ и отъ Своего сердечно благодарю васъ
„за гостепріимный и радушный пріемъ. Я пью за
„процвѣтаніе тамбовскаго дворянства; за ваше
„здоровье, господа.“ (Пр. В. 1903 г., № 163.)

27.

Послѣ благодарности за привѣтствія и выраженныя чувства, бывшій земскій начальникъ Малевинскій удостоился вопроса, правда ли, что по сосѣдству были лѣсные пожары. Губернскому предводителю, кн. Чолыкаеву, пришлось отвѣчать на Высочайшій вопросъ, всѣ ли тамбовскіе дворяне собрались за чаемъ въ Саровѣ. (Осв. 1903, стр. 108.)

28.

17-го сентября, на привѣтствіе дворянства Херсонской губерніи, царь отвѣтилъ:

„Благодарю
„васъ за хлѣбъ-соль и за выраженныя чувства.
„Увѣренъ въ преданности вашей и всего
„дворянства. Прошу передать всѣмъ дворянамъ
„мою благодарность.“ (Пр. В. 1904, № 213.)

1905.

29.

19-го января депутаціи, вызванной отъ рабочихъ, царь сказалъ:

„Я вызвалъ васъ для того,
„чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово
„Мое и непосредственно передать его вашимъ то-
„варищамъ.“

„Прискорбныя событія, съ печальными, но не-
„избѣжными послѣдствіями смуты, произошли отъ
„того, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и
„обманъ измѣнниками и врагами нашей родины.“

„Приглашая васъ идти подавать Мнѣ
„прошеніе о нуждахъ вашихъ, они под-
„нимали васъ на бунтъ противъ Меня и
„Моего правительства, насильно отрывая васъ отъ
„честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно-
„русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ
„работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго
„врага.“

„Стачки и мятежныя сборища толь-

„ко возбуждаютъ безработную толпу къ „такимъ безпорядкамъ, которыя всегда „заставляли и будутъ заставлять власти „прибѣгать къ военной силѣ, а это неиз„бѣжно вызываетъ и неповинныя жер„твы.“

„Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое „надо улучшить и упорядочить, но имѣйте тер„пѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что „слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хо„зяевамъ, и считаться съ условіями нашей про„мышленности. Но мятежною толпою заявлять „Мнѣ о своихъ нуждахъ — преступно.“

„Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ „озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію „быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить „имъ впредь законные пути для выясненія назрѣв„шихъ ихъ нуждъ.“

„Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей „и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а по„тому прощаю имъ вину ихъ.“

„Теперь возвращайтесь къ мирномъ труду „вашему, благословясь принимайтесь за дѣло „вмѣстѣ съ вашими товарищами и да будетъ Богъ „вамъ въ помощь.“

Послѣ этой рѣчи рабочимъ были розданы печатные оттиски ея. (Пр. В. 1905, № 45.)

30.

Когда министръ юстиціи, Манухинъ, доложилъ Государю, что сенатъ отвергъ кассацію, и смертный приговоръ надъ Каляевымъ, такимъ образомъ, вступилъ въ законную силу, царь ничего не отвѣчая, отошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стеклу. Отвѣта на сообщеніе Манухина такъ и не послѣдовало. (Р. Росс. 1905, № 68.)

31.

6-го іюня въ Петергофѣ, на пріемѣ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, царь сказалъ:

„Я „радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что „вами, господа, руководило чувство горячей любви „къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обра„щеніи ко Мнѣ.“

„Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ „Моимъ всею душою скорбѣлъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, „которыя принесла Россіи война и которыя необ„ходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ „нашихъ неурядицахъ.“

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля „воля Царская — созывать выборныхъ „отъ народа — непреклонна. Привле„ченіе ихъ къ работѣ государственной

„будетъ выполнено правильно. Я каждый „день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ."

„Вы можете объ этомъ передать всѣмъ „вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на „землѣ, такъ и въ городахъ."

„Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обно- „вленною изъ постигшаго ее испытанія. Пусть „установится, какъ было встарь, единеніе между „Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и „земскими людьми, которое ляжетъ въ основу по- „рядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ „началамъ."

„Я надѣюсь, что вы будете содѣйствовать „Мнѣ въ этой работѣ." (Пр. В. 1905, № 121.)

32.

20-го іюля, въ отвѣтъ на адресъ, поднесенный депутаціей отъ Курскаго дворянства, Его Величество удостоилъ депутацію слѣдующихъ словъ:

„Я „очень вамъ благодаренъ, господа: передайте Мой „привѣтъ Курскому дворянству за столь твердо и „сердечно выраженныя мысли. Я вполнѣ сознаю „ту пользу, которую можетъ принести въ буду- „щемъ законосовѣщательномъ учреж- „деніи присутствіе двухъ основныхъ земельныхъ „сословій — дворянства и крестьянства, которыя

„искони дѣлили радость и горе со своими Царями.“
(Пр. В. 1905, № 134.)

33.

21-го іюня, во время пріема представителей отъ разныхъ сословій и общественныхъ учрежденій, царь, выслушавъ обращенныя къ нему привѣтствія удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

„Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, „и васъ также, братцы, за мысли и чувства, ко„торыя привели васъ ко Мнѣ.“

„Мнѣ особенно отрадно то, что вами руково„дили чувства преданности и любви къ родной „старинѣ.“

„Только то государство и сильно и „крѣпко, которое свято хранитъ завѣты „прошлаго. Мы сами противъ этого „погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, „насъ и караетъ.“

„Что же касается опасеній, вами выраженныхъ, „— скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ „пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и по„грѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ „новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ „на благо всѣхъ моихъ подданныхъ.“

„Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ „кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину

„въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ „ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ „подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ „и да поможетъ.“ (Пр. В. 1905, № 136.)

34.

Послѣ доклада адмирала Рождественскаго о недостаткахъ балтійской эскадры Государь сказалъ вел. кн. Алексѣю Александровичу:

„Лучше бы ты, дядя, воро-„валъ вдвое, да хоть брони-то строилъ „бы настоящія!“ (З. Нар. 1909, № 13.)

35.

На всеподданнѣйшей телеграммѣ 15-го іюля изъ Дѣдова, отъ духовенства, Государь изволилъ начертать:

„Русскіе люди могутъ положиться на Меня „— Я никогда не заключу позорнаго или недостой-„наго Великой Россіи мира.“ (Пр. В. 1905, № 154.)

36.

На докладѣ о находкѣ на островѣ „Ванха Мейлю“ 33 ящиковъ военныхъ магазинныхъ винтовокъ со штыками и 60 ящиковъ боевыхъ патроновъ, 27-го августа, Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ:

„Скверное дѣло.“ (С. О. 1905, № 177.)

37.

Телеграмма Е. И. Вел. Совершенно секретно. Его Высочеству вел. кн. Александру Михайловичу. Петергофъ, 17-го октября 1905 г.:

„Сообщеніе съ „Петербургомъ только моремъ, — положеніе „постыдное.“ (Н. Д. 1909, № 1.)

38.

Изъ Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 года:

„...На обязанность правительства воз-„лагаемъ Мы выполненіе непреклонной На-„шей воли: Даровать населенію незы-„блемыя основы гражданской свободы „на началахъ дѣйствительной неприкосновенности „личности, свободы совѣсти, слова, собраній и со-„юзовъ... Установить, какъ незыблемое пра-„вило, чтобы никакой законъ не могъ „воспріять силу безъ одобренія Госу-„дарственной Думы и чтобы выборнымъ „отъ народа обезпечена была возмож-„ность дѣйствительнаго участія въ над-„зорѣ за законом'рностью дѣйствій поставленныхъ „отъ Насъ властей....“ На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „Николай“.

39.

4-го ноября Государь принималъ Святѣйшій Синодъ въ полномъ составѣ, который поднесъ Государю икону Спасителя. Въ отвѣтъ на рѣчь митрополита Антонія царь произнесъ:

„Выражаю „Святѣйшему Синоду Мою благодарность за благо- „словеніе святою иконою. Вмѣстѣ съ вами и „со всѣми православными людьми непре- „станно молю Господа Бога, да умиритъ „Онъ народъ русскій и да ниспошлетъ ему „благочестіе и укрѣпленіе вѣры. Крѣпко надѣюсь, „что все духовенство, особенно сельское, при- „ложитъ искреннее и вполнѣ христіанское стараніе „къ водворенію среди своей паствы мира и тишины „и къ исполненію каждымъ лежащихъ на немъ „обязанностей, безъ чего, по правильному слову „вашему, не возможно никакое плодотворное раз- „витіе жизненныхъ силъ нашей Родины.“ (Пр. В. 1905, № 239.)

40.

Командиромъ 7-го армейскаго корпуса была 19-го ноября получена слѣдующая Высочайшая телеграмма:

„Выражаю вамъ Мою благодар- „ность за энергичное и быстрое пода- „вленіе мятежа. Объявите Брестскому полку,

„кровью своею запечатлѣвшему вѣрность долгу, что „я возвращаю ему довѣріе и благоволеніе и сохра- „няю ему знамя. Передайте частямъ, оставшимся „вѣрными присягѣ и долгу, и ихъ начальникамъ „Мою сердечную благодарность за доблестную „службу. Разрѣшаю уволить запасныхъ этихъ „частей. Николай.“ (Р. Инв. 1905, № 258.)

41.

21-го ноября, на парадѣ лейбъ-гвардіи Семеновскому полку царь обратился къ полку со слѣдующими высокомилостивыми словами:

„Семеновцы!

„Какъ въ походахъ, такъ и въ мирное время, вы „всегда радовали своихъ Шефовъ своею славною „службою, и въ настоящіе смутные дни вы „честно и преданно служите Престолу „и Отечеству, вѣрные своему долгу и старымъ „преданіямъ полка. Искреннее и душевное спасибо „вамъ за вашу примѣрную службу.“

„Храните всегда такъ же свято завѣты вашего „Основателя, Великаго Петра, и продолжайте слу- „жить такъ же вѣрно, честно и доблестно, какъ „ваши прадѣды, дѣды и отцы.“

„За ваше здоровье, братцы, за славу и про- „цвѣтаніе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.“

Послѣ парада, во время завтрака, царь произнесъ:

„Ея Величество и Я сердечно были рады „видѣть васъ, господа, вчера у Насъ и провести „вечеръ въ средѣ вашей.“

„Я еще разъ сердечно благодарю „полкъ въ вашемъ лицѣ за честную, без- „завѣтную и примѣрную службу Мнѣ и „Родинѣ, а также за сегодняшній блестящій парадъ.“

„Я пью за то, чтобы полковая семья Семенов- „цевъ всегда являлась бы такою же крѣпкою, спло- „ченною, какою Я вижу ее въ настоящее время „къ Моему великому удовольствію. Пью за ваше „здоровье, господа, и здоровье Моей 1-й батереи.“ (Пр. В. 1905, № 252.)

42.

24-го ноября, во время пріема депутаціи отъ тульскаго земства, въ отвѣтъ на рѣчь графа Бобринскаго, царь произнесъ:

„Отъ всего сердца бла- „годарю васъ за выраженныя чувства. Въ насто- „ящее тяжелое время Мнѣ особенно отрадно слы- „шать, что населеніе Тульской губерніи остается „вѣрнымъ своимъ исконнымъ завѣтамъ порядка „и правды.“

„Для полнаго осуществленія дару- „емыхъ Мною свободъ необходимо пре- „жде всего возстановить порядокъ, „но вполнѣ достичь этого возможно лишь при друж-

„номъ содѣйствіи всѣхъ вѣрныхъ своему долгу „сыновъ Россіи.“

„Знаю, что нужда крестьянская ве„лика. Помочь ей — Моя постоянная за„бота. Что было возможно сдѣлать для кре„стьянъ теперь же — сдѣлано. Многое еще „остается совершить; для этого необходимо возвра„щеніе къ мирной трудовой жизни и успокоеніе. „Приложите къ этому ваши старанія; если ва„шему доброму примѣру послѣдуютъ другіе, то „дѣло улучшенія крестьянскаго быта будетъ зна„чительно облегчено.“

„Передайте пославшему васъ тулькому губерн„скому земскому собранію Мою сердечную призна„тельность.“ (Пр. В. 1905, № 254.)

43.

1-го декабря, въ Царскомъ Селѣ, Государю имѣли счастіе представляться депутаціи отъ: I) союза русскихъ людей, II) монархической партіи, III) союза землевладѣльцевъ, IV) общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны, V) совѣта редакціи „Русское Крестьянство“, VI) общества крестьянъ села Воробьевы Горы подъ Москвой и VII) синодальный миссіонеръ, игуменъ Арсеній. При выходѣ Государя всѣ депутаціи привѣтствовали Его земнымъ поклономъ. Отъ имени депутаціи хоругвеносцевъ кн. Щербатовъ поднесъ Его Величеству икону. При-

нявъ икону и приложившись къ ней, царь поблагодарилъ хоругвеносцевъ, обѣщая, согласно ихъ просьбѣ, передать эту икону впослѣдствіи въ Чудовъ монастырь. Тотъ же кн. Щербатовъ удостоился представить Его Величеству адресъ отъ союза русскихъ людей, послѣ чего Государь обратился ко всѣмъ собравшимся со слѣдующими словами:

„Принимаю васъ въ увѣрен-
„ности, что вижу передъ собою истинныхъ сыновъ
„Россіи, искони преданныхъ Мнѣ и Отечеству.“

„Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному,
„какъ только по предначертанному Мною пути; по-
„этому и призываю васъ передать всѣмъ
„любящимъ дорогую нашу родину, что ма-
„нифестъ, данный Мною 17-го октября, есть
„полное и убѣжденное выраженіе моей не-
„преклонной и непреложной воли и актъ, не
„подлежащій измѣненію.“

„Для скорѣйшаго осуществленія даро-
„ванныхъ Мною реформъ необходимо при
„справедливой, строгой и твердой власти во-
„дворить спокойствіе и порядокъ въ потря-
„сенной смутами Землѣ Русской.“

„Въ этой задачѣ вы должны дружнымъ со-
„дѣйствіемъ на мѣстахъ помочь поставленнымъ
„Мною властямъ и Мнѣ.“

„Большой грѣхъ берутъ на душу тѣ, которые
„своими дѣйствіями и внушеніями создаютъ и под-

„держиваютъ смуту, разжигая страсти и взаим-
„ную вражду.“

„Да благословить Господь Богъ Россію, да
„умиритъ ее и да поможетъ всѣмъ намъ исполнить
„долгъ нашъ до конца.“ (Пр. В. 1905, № 269).

44.

23-го декабря въ Царскосельскомъ дворцѣ состоялся пріемъ комиссіи отъ союза русскаго народа, состоявшей изъ 23 лицъ. Предсѣдатель Дубровинъ прочелъ адресъ, выслушавъ который, Государь просилъ передать царское спасибо подписавшимъ адресъ.

Затѣмъ Дубровинъ поднесъ царю два знака союза для Него и для Наслѣдника.

„Хорошо“, отвѣчалъ Государь, — „благодарю васъ“.

По выслушаніи слѣдующаго адреса Майкова, Государь сказалъ:

„Возложенное на Меня
„въ Кремлѣ Московскомъ бремя вла-
„сти Я буду нести Самъ, и увѣренъ,
„что русскій народъ поможетъ Мнѣ.
„Во власти Я отдамъ отчетъ передъ
„Богомъ.“

На послѣдовавшую затѣмъ рѣчь Майкова, Государь сказалъ:

„Благодарю васъ за искреннія чув-
„ства. Я вѣрю русскому народу.“

Въ отвѣтъ на адресъ отъ Ярославскаго отдѣла союза и рѣчь Триштатнаго, Государь отвѣтилъ:

„Поблагодарите всѣхъ
„русскихъ людей, примкнувшихъ къ со-
„юзу русскаго народа. Скоро, скоро
„возсіяетъ солнце правды надъ Землею
„Русской, и тогда всѣ сомнѣнія исчез-
„нутъ. Передайте Мою благодарность ярославцамъ
„и вологодскимъ крестьянамъ.“

Въ отвѣтъ на рѣчь Булацеля, умолявшаго не вѣрить „тому, кого выдвигаютъ массоны и кто опирается только на инородцевъ“, и увѣрявшаго что народъ „творитъ молитву за своего Самодержавнаго Царя и что эта молитва дороже всякихъ похвалъ заграничныхъ газетъ и банкировъ..“ и закончившаго словами: „обопритесь на русскихъ людей — и никакія врата ада не одолѣютъ Русскаго Государя, окруженнаго своимъ народомъ“ — Государь, поблагодаривъ, изволилъ сказать:

„Да, я
„вѣрю, что съ вашей помощью Мнѣ и рус-
„скому народу удастся побѣдить враговъ
„Россіи.“

На рѣчь Баранова, который между прочимъ увѣрялъ, что „евреи въ члены союза безусловно

не принимаются, хотя бы и исповѣдывали православную вѣру", что „настоящая смута на Святой Руси дѣло ихъ рукъ", и умолялъ „не давать имъ равноправія съ нами, иначе они будутъ владычествовать надъ нами", — Государь отвѣтилъ:

„Я подумаю."

Затѣмъ Государь выслушалъ рабочаго Кузьмина и отвѣтилъ:

„Объединяйтесь, русскіе люди, Я „разсчитываю на васъ."

Послѣ рѣчи Борисова Государь сказалъ:

„Благодарю, и передайте „Мою благодарность всѣмъ единомышленникамъ."

За симъ государь спросилъ:

„Кто вы?"

Борисовъ отвѣтилъ, что онъ извозопромышленникъ, и что извозопромышленники употребили всѣ старанія удержать извозчиковъ отъ забастовки.

На это Государь спросилъ:

„И удалось?"

Борисовъ отвѣтилъ: „Удалось".

На это Его Величество опять сказалъ:

„Пере-„дайте извозчикамъ Мою благодарность; объединяй-„тесь и старайтесь." (Моск. Вѣд. 1906, № 12.)

45.

По окончаніи смотра л.-гв. Семеновскому полку, офицеры и нижніе чины полка удостоились слѣдующихъ высокомилостивыхъ словъ монарха:

„Спасибо, Семеновцы, „дорогіе мои! Отъ всей души горячо „благодарю васъ за вашу службу. Благодаря Вашей доблести, стойкости и „вѣрности сломлена крамола въ Москвѣ.“ (Н. Д. 1909, № 1.)

46.

31-го декабря 1905 г. во время смотра лейбъ-гвардіи казачьему Его Величества полку царь обратился къ полку со слѣдующими высокомилостивыми словами:

„Лейбъ-казаки! Въ теченіе 100 лѣтъ вы „твердо и вѣрно служите своимъ Царямъ, Шефамъ „и Отечеству, какъ въ военное время въ походахъ, „такъ и въ мирное время; и теперь, въ тѣ смут„ные дни, которые Господь ниспослалъ Россіи, вы „и все войско донское служите честно, вѣрно и „беззавѣтно Мнѣ и Россіи. Въ вашемъ лицѣ благо„дарю донскихъ казаковъ, а всѣмъ вамъ, вѣр„нымъ Моимъ казакамъ, сердечное спа„сибо за службу.“

„Гг. офицеры, отъ души благодарю

„васъ за вашу славную и примѣрную „службу.“

„Въ знакъ Моего благоволенія къ войску и „полку зачисляю вашего командира полка въ Мою „свиту, а командующаго Моей сотней — назначаю „Моимъ флигель-адъютантомъ.“ (Пр. В. 1906, № 4.)

1906.

47.

14-го января состоялся смотръ лейбъ-гвардіи атаманскому Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полку. Послѣ обхода Государь Императоръ передалъ Наслѣдника Цесаревича командиру полка, ген.-маіору Вершинину, который отнесъ Августѣйшаго Шефа Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Государю Императору благоугодно было обратиться къ полку со слѣдующими высокомилостивыми словами:

„Вотъ, братцы, вашъ Шефъ и „Атаманъ. Съ этого дня Я желаю, чтобы первая „сотня именовалась сотнею его Высочества.“

„Господа офицеры, искренне благодарю васъ за „блестящій видъ, въ которомъ полкъ Мнѣ сегодня „представился, а также за вашу вѣрную и слав„ную службу.“

„И вамъ, казаки, сердечное спасибо „за вашу постоянную тяжелую и пре„данную службу Родинѣ и Мнѣ. Убѣж„денъ, что полкъ будетъ такъ же вѣрно служить „и Ему, какъ служитъ Мнѣ и прежде слу„жилъ своимъ Царямъ. Увѣренъ, что молодые ка„заки проникнутся славными завѣтами донскихъ ка„заковъ."

„Еще разъ спасибо вамъ, братцы. Въ вашемъ „лицѣ, вмѣстѣ съ лейбъ-казаками, благодарю все „войско донское."

„Въ память сегодняшняго отличнаго смотра, „которымъ вы Меня сильно порадовали, зачисляю „вашего командира въ Свою свиту и назначаю „полкового адъютанта флигель-адъютантомъ." (Пр. В. 1906, №№ 12, 13.)

48.

3-го февраля, во время смотра 27-му и 28-му донскимъ казачьимъ полкамъ, царь осчастливилъ ихъ слѣдующими высокомилостивыми словами:

„Господа полковые коман„диры, сотенные командиры и младшіе офицеры, „выражаю вамъ Мою искренною благодарность „за вашу службу и за тотъ блестящій смотръ, ко„торымъ вы Меня сегодня порадовали."

„Казаки, скоро будетъ годъ, что Я васъ при„звалъ на службу для охраны спокойствія

„и порядка въ Моей столицѣ и ея окрест-
„ностяхъ. Десять мѣсяцевъ, какъ вы
„несете вашу тяжелую службу вѣрно и
„честно Россіи и Мнѣ. Я знаю, что вы оставили
„свои семьи, дома, но Я прикажу о нихъ позабо-
„титься, такъ что имъ никакого ущерба не будетъ.“

„Донское козачество честно и преданно несетъ
„службу Отечеству и Мнѣ.“

„Благодарю васъ и въ вашемъ лицѣ все слав-
„ное войско донское за вашу доблестную службу.“

„Спасибо вамъ, казаки, за службу, спасибо за
„сегодняшній смотръ.“ (Пр. В. 1906, № 29.)

49.

18-го января во время пріема депутаціи крестьянъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, царь обратился къ депутатамъ со слѣдующею рѣчью:

„Я очень радъ васъ ви-
„дѣть; вы, братцы, конечно, должны знать, что
„всякое право собственности непри-
„косновенно, то, что принадлежитъ по-
„мѣщику, принадлежитъ ему, то, что при-
„надлежитъ крестьянину, принадлежитъ ему. Земля,
„находящаяся во владѣніи помѣщиковъ, принадле-
„житъ имъ на томъ же неотъемлемомъ правѣ, какъ
„и ваша земля принадлежитъ вамъ. Иначе не мо-
„жетъ быть, и тутъ спора быть не можетъ. Я желаю,

„чтобы вы передали это своимъ односельчанамъ. „Въ Моихъ заботахъ о васъ Я не забуду кресть„янъ, ваши нужды Мнѣ дороги, и Я объ нихъ буду „заботиться постоянно, такъ же, какъ объ нихъ „заботился Мой покойный Отецъ. Созывается „Государственная Дума и совмѣстно со Мною она „обсудитъ, какъ это лучше рѣшить. На Меня вы „всѣ можете разсчитывать, Я вамъ помогу, но „повторяю, помните всегда, что право собствен„ности свято и должно быть неприкосновенно.“ (Пр. В. 1906, № 16.)

50.

2-го февраля при пріемѣ депутаціи тамбовскаго и тульскаго, дворянства, царь сказалъ:

„Сердечно благодарю васъ за выраженныя „чувства, ваши ходатайства будутъ приняты во „вниманіе и все, что Я найду возможнымъ и „полезнымъ сдѣлать, будетъ своевременно осуще„ствлено. Вы знаете, какъ дороги Мнѣ интересы „всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и интересы дво„рянства, но въ данное время Меня наибо„лѣе заботитъ вопросъ объ устройствѣ „крестьянскаго быта и облегченіи зе„мельной нужды трудящагося крестян„ства при непремѣнномъ условіи сохра„ненія неприкосновенности частной „собственности.“ (Пр. В. 1906, № 28.)

51.

9-го февраля, во время пріема депутаціи владимірскаго дворянства, поднесшей адресъ, царь сказалъ:

„Я радъ видѣть васъ здѣсь.“

„Передайте владимірскому дворянству Мою „искреннюю благодарность за выраженныя Мнѣ „чувства въ вашемъ адресѣ.“

„Ваша преданность и доблестное „служеніе Престолу и Родинѣ Мнѣ хо„рошо извѣстны, Я въ нихъ всегда былъ увѣ„ренъ.“

„Повторяю вамъ то, что уже сказалъ депу„таціямъ тульскаго и тамбовскаго дворянства, что „благо всѣхъ сословій Государства Мнѣ „одинаково дорого, и что при земель„номъ устройствѣ крестьянъ право ва„шей собственности остается неприко„сновеннымъ.“

„По Моимъ указаніямъ вырабатываются теперь „мѣры для облегченія наиболѣе нуждающихся въ „землѣ трудящихся на ней крестьянъ, при не„премѣнномъ условіи сохраненія неотъ„емлемой частной земельной собствен„ности.“

„Благодарю васъ отъ души за готовность „помочь Мнѣ.“ (Пр. В. 1906, № 34.)

52.

16-го февраля, при пріемѣ депутаціи отъ Самодержавно-Монархической партіи, поднесшей адресъ, царь сказалъ:

„Знаю и цѣню ваши чувства „отъ души и благодарю васъ и въ вашемъ лицѣ „всю Самодержавно-Монархическую Партію. Пе„редайте всѣмъ, уполномочившимъ васъ, „что реформы, которыя Мною возвѣщены „манифестомъ 17-го октября, будутъ осу„ществлены неизмѣнно, и права, которыя „Мною даны одинакого всему населенію, „неотъемлемы. Самодержавіе же Мое оста„нется такимъ, какимъ оно было встарь. „Спасибо вамъ за вашу преданность.“ (Моск. Вѣд. 1906, № 46).

53.

Московскій генералъ-губернаторъ адмиралъ Дубасовъ, въ воскресенье 23-го апрѣля 1906 г. тяжело раненый бомбой, брошенной неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, удостоился получить отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Благодарю Бога, сохра„нившаго вамъ жизнь столь нужную Мнѣ. „Надѣюсь, страданія невелики. Берегите себя и „свои силы. Искренній привѣтъ вашей супругѣ. „Николай.“ (Нар. Ж. 1906, № 3.)

54.

Тронная рѣчь при открытіи Государственной Думы 27-го апрѣля. Его Величество, стоя, произнесъ громкимъ голосомъ:

„Всевышнимъ промысломъ „врученное Мнѣ попеченіе о благѣ Отечества по„будило Меня призвать къ содѣйствію въ законо„дательной работѣ выборныхъ отъ народа.“

„Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее „Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ „лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлю„бленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.“

„Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. „Вѣрю, что любовь къ Родинѣ, горячее желаніе „послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.“

„Я же буду охранять непоколебимыми устано„вленіями, Мною дарованныя, съ твердою увѣрен„ностью, что вы отдадите всѣ свои силы на само„отверженное служеніе Отечеству для выясне„нія нуждъ столь близкаго Моему сердцу „крестьянства, просвѣщенія народа и раз„витія его благосостоянія, памятуя, что для „духовнаго величія и благоденствія Государства „необходима не одна свобода, необхо„димъ порядокъ на основѣ права.“

„Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть „народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему

„въ наслѣдіе Государство крѣпкое, благоустроен-
„ное и просвѣщенное.“

„Господь да благословитъ труды, предстоящіе
„Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ
„и Государственною Думою, и да знаменуется день
„сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго
„облика Земли Русской, днемъ возрожденія ея
„лучшихъ силъ.“

„Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на
„которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно
„довѣріе Царя и народа.“

„Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ.“ (Пр. В.)

55.

Именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату 8 іюля 1906 г.:

„На основаніи статьи 105 свода основныхъ,
„государственныхъ законовъ, изданія 1906 года
„повелѣваемъ: Государственную Думу распустить,
„съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной
„Думы на 20-е февраля 1907 года.“

„О времени производства новыхъ выборовъ
„въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ Насъ
„особыя указанія.“

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ учи-
„нить къ исполненію сего надлежащее распоря-
„женіе.“

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „Николай“.

Въ Петергофѣ, 8-го іюля 1906 года. (Пр. В.)

56.

Совершенно секретно. Командующему войсками Варшавскаго Военнаго Округа:

„При личномъ докладѣ воен. министра 26 сего августа Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ объявить командующимъ войсками, что онъ требуетъ безусловнаго примѣненія новаго закона о военно-полевыхъ судахъ, опубликованнаго въ Правительств. Вѣстн. №190 и Русск. Инвалидѣ №№ 186 и 187 ко всѣмъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ въ правилахъ о сихъ судахъ. Командующіе войсками и генералъ-губернаторы, которые допустятъ отступленія отъ этого Высочайшаго повелѣнія, будутъ за это отвѣтственны лично передъ Его Величествомъ. Командующіе войсками должны озаботиться, чтобы по этимъ дѣламъ не представлять Государю телеграммъ о помилованіи.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство въ дополненіе къ шифрованной телеграммѣ военнаго министра за № 820.“

Подлинный подписалъ Начальникъ Главнаго Управленія ген.-лейт. Павловъ. (Н. А. 1907, № 1.)

57.

На рапортѣ военнаго министра о смерти главнаго военнаго прокурора, генералъ-лейтенанта Павлова, Государь собственноручно начерталъ:

„Трудно замѣнимая „потеря честнаго и стойкаго человѣка.“ (Парт. Изв. 1907, № 4.)

58.

По Высочайшему Указу главное казначейство предложило отдѣленіямъ казенной палаты выдать окружнымъ комендантскимъ управленіямъ на улучшеніе содержанія войскъ, принимавшихъ участіе въ подавленіи безпорядковъ: Московскому 120 000, Кавказскому 40000, Варшавскому 70000, Казанскому 45 000, Кіевскому 70 000, Виленскому 85 000, и Одесскому 10 000 рублей. (Око, 1906, 14 окт.)

59.

„Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ. 10 ноября 1906 г. г. С.-Петербургъ.

Посылаю Тебѣ къ нашему полковому празднику текстъ высокомилостивыхъ словъ, съ коими

Государь Императоръ соизволилъ обратиться 18-го августа сего года, въ Александріи, къ депутаціи отъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, подносившей Государю Наслѣднику Цесаревичу Алексѣю Николаевичу шашку:

„Гг. офицеры, поручаю вамъ „передать всему полку глубокую благодарность „Мою, Государыни Императрицы и маленькаго На„слѣдника какъ за большую шашку, которую онъ, „Богъ дастъ, будетъ носить на службѣ, такъ и за „ту, которая теперь на немъ. Пусть эта шашка „будетъ еще звеномъ, о которомъ я говорилъ на „вашемъ блестящемъ смотру. Еще разъ даю ему „завѣтъ такъ же любить васъ, какъ я люблю и „уважаю дорогихъ Мнѣ Семеновцевъ. Вы, „уходящіе въ запасъ, скоро благополучно верне„тесь по домамъ. Если кто васъ обидитъ или от„несется не такъ какъ слѣдуетъ отнестись къ на„стоящему Семеновцу, то я даю вамъ право обра„титься прямо ко мнѣ. Да хранитъ васъ Богъ.“

Храни до гроба Священныя слова Державнаго шефа полка, никому ихъ не давай и береги ихъ; чтобы они никогда ни въ чьи нечистыя руки не попали, и не безпокой зря священную Особу Государя Императора безъ крайней необходимости. Командиръ полка Генералъ-Маіоръ Шильдеръ.“ (Нов. М. 1907, № 2.)

1907.

60.

Съѣздъ Союза Русскаго Народа, собравшійся въ Кіевѣ въ 1907 году въ отвѣтъ на выраженныя имъ вѣрноподданническія чувства Государю Императору получилъ тегеграмму отъ министръ-президента Столыпина: „Государь Императоръ повелѣлъ благодарить съѣздъ за выраженныя имъ вѣрноподданническія чувства.“ (Н. Д. 1909, № 1.)

61.

4-го іюля 1907 года опубликованъ Именной Высочайшій Указъ о роспускѣ Второй Государственной Думы и новыя правила о производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

62.

Его Императорское Величество Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить предсѣдателя союза русскаго народа Дубровина нижеслѣдующей телеграммой:

„Передайте всѣмъ предсѣдателямъ „отдѣловъ и всѣмъ членамъ союза русскаго народа, „приславшимъ Мнѣ изъявленія одушевляющихъ

„ихъ чувствъ, Мою сердечную благодарность за „ихъ преданность и готовность служить престолу „и благу дорогой родины. Увѣренъ, что теперь „всѣ истинновѣрные и русскіе беззавѣтно любящіе „свое отечество сыны сплотятся тѣснѣе и постоянно „умножая свои ряды, помогутъ Мнѣ до„стичь мирнаго обновленія нашей свя„той и великой Россіи и усовершенствованія „быта великаго ея народа. Да будетъ же Мнѣ „Союзъ Русскаго Народа надежной „опорой служа для всѣхъ и во всемъ „примѣромъ законности и порядка. „Николай". (Р. Зн. іюль 1907.)

63.

На ходатайство о помилованіи приговоренныхъ за участіе въ скопищѣ, учинившемъ вслѣдствіе побужденій проистекавшихъ изъ племенной и религіозной вражды къ евреямъ, похищеніе и истребленіе чужого имущества, къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ, съ послѣдствіями для всѣхъ по ст. 58_1 и 58_2 улож. о наказ., Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

„Даровать помилованіе." (Тов. 1907, № 288.)

64.

По ходатайству „Союза Русскаго Народа“ Высочайше даровано помилованіе:

1) 4 мѣщ., осужденнымъ въ каторгу за „самосудъ надъ революціонерами“; 2) троимъ, обвинявшимся „въ подстрекательствѣ къ избіеніямъ евреевъ въ октябрьскіе дни, въ нанесеніи имъ смертельныхъ побоевъ“ и осужденнымъ за это въ арестантскія роты; 3) двумъ казакамъ, „убившимъ съ цѣлью грабежа еврейскаго лавочника“ и приговореннымъ къ 15 год. каторги; 4) городовому, осужденному въ арест. отд. „за убійство адвоката“ и 5) приговоренному судомъ за „участіе въ анти-еврейскихъ безпорядкахъ“. (Тов. 1907, № 232.)

65.

13-го ноября 1907 года, Государь Императоръ изволилъ послать свой портретъ съ собственноручной надписью въ Екатеринославскій отдѣлъ Союза Русскаго Народа. (Н. Д. 1909, № 1.)

1909.

66.

31-го декабря 1909 года, по Указу Его Величества былъ освобожденъ изъ подъ

стражи заключенный въ Гельзингфорскую тюрьму, Половневъ, осужденный финляндскимъ судомъ за убійство депутата Государственной Думы М. Я. Герценштейна.

По Указу Его Величества были освобождены отъ отбытія наказанія также и прочіе лица, осужденные за то-же преступленіе. (Рѣчь, 1910, № 2.)

67.

Въ приказѣ по военному вѣдомству Государь Императоръ изволилъ выразить Высочайшую благодарность чинамъ военно-судебнаго вѣдомства за тяжелые труды понесенные ими въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, при разсмотрѣніи столь многочисленныхъ дѣлъ, и вынесеніи по нимъ приговоровъ. (Рѣчь, авг., 1909.)

68.

По Указу Его Величества военно-окружными судами надъ лицами гражданскаго вѣдомства вынесено смертныхъ приговоровъ: въ 1905 г. — 72, въ 1906 г. — 450, въ 1907 г. — 1056, въ 1908 г. — 1741. Свѣдѣнія Департамента Полиціи (Н. Г. 1909, № 56.)

72
450
1056
1741
3319

Разъясненіе

сокращеній употребленныхъ въ приложеніи.

З. — За Народъ. М. Вѣд. — Московскія Вѣдомости. Н. Арм. — Народная Армія. Н. Д. — Народное Дѣло. Н. Ж. — Народная Жизнь. Н. Г. — Наша Газета. Нов. М. — Новая Мысль. О. — Око. Осв. — Освобожденіе. Прав. В. — Правительственный Вѣстникъ. (Цитируемъ по „Собранію рѣчей Императора Николая II“ составленному по оффиціальнымъ даннымъ книгоиздательствомъ „Другъ Народа“ въ С. П. Б.) П. Изв. — Партійныя Извѣстія. П. Г. Н. — Первый годъ Николая II. (Хроника. Изданіе общества народнаго права.) Р. Росс. — Революціонная Россія. Р. Зн. — Русское Знамя. Р. Инв. — Русскій Инвалидъ. С. О. — Сынъ Отечества. Т. — Товарищъ. Qu. R. — Quarterly Review.

Указатель литературы.

А. Біографіи, изслѣдованія, сборники статей, матеріалы и документы.

1. Амфитеатровъ, Александръ, Господа Обмановы, Берлинъ, 1902.
2. Болѣзнь и смерть Александра III, Лондонъ, 1900.
3. Бурцевъ, Вл., Долой царя! Лондонъ.
4. Верхоянцевъ, С., Конекъ-скакунокъ. Русская сказка. С. П. Б. 1906.
5. Владиміровъ, В., Карательная экспедиція отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Москва. 1906.
6. Владиміровъ, В., Очерки современныхъ казней. Москва. 1906.
7. Гершуни, Григорій, Изъ недавняго прошлаго. Парижъ. 1908.
8. Доклады министра внутр. дѣлъ Николаю II. (Царскій Листокъ). Парижъ. 1909.
9. Климковъ, Василій, Расправы и разстрѣлы. Москва. 1906.
10. Коноплянникова, Зинаида Васильевна. Изданіе Сѣвернаго Областного Комитета П. С. Р. 1906.
11. Красное знамя. Сборникъ. Изд. П. С. Р. 1905.
12. Народное дѣло. Сборникъ. Изд. П. С. Р. 1909.
13. Орловъ, П., Царь Николай II, его среда и совѣтники. Давосъ. 1905.
14. Первая царская рѣчь. Женева. 1895.
15. Первый годъ Николая II. Хроника. Изданіе Общества Народнаго Права. 1896.
16. Погромы по оффиціальнымъ документамъ. С. П. Б. 1908.
17. Полное собраніе рѣчей Императора Николая II. Составлено по оффиціальнымъ даннымъ „Правительственнаго Вѣстника“. С. П. Б. 1906.
18. Царь. Характеристика. Переводъ съ англійскаго. Изд. П. С. Р. 1905.
19. Царь-Послѣдышъ. Надгробное слово самодержавію. Женева. 1905. Изд. Р. С. Д. Р. П.
20. Цесаревичъ, его путешествіе и покушеніе на его жизнь 11-го мая 1891 г. Carouge-Genève. 1898.
21. Zilliacus, Konni, Das revolutionäre Rußland. Frankfurt a. M. 1905.
22. Ходатайство русскихъ литераторовъ объ облегченіи цензуры. Лондонъ. 1895.
23. Ходынка. Кровавыя жертвы коронаціи Николая II. Carouge-Genève. 1900.

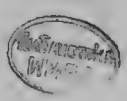
54. Ular, Alexander, Die russische Revolution. Berlin. 1905.

22. Frowein Eberhard, Послѣдній самодержецъ.

Б. Періодическія изданія.

1. Berliner Tageblatt 1907 Nr. 623; 1908 Nr. 72.
2. Былое. Сборникъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія. Парижъ 1908—9. (№ 7—12.)
3. Вѣстникъ русской революціи. Соціально-политическое обозрѣніе. Изд. П. С. Р. 1903.
4. За Народъ. Изд. Центр. Ком. П. С. Р. 1908—1910.
5. Знамя Труда. Центральный Органъ П. С. Р. 1907—1910.
6. Красное знамя. Журналъ политическій и литературный. Парижъ 1906.
7. Московскія Вѣдомости. (см. А. 14.
8. Народная армія. Изданіе Всеросс. Офицерск. Союза. 1907.
9. Народный вѣстникъ. Общественно-политическій и литературный еженедѣльный журналъ. С. П. Б. 1906.
10. Народная жизнь. Изданіе еженедѣльное. С. П. Б. 1906.
11. Наша газета. Политическая, литературная и экономическая ежедневная газета. С. П. Б. 1908—9.
12. Новая мысль. Сборники статей. С. П. Б. 1906—7.
13. Око. С. П. Б. 1906. 14 окт.
14. Освобожденіе. Revue russe bi-mensuelle, Штуттгартъ 1903—5.
15. Правительственный Вѣстникъ. (см. А. 14)
16. Партійныя Извѣстія. Изд. Центр. Ком. П. С. Р. 1907.
17. Революціонная Россія. Изданіе Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. 1902—1905.
18. Революціонная мысль. Изданіе группы Соціалистовъ-Революціонеровъ. 1908.
19. Revue. Paris. 1907. (Цитируемъ по Б. 1.)
20. Рѣчь. Петербургъ. 1906—1910.
21. Русское знамя. Органъ Союза Русскаго Народа С. П. Б. 1906—1910.
22. Русскій Инвалидъ. 1905. (см. А. 14.)
23. Сознательная Россія. Сборники на совр. темы. С.П.Б. 1906.
24. Simplizissimus. Illustrierte Wochenschrift. München. 1905.
25. Современное обозрѣніе. Сборникъ съ приложеніемъ „Съ Родины на Родину“. Женева. 1895.
26. Сынъ отечества. С.П.Б. 1905.
27. Товарищъ. Политическая, литературная и экономическая газета. 1906, 1907.
28. Tribune Russe. Revue mensuelle du mouvement Socialiste Révolutionnaire en Russie. Paris. 1904—1909.
29. Трудъ. Рабочая газета. Изданіе Пет. Комитета П. С. Р. С.-Петербургъ, 1906—1908.
30. Quarterly Review. London. 1904. (см. А. 15.)
31. Ulk. Satirische Beilage zum Berliner Tageblatt. 1905.

Оглавленіе.

Вмѣсто предисловія 3
Дѣтство, отрочество, юность 21
Медовый мѣсяцъ 39
Семейная сценка 51
Первыя ягодки 61
При звукахъ чарующихъ вальса 73
„Государь хочетъ знать всю правду“ . . . 85
Entre lex deux mon coeur balance 95
„Жеребцы Его Высочества“ или „Когда захочу, тогда отмѣню“? 107
Желтый билетъ 125
Августѣйшее Семейство 141
Еще кое-что про Августѣйшую Семью . . . 169
Причуды, капризы, фантазіи и прихоти . . 191
Друзья и сподвижники 211
Царь и женщины 235
Заговоры царя („Ah, qu'ils puent ces députés!“) 243
Заговоры противъ царя 263
Приложеніе: Избранныя рѣчи Николая II, тайные документы, секретныя телеграммы царя и др. 277
Указатель литературы 328
Оглавленіе 330

Типографія для иностранныхъ языковъ
М. Шмерзова, Кирхайнъ Н.-Л. (Германія.)